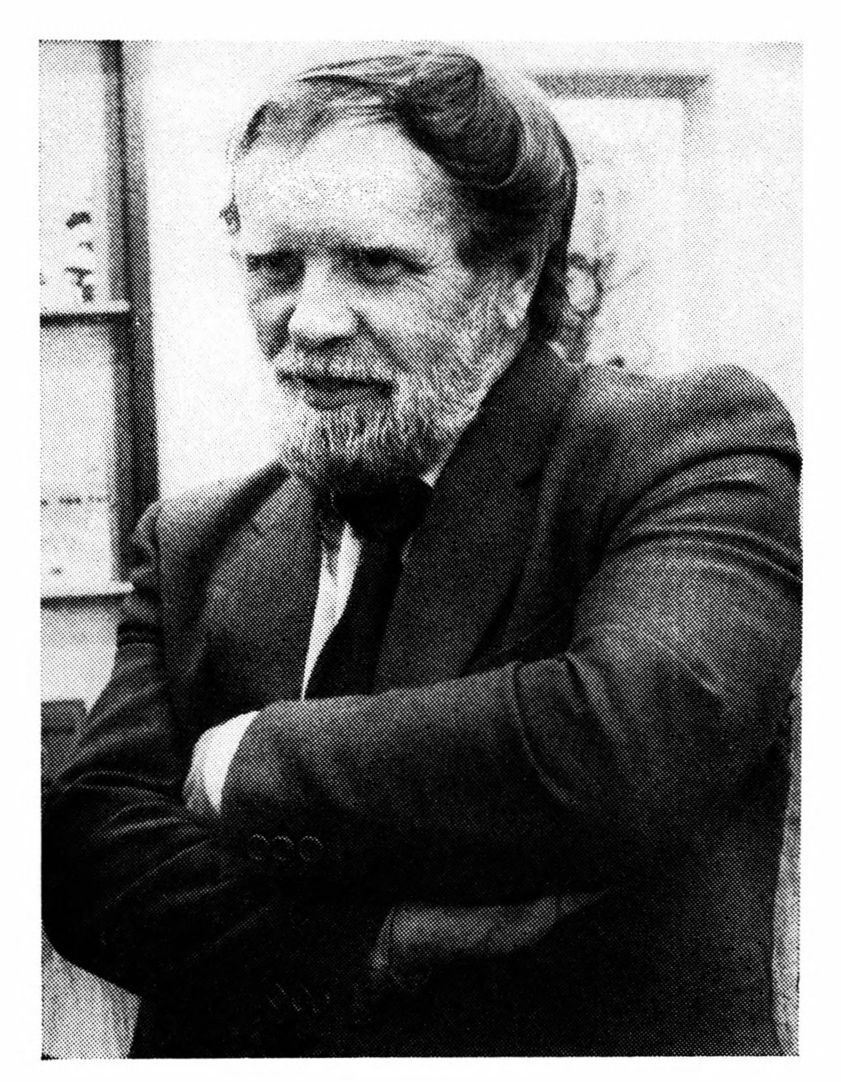
Василий Белов

ТРИ ПЬЕСЫ

Василий Белов

ТРИ ПЬЕСЫ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1983

Р 2
Б 43

Василий Белов начинал свою литературную деятельность как поэт. Но большинству читателей он известен как самобытный прозаик, знаток народной жизни. Его повесть «Привычное дело» стала заметной вехой в развитии лучших гражданских традиций советской прозы, посвященной современной деревне.

В 1981 году за сборник повестей и рассказов Василий Белов получил Государственную премию СССР.

Настоящая книга знакомит читателей с Беловым-драматургом.

Пьесы «Над светлой водой» и «Сцены районной жизни» посвящены злободневным проблемам жизни современной деревни.

В пьесе-сказке «Бессмертный Кощей», остроумно трансформируя фольклорные образы, писатель высмеивает бездумное, хищническое отношение к животворящей, вечно обновляющейся природе.

Сквозной мотив его пьес, пафос Белова-драматурга — борьба за сохранение народных традиций, народной памяти, размышления о смене поколений, о том, с какими потерями и приобретениями происходит эта смена.

Убежденный противник инсценировок, Василий Белов, полагая, что проза непереводима на язык драматургии, пришел к зрителю с самобытными пьесами, которые вот уже несколько лет с успехом идут на сценах театров страны.

Художник Владимир Левинсон

Б $\frac{4702010200-091}{083(02)-83}$ 238—83

Над светлой водой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: ФЕДОР — Федор Дмитриевич Касаткин, престарелый колхозник. ДАША — его дочь. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — брат Даши, Николай Федорович Касаткин. ВАНЯ — сосед Касаткиных, ровесник Даши. ТРЕФЕНА — мать Вани, доярка, пожилая женщина. ПОЛКОВНИК — Михаил Павлович Смирнов, полковник в отставке. НИНА АНДРЕЕВНА — жена полковника, работник районного сельхозуправления. ГЕОРГИЙ — их сын.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Предназначенная под снос деревня Каменка стоит на спаде большого холма, над одноименной рекой. Место весьма живописно. Видно далеко вокруг, везде покосы и перелески. Дом Касаткиных, с высоким старинным крыльцом, а также въездом и несколькими воротами. Он глядит окнами на реку и господствует над окружающей местностью. Рядом другой дом, поменьше. Это все, что осталось от громадной деревни.

Даша Касаткина неранним солнечным утром, напевая, поливает капусту.

Отцвела и поспела на болоте морошка,
Вот и кончилось лето, мой друг,
И опять наступает листопад за окошком,
Тучи темные ходят вокруг [1].

Она, звеня ведрами, убегает на речку. Слышен шум подъехавшего газика и голос председателя Николая Федоровича Касаткина: «Даша? Отец? Есть кто-нибудь?» У него утомленное, несимметричное и чуть насмешливое лицо, выражение которого почти никогда не меняется.

Председатель. Иван! А ну гудни!

Ваня. Никого нет, Николай Федорович. Все сенокосничают.

Председатель. А Трефена?

Ваня. Мама вроде бы дома. Ворота открыты.

Председатель. Глуши мотор и скажи, чтобы самовар ставила.

---

[1] Из песни Николая Рубцова.

Ваня. Больше никуда не поедем?

На сцену поспешно, ни на кого не глядя, выходит Нина Андреевна. Это деловая, начинающая полнеть дама.

Нина Андреевна. Нет, нет, Касаткин! Едем во вторую бригаду. Как думаешь, успею агитколлектив во второй провести?

Председатель (*Ване*). Глуши, глуши.

Ваня уходит.

А во вторую я вас сам отвезу.

Нина Андреевна. Сам? Тебе что, нечего делать?

Председатель. Дел-то по горло. Да вон Ивана отпустить надо, ему завтра в отправку.

Нина Андреевна. Куда? Почему?

Председатель. Забрили парня.

Нина Андреевна. Что? В парикмахерскую?

Председатель. Вот... Это и есть наша знаменитая Каменка.

Нина Андреевна. Печально знаменитая, Касаткин, печально!

Председатель. Сорок домов было... до войны. А с войны... Один мой отец вернулся. Да и тот весь в дырах...

Нина Андреевна. Да?

Председатель. ...как решето.

Нина Андреевна. Да? Как же так, Николай Федорович? Решение бюро знаешь, сам принимал. А родного отца не можешь на переезд сагитировать. Какой же это пример другим?

Председатель. Вот и сагитируйте... Вам и карты в руки. Только перекусим сперва, святым духом сыт не будешь.

Нина Андреевна. Нет-нет, ни в коем случае! Обедать после.

Председатель. Почему спешка такая? У вас дома не семеро ведь по лавкам?

Нина Андреевна. Не семеро? Не семеро... Один, да... И всего-то один.

Председатель. Ну, бывает и один, да с овин. В каком возрасте, ежели не секрет? Работает?

Нина Андреевна. В Ленинграде учился, на юридическом. Ушел с третьего курса, а теперь хочет в другой институт. С отцом-то ежедневно дискуссии! Даже нельзя одних оставлять, только уедешь, обязательно что-нибудь натворят. Прошлый раз приезжаю... *(Спохватывается.)* Нет-нет, Касаткин, давай во вторую! А где эта женщина? Зови! Я еще успею с ней побеседовать.

Председатель. Трефена!

В глубине сцены появляется Трефена, она босиком и в переднике.

Иди-ко сюда на минуту.

Трефена. Здравствуйте! Миколай да Федорович. Заходите, самовар-от кипит.

Председатель. Садись...

Трефена, однако, не садится на бревна.

Нина Андреевна. Что же это вы, Трефена...

Председатель. Ивановна.

Нина Андреевна. Что же это вы, Трефена Ивановна, передовая доярка, награды имеете...

Трефена. Чево, матушка?

Нина Андреевна. Почему на центральную усадьбу не переезжаете?

Трефена. Да я что, я пожалуйста. Как Иванушко, так и я.

Председатель. Ну, народ! А Иван на тебя кивает. Вот что, кота за хвост хватит тянуть! Давай, Трефена, не будем ругаться. Переезжать! Сию минуту переезжать, пока Иван дома. Сегодня трактор пошлю. К вечеру!

Трефена. Господи, царица небесная, матушка...

Миколай да Федорович, куда мне одной в Покровсько? Парня на службу берут. Ивана-то!

Председатель. Вот и будешь жить в каменном доме, пока Иван служит. Ты погляди на свою хоромину! Одних дров сколько надо... Течет крыша-то?

Трефена. Как не течет, водопроводом течет, и в двух местах.

Председатель. Ну, вот что! Чтобы духу твоего в Каменке не было! Трактор придет, заодно и наших перевезем!

Трефена. Господи, что будет-то...

Нина Андреевна. А при чем тут бог, Трефена Ивановна? Будете жить на центральной, со всеми удобствами. Ферма рядом, не надо ходить за шесть километров.

Трефена. Да ведь и в Череповец-то зовут.

Председатель. Что?

Трефена. В кажинном письме... Требуют.

Председатель. Да ты... ты... *(заикаясь от возмущения)* ты думаешь, что говоришь?

Трефена. Ребеночка не с кем... работают оба...

Председатель. Ты что? В няньки тебе захотелось?

Трефена. Да ведь работают... ребеночка не с кем...

Председатель. Выкрутятся! Ишь, понимаешь... Не пройдет номер! *(Подбегает к машине, разгорячившись не на шутку.)* Едем! Хватит!

Трефена. Куда, батюшко?

Председатель. В Покровское!

Трефена недоумевает.

Будешь квартиру смотреть! Сколько можно? Уговариваем как маленьких. Едем! Ну? Живо!

Трефена. Да парень-то... Самовар кипит, подмену еле нашла...

Нина Андреевна. Что же это вы, Трефена Ивановна? Вам дают благоустроенную квартиру, в колхозе вас ценят, вы у нас на первом счету. И вдруг такое непониманье вопроса!

Председатель. А ну залезай в машину! Хватит. Череповец... Я тебе покажу Череповец! Я тебе такой Череповец покажу...

Трефену сажают в машину, следом садится Нина Андреевна. Дверца хлопает, машина фырчит и исчезает. Ваня, молча, с какой-то странной задумчивостью наблюдавший всю эту сцену, прислушивается к Дашиной песне.

Ах, я тоже желаю на просторы вселенной,
Ах, я тоже на небо хочу,
Но в краю незнакомом будет грусть неизменной
По родному в окошке лучу.
Но в краю незнакомом...

Он бросает в Дашу кистью еще зеленой рябины.

Даша. Рыжий...

Ваня пожимает плечами.

Ну, не очень... Только немножко... Рыжий-то... *(Оглядывается, подбегает к нему и через изгородь чмокает в щеку.)* Милый...

Ваня перепрыгивает через изгородь.

Ох, ну, пожалуйста, перестань... Перестань, увидит же папа...

Ваня. Он уже полстога сметал.

Оба из-под ладоней глядят вниз, на реку. Даша спохватывается.

Даша. Ой! Опять один! С лестницей мечет.

Ваня. Подожди...

Даша. Подожди. Только и знаешь... тискаться. Вань, а ты знаешь, как зовут-то меня? *(Щекочет его травинкой.)* Хоть бы разок назвал по имени.

Ваня. Ну, Даша.

Даша. Не ну Даша, а Даша.

Ваня. Адаша...

Даша. Вредный! Ванечка, ну почему ты такой?

Ваня. Какой?

Даша. Да такой... Ну, какой-то не такой. Нет, знаешь, такой, только... не такой какой-то. Все молчишь, никогда ничего не скажешь. Ну, скажи мне... чего-нибудь...

Ваня. Что?

Даша. Ничего... Ты почему меня в Покровском не подождал?

Ваня. Начальство заторопилось.

Даша. Какое начальство?

Ваня. Ну, твой брат... И Нина Андреевна.

Даша. Это та, что с зонтиком? Знаешь, выходим из клуба, а она зонтик расстегивает и идет под зонтом. Я говорю: «Нина Андреевна, дождя-то нет, солнышко!» А она говорит: «Разве? Вот спасибо, а я и не заметила».

Ваня. Даш...

Даша. А я пешком шла и все тебя ругала. Уехал, не подождал...

Он обнимает ее.

А ты... ты любишь меня?

Ваня. Даша...

Даша. Ну, скажи! Скажи, что любишь, Ванечка, ну скажи же!

Ваня. Ты же видишь...

Даша. Тебе трудно сказать, да? Ты не хочешь сказать, я знаю, ты всегда такой, ты...

Ваня. Даш...

Даша. А я тебя очень люблю... вот! И думай про меня как хочешь... *(Краснея, зажимает лицо.)* Ты противный, вредный, ты самый вредный, ты...

Ваня. Даша!.. *(Долго и серьезно глядит на нее.)* Ты будешь меня ждать?

Даша. Как? Почему ждать?

Ваня. Меня берут в армию.

Даша. Ой...

Ваня. Вот... *(показывает повестку)* завтра к двенадцати... Явиться в военкомат.

Даша. Как же... так быстро... Ты говорил, что осенью. Ваня...

Ваня. Все.

Даша. Что все?

Ваня. Ну, я же знаю... Как это бывает.

Даша. Что? Что ты знаешь? Ничего ты не знаешь.

Ваня. ...Мама уедет к брату в Череповец. Дом на дрова. Твой отец переедет в Покровское, а ты... Ты в институт. Ну и все! И привет! Конец...

Даша. Миленький, никакой не конец! Ты отслужишься и приедешь, в институт поступишь. Мы вместе будем ездить на сессию.

Ваня. Если даже так... Я отстану от тебя на два курса.

Даша. Ну и что? А хочешь... Хочешь мы...

Ваня. Что?

Даша. Нет, это я так... Ничего. Вань, это же совсем недолго, два года. Правда?

Ваня. Это долго, Даша...

Даша. Ну, почему, почему?

Ваня. Ты еще не знаешь сама себя...

Даша. Перестань! И не гляди на меня так. Сейчас же перестань, я ничего не хочу слушать! *(Плачет.)* Я бы... Я бы и три года стала ждать, и четыре, только бы ты...

Ваня. Даш, это правда?

Даша. Ты ничего не видишь...

Убегает. Он в восторге бросает свою кепку на самую вершину рябины.

Ваня. Даша! Подожди! Я тоже! Мы домечем этот стог вместе!..

Жарко, душно, где-то далеко-далеко прогромыхивает. Появляется полковник с сыном Георгием, оба с рюкзаками и удочками. У Георгия эффектное, не тронутое загаром лицо, грустный взгляд не соответствует постоянной пренебрежительно-беспечной улыбке. Он снимает рюкзак и тут же включает транзистор.

Полковник. Кажется, здесь.

Георгий. Аркадия! Блеск! Отец, а ты уверен, что это наша деревня?

Полковник. Это наверняка Каменка. Всего два дома, так? Так. Труба с петухом... *(Смотрит в записную книжку.)* Есть? Есть. Далее. Баня с драночной крышей.

Георгий. Ты прямо как этот... Комиссар Мегрэ.

Полковник. Детективы тут ни при чем. Ты забыл, что твой отец...

Георгий. Был фронтовым разведчиком? Прости.

Полковник. Разуйся.

Георгий. Зачем?

Полковник. Усталость сразу пройдет. И потом... Ты почувствуешь землю.

Георгий. В смысле земной шар? Или как ее... нашу прекрасную солнечную планету. *(Снимает ботинки и носки.)*

Полковник. Да. И в этом тоже.

Георгий. И впрямь *(топает)* такое чувство, словно из милиции выпустили. Постой, а где же туземное население?

Полковник. Брось. Ты можешь паясничать где угодно, только не здесь.

Георгий. Слушаюсь, товарищ полковник! *(Щелкает босыми пятками.)* Извини... Но в деревне в самом деле ни души.

Полковник. Сенокос. Для них дорог каждый час.

Георгий. И мне тоже. Дорог каждый час.

Полковник. Не очень-то ты дорожишь своим временем.

Георгий. Ты опять о дипломе? Зря тревожишься. Дай срок, твой сын будет... Очередным светилом науки. Нобелевским лауреатом. А потом, ты даже не представляешь, как это приятно...

Полковник. Что?

Георгий. Быть тунеядцем.

Полковник. Не понимаю я вас, не понимаю. Откуда у вас эдакое... Эдакое...

Георгий. Пап, давай не будем. Зачем разжигать конфликт между поколениями? Мы же договорились, на рыбалке ловить только рыбу. А друг друга не подсекать.

Полковник. Да, да...

Георгий. Порыбачим. Пока мамочка занимается пропагандой и агитацией. Не зря же мы рванули из дому. Ты всерьез думаешь, что этот дом можно купить?

Полковник. Я отдал бы за него две годовых пенсии. Плюс городскую квартиру.

Георгий. Нину Андреевну хватил бы инфаркт.

Полковник. Можно повежливее о матери?..

Георгий. Пардон!

Полковник. Так вот... плюс городскую квартиру.

Георгий. Пап, а меня? Куда бы ты дел меня, в общежитие?

Полковник. В детдом.

Георгий. Усёк! *(Обнимает отца.)*

Полковник. Так вот, Жорка, это как раз то, о чем я всю жизнь только и думал. Баня, речка, а в речке хариусы. Луга, лес под боком. Наверняка грибов полно. От станции два часа ходу. Это же лучше всяких Сухуми! Взгляни, какие наличники... Даже улья... Слышишь, как пчелы гудят?

Георгий. Все это ясно... А как нас встретят советские колхозники?

Полковник. В тот приезд я говорил с председателем. Он сам предлагал купить этот дом. Тут его отец живет и сестра. Она клубом заведует, каждый день ходит за шесть километров, представляешь? Машей или Дашей зовут, не помню. Так вот, как только они переедут в Покровское, дом наш! Это последний дом в деревне.

Георгий. А этот? Этот мы арендуем для мамочки.

Полковник. Тут доярка живет. Имя какое-то мудреное. Вдвоем с сыном, сын шофером у председателя.

Георгий. Я вижу, ты великолепно изучил стратегическую обстановку.

Полковник. Но ты погляди! *(В восторге оглядывает окрестности.)*

Георгий *(хмуро)*. Да, ты прав. Почему ты всегда, всегда оказываешься прав? А пап?

Полковник. Если мы друзья, это не должно быть обидно.

Георгий. Н-да... Отец, если операция с домом будет успешной, я вызываю сюда Элку.

Полковник. Это та блондинка?

Георгий. Нет, брюнетка.

Полковник. Но у нее же ребенок. С кем оставит она... малыша?

Георгий. У тебя устарелая информация.

Полковник. То есть как?

Георгий. Это не Светка, это Элка. А у Элки нет никаких ребенков. По крайней мере по моим скудным сведениям. Кстати, Нине Андреевне об этом ни гугу.

Полковник. Почему?

Георгий. Пусть думает, что Светка — это Элка, а Элка — это Светка.

Полковник. Послушай...

Георгий. По-моему, не мешало бы искупаться.

Полковник. Ты же говорил, что Светка — это... ну, на всю жизнь, что ли. Как же так?

Георгий. Всё течет, и всё из меня... ется... Пап,

мы расстались со Светкой мирно и тихо. Притом инициатива исходила от нее. Я быстро...

Георгий убегает вниз к реке. Полковник долго сидит на бревнах, затем встряхивается и подходит к дому. Стучит ногой в стену, оглядывает крыльцо. Возвращается Трефена. Она палочкой трогает орущий транзистор. Радио орет еще сильнее. Трефена осторожно обходит рюкзаки.

Полковник. Здравствуйте.

Трефена. Здоровотё.

Полковник. Что, хозяина нет?

Трефена. Федора-то? Да вон за рекой, стог дометывают. А ты, батюшко, чево, не рыбак?

Полковник. Рыбак.

Трефена. Ну и ладно, коли рыбак.

Полковник. Можно тут у вас остановиться на день-два?

Трефена. Да со Христом. Хоть на нидилю. Только коровы-то у меня нет. И крыша худая. Парня-то вызывают к завтрему. В армию.

Полковник. Ну, ничего, отслужит. Я вон тридцать лет отслужил, ничего.

Трефена. Тридцать годов? Ой-хой-хой! Дак ты и войну прошел?

Полковник. Прошел.

Трефена. А у меня хозяин-то... Тоже от войны сгинул. А сына-то два. Один на заводе в Череповце, а Иван-то со мной тутотка. Да вот завтра и этот уйдет. В солдатики...

Полковник. Отслужит.

Трефена. Да кабы войны-то не было. *(Она все уходит и никак не может уйти.)*

Полковник. Не будет войны. Не должно. А вас как звать?

Трефена. Трефеной, батюшко. В загороде-то покосила маленько, надо бы и скопнить. Вроде дождь собирается.

Полковник. Чего же косить, коль коровы нет?

Трефена. Да ведь как? Трава-то больно добра. Сколь годов косила, все надо было. Теперь-то вроде и ни к чему, а жалко. Вон парень-то завтра в отправку. А и самую тоже в город зовут. Робят-то двое, внучков-то, вот и зовут. А и тут, чево я одна-то? А председатель не отпускает с доярок-то. Велит в Покровское ехать, там и квартера новая. Каменная.

Полковник. Да... А я вот с сыном сюда. Порыбачить.

Трефена. Дак вам, может, самовар поставить? Котомки-то в избу бы занесли.

Из-под горы с косой и граблями появляется Даша.

Даша. Добрый день.

Полковник. Здравствуйте.

Даша. Трефена Ивановна, Ваня сейчас придет. Они с папой еще один стог сметали.

Трефена. Ну и ладно, Дарьюшка, коли сметали. Вон человек-от Федора спрашивает.

Даша. Вам папу?

Полковник. Мне, собственно... Даша? Дарья Федоровна? Мы порыбачить на день-два. Ночевать нельзя ли у вас?

Даша прыскает в ладошку.

У нас и палатка есть, но... Ну, в общем, около речки ночуем. Меня зовут Михаил Павлович, вот документы...

Трефена. Да чего хохочешь-то? Человек в смущенье. *(Полковнику.)* У нас, батюшко, ночевать все пускают.

Даша. Ой, извините, пожалуйста! Вы рюкзаки в дом занесите, папа скоро придет. Сейчас самовар поставлю. Давайте я помогу.

Полковник. Нет-нет, что вы! Самовара, Дашенька, не надо, я сразу на речку. Пожалуйста, не беспокойтесь.

Заносят рюкзаки в дом, полковник возится с удочками.

Даша. Куда же вы, Михаил Павлович? Сейчас папа придет, будем чай пить. Вы же с дороги...

Полковник. Я хоть чуть-чуть... попробую... У меня вот и червяки накопаны. Попробую хоть немного.

Даша. Да вот же он, папа-то!

Полковник останавливается, издалека смотрит на Федора, который садится на крыльцо.

Трефена. Федор, где мой-то парень?

Федор. Он тем проулком прошел. Что, не ходила в контору-то?

Трефена. Ой, Федор, ходила! Ходила, да не пристают и к речам. Миколай-то до того доругал. А сейчас на машину меня да повез квартеру глядеть. Какой, говорит, тебе Череповец, не отпущу никуды. Велит в Покровское, трактор, говорит, пошлю к вечеру. Чево и делать, не знаю... *(Уходит.)*

Федор. Гляди сама, чево делать. *(Даше.)* Чьи котомки-то?

Даша опять прыскает и убегает, подходит полковник.

Полковник. Здравствуйте. Я вот с сыном... Порыбачить на пару дней...

Федор. Пожалуйста. Милости просим, места хватит.

Полковник *(долго и пристально смотрит на Федора)*. В сорок втором... На Калининском не были?

Федор. Погоди-ко... Тава... Товарищ лейтенант, это ведь ты! Ей-богу, ты!

Полковник. Федор... Сержант Касаткин! Федька!..

Федор. Мать честная, товарищ лейтенант...

Бросаются друг к другу и какое-то время молча, потрясенные, со склоненными головами, сжимают друг друга за плечи.

Да мы... Мы сейчас, это... Даша?! Ну-ко давай... Селянку... Сколько? Сколько годов-то прошло?!

Полковник. Тридцать... Тридцать лет, Федор...

Идут в дом, на крыльце снова трясут друг друга.

Федор. Дай-ко хоть погляжу-то на тебя!

Уходят в дом. Даша с ведрами в руках стоит на крыльце и, восхищенная, смотрит на встречу фронтовиков, не замечая подошедшего Георгия.

Георгий. Добрый день.

Даша. Добрый день.

Георгий. Чего это они обнимаются?

Даша *(обиженно)*. Они воевали вместе.

Георгий. Фюить! Вот это да... Значит, наши отцы фронтовые друзья? Простите, тут где-то... где-то...

Даша. Рюкзаки в коридоре, на лавочке.

Георгий. Спасибо. Впрочем, голова уже высохла. Вас, кажется, Дашей звать?

Даша. Кажется. А вас?

Георгий. Георгий. В просторечии Жора. Как? Не очень банально?

Даша *(смеется)*. Ничего!

Георгий. Понимаете, меня еще и в помине не было... А мое прекрасное имечко уже жило и здравствовало. Кличка опередила меня, она появилась на свет намного раньше.

Даша. Почему?

Георгий. В самом деле, почему? Почему меня назвали в честь самого первого русского марксиста? Это все мамочка.

Даша. А что в этом плохого?

Георгий. Пардон! Я разве сказал, что это плохо?

Даша. Мне самовар надо ставить.

Георгий. Я, например, не хочу ни есть, ни пить.

Даша. Чего же вы хотите?

Георгий. У вас тут... так здорово!

Даша. Нет, правда?

Георгий. Честное слово. Я одурел даже... от этих видов. Но... Есть одно подозрение.

Даша. Какое?

Георгий. Я не выдержу здесь и двух дней. Природа действует на меня разлагающе...

Даша. Ах, вот как.

Георгий. ...просыпаются низменные инстинкты.

Даша. Об этом обязательно рассказывать?

Георгий. Простите...

Даша. Нет.

Георгий. Что нет?

Даша. Не прощаю.

Георгий. Даша, вам ортодоксальность никак не идет.

Даша. Что-что?

Георгий. Ортодоксальность. Ну, знаете, это когда все по инструкции. Когда женщина, простите, девушка прямолинейна и... слишком уж правильна.

Даша. А если я хочу быть правильной?

Георгий. Кто вам мешает? Но вообще... Красивая и слишком правильная женщина, брр! Предпочитаю не очень умных.

Даша. Почему?

Георгий. Потому что в наше время ум в женщине очень быстро превращается в злость. Глупые же добры всю жизнь.

Даша. А на мужчин? Вы тоже распространяете это правило?

Георгий. Нет.

Даша. Но ведь... это несправедливо.

Георгий. Почему же? Глупый мужчина, по моему непросвещенному мнению, это вообще не мужчина. А женщина, если даже она глупа, все равно женщина. Она ничего не теряет.

Даша. У вас были и умные и глупые? Прямо Печорин!

Георгий. Да нет, что вы... *(Смущен.)* Сколько вам лет?

Даша. Восемнадцать.

Георгий. Фюить! Ничего себе...

Даша *(испуганно)*. Нет, правда много?

Георгий. Ужасно! Почти пенсионный возраст.

Слышится голос Федора: «Даша! Даша, где ты у нас?!»

Даша. Иду, папа! Только за водой сбегаю.

Георгий. Можно мне? Попробовать...

Даша. Попробуйте. Только вам же не принести с водоносом, все расплещете.

Георгий. Спорим? *(Берет ведра и водонос.)*

Даша. Спорим! На что?

Георгий. Если принесу... Ладно, с вас ничего. А если не смогу, то буду носить каждый день. Пока не научусь с коромыслом.

Идет за водой. Ваня смотрит, как Даша глядит вслед Георгию, что продолжается чуть больше обычного. Наконец она замечает Ваню и бежит к нему.

Ваня. Я не нарочно. Я не знал...

Даша. Ваня, ты что?

Ваня. А меня? Научишь воду носить?

Даша. Перестань. Зачем ты так?

Ваня. Как?

Даша. Так глядишь на меня...

Ваня. Нормально гляжу.

Даша. Нет, плохо!

Он хочет уйти.

Они же... Ой, какой ты чудак! Какой ты... Ты обиделся? *(Смеется, восторженно хлопает в ладоши.)*

Ваня. С чего ты взяла?

Даша. Нет, обиделся! Не смей на меня обижаться, слышишь?

Ваня. Да...

Даша. Что? Что, да?

Ваня. Ну, слышу.

Даша. Вань... Ванечка, ну перестань! Пожалуйста, перестань. Я же... Ты такой смешной, ты даже не знаешь, какой ты смешной. И хороший...

Ваня. Завтра... Меня уже не будет здесь.

Даша. Ой... Как же так?

Ваня. Мама вздумала устроить проводы. Ты придешь?

Она хочет поцеловать его, но появляется Георгий с ведрами в руках. Воду он всю расплескал, коромысло держит под мышкой. Даша убегает.

Георгий *(ставя ведра)*. Никогда не думал, что вода такая тяжелая. Привет!

Ваня. Привет!

Георгий. А она ничего, правда? *(Кивает в сторону убежавшей Даши.)*

Ваня. Кто?

Георгий. Ну, девочка. Ножки и тэпэ.

Ваня, резко повернувшись, уходит, оставляя Георгия в искреннем недоумении.

Послушай, старик, в чем дело? Не понимаю...

Из дома вместе с Федором Дмитриевичем выходит полковник.

Полковник. Вот, Федя, познакомься. Познакомься с моим сыном.

Ф е д о р. Здоровый парень. Хороший.

Здороваются.

П о л к о в н и к. Жорка, а ну-ка... Знаешь, там фляжка есть. В рюкзаке.

Георгий уходит.

Ф е д о р. Обличьем-то... Вроде бы не в тебя.

Полковник на ухо говорит что-то Федору.

Да ну? Ишь ты дело-то какое... Ах, ты... Едрить твою в полурыжики! Хм... Сам-то он знает?

П о л к о в н и к. Тш! Ни-ни. Не знает. Ничего не знает. Вот женится, встанет на ноги, уж тогда... Мы и с женой так договорились, не будем пока говорить.

Ф е д о р. Понятно.

П о л к о в н и к. Тебе только. Как другу...

Ф е д о р. Да я... Ну, ты меня знаешь...

Г е о р г и й приносит фляжку.

Г е о р г и й. Отец, а ты умеешь воду носить? На коромысле. *(Уносит ведра в дом, затем снова выходит и берет спиннинг.)* Пойду попробую.

П о л к о в н и к. Так вот... *(Наливает.)*

Ф е д о р. Пить-то мне, Миша... Нельзя этих капель. Ну да ежели... Потихоньку...

П о л к о в н и к. Помнишь санбат под Оршей? Медичка там была, старший сержант?

Ф е д о р. Это чернявая-то? Два пальца оттяпала на ноге, по сю пору прихрамываю. Так ведь она, кажись, за политруком ухлестывала?

П о л к о в н и к. То-то и оно, что за политруком. Да кабы за одним, а то... за всеми подряд... Я ведь женился тогда.

Ф е д о р. Ты смотри...

П о л к о в н и к. Десять лет жили, намаялся я с ней.

Федор. Н-да...

Полковник. А с нынешней мы уже потом, после войны... Жорке было всего три года.

Федор. Да-а... А чего родной-то отец... живой?

Полковник. Кто его знает. Не интересуюсь. Жорку я сразу усыновил. Ты, Федя, это самое...

Федор. Ну? Чего говорить? Как умерло.

Полковник. А я ведь, Федор, только первый год на пенсии. Служил, мотало меня. То на юг, то на восток. Ты-то как? Когда жена умерла?

Федор. Шестой год... На Илью.

Полковник. Чего ж не женился?

Федор. Да так чего-то... Ребята большие, совестно. Да и ни к чему. Я ведь, Миша, уже дедушкой стал! Да это-то что, кабы здоровье... жить бы можно. Ну, давай, черепяшечку! За детей...

Чокаются и пьют. Приходит принаряженная Трефена.

Трефена. Федор, чево скажу-то...

Федор. Чево, матушка?

Трефена. Да что. Шли бы к нам-то. Меня и парень за вами послал. Где Дарьюшка-то? Я севодни и коров не пошла доить, замену еле нашла.

Федор. Да вишь... такие полурыжики... У нас-то ведь тоже гости.

Трефена. Так и с гостями. *(Полковнику, кланяясь.)* Милости просим.

Полковник. Спасибо, Трефена Ивановна.

Трефена. Да чего спасибовать? Собирайтесь. У меня уж все на столе.

Федор. Ладно, матушка, придем. Дак чего, в город срядилась?

Трефена. Поеду уж. Чево мне одной-то? Да и парень ехать велит.

Федор. Охота ехать-то?

Трефена. Дак ведь что, Федор. Охота не охота, а ехать надо. А уж тебе-то скажу. От своего-то дому... как в поскотину ночевать... *(Плачет.)* Николай-то севодни в Покровсько возил, квартеру показывал. Никуда, говорит, не отпущу, лучше не заикайся.

Федор. Вот и я тоже...

Трефена. Да тебе-то чего? Живи да живи.

Федор. Меня, Трефена, тоже все вперед тянут. Ступай! Всем, вишь, до меня дело. Иди, иди и не останавливайся, дорогу не тормози. Чуть не кулаком обзывают. Ты, говорят, отстаешь, Касаткин, ты элимент. Вот, Миша, какие дела.

Полковник. Какие же? Дела как дела.

Федор. Как сажа бела. *(Трефене.)* А куда идти-то? Вон Каменку из списков вычистили. А ведь и тут земля! И люди жили испокон веку.

Трефена. Земля, Федор.

Федор. Дак пошто бы ее бросать? Пошто оставлять. Ну, ладно...

Трефена *(уходя)*. Ну так идите-ко. Не обидьте.

Федор. Придем, придем! Мы с твоим Иваном дружки давнишние.

Полковник. А я грешным делом недавно в Покровское приезжал. Ездил, искал какую-нибудь избу купить. Чтобы около речки. Ну, Николай Федорович меня в Каменку и направил. Продам, говорит, недорого...

Федор. Неужто... Неужто так и сказал? Ты погляди... Ты погляди, что он делает...

Полковник. Извини, Федор... Я ведь не знал, что... что ты тут... что твой дом...

Федор потрясен услышанным.

А ты что, разве не собирался переезжать?

Федор. Перееду... Вперед ногами в Покровское по-

везут, скоро уж... Эх, Миша, любезный друг, что делается, а? Сын ведь! Родной сын... Даша! Дочка! Даша, ты... Даша, ты погляди-ко, а? Эх, жизнь, а?.. Давай, наливай еще...

Голос Даши из окна: «Папа, что ты делаешь? Тебе же нельзя...»

Ничего... Сейчас... Вот за коровой схожу. Я ведь кулак... Кулак? Хм...

Уходит. Снова слышен шум газика, это подъехал Николай Федорович. Полковник прячет фляжку.

Председатель. А, товарищ полковник!

Здороваются.

Давно ли в наших краях?

Полковник. Зовите меня просто Михаил Павлович.

Председатель. Где они все? Значит, так. Я тут ни при чем. Говорите, что порыбачить приехали, то-сё.

Полковник (*усмехаясь*). Ясно. Нельзя ссылаться на вас.

Председатель. Ни в коем случае! Узнает, ни за что не продаст. Упрям Федор Дмитриевич, ну, да и я тоже...

Полковник. В отца?

Председатель. Родня недальняя. Вы, товарищ полковник...

Полковник. Михаил Павлович.

Председатель. Вы, Михаил Павлович, только не торопитесь. Сначала нажму я, и как следует. Ну, а после вы. Как-нибудь с тыла.

Полковник. В спину то есть?

Председатель. Больше пятисот рублей не давать.

Полковник. Почему?

Председатель. Баловать нечего. Я и так с ними не могу сладить.

Полковник. Не хотят переезжать?

Председатель. Молодежь едет. А вот со стариками... Уперлись, не сдвинешь с места.

Полковник. А что, обязательно переселять?

Председатель. А как же? По перспективному плану. Ликвидируем все мелконаселенные пункты. У нас пятнадцать деревень под снос намечено.

Появляется Федор.

Здорово, отец!

Федор. А, начальство... Ну, как раз к самовару.

Председатель. Так вот, Федор Дмитриевич, утром пошлю трактор. Будешь переезжать.

Федор. Чаю-то успеем попить?

Председатель. Хватит. Вот заболотские вчера переехали. Оба хозяйства.

Федор. Дарья! Волоки квасу! С чаем, пожалуй, не успеть.

Председатель (*взрываясь*). Тебе все шуточки? А в меня пальцем тычут!

Федор. Кто это тебя? Весь, гляжу, истыкан, места живого нет. Да чего я забыл? В Покровском-то? Ты там кирпичный дом выстроил, с водопроводом. А ежели мне в самовар охота решной воды? С Каменки? Ежели мне в своем доме охота? Ты там кабинок настроил, как для голосования выборов. Ни печи, ни погребка, люди в одной куче. Мало ругани-то? Ульи на крышу ставить? Корову не надо, молоко с фермы... А ежели оно у тебя силосом пахнет, твое молоко? Да мне его даром давай, не надо.

Председатель. Ты это... вот что! Говори, да не заговаривайся. Еще при людях.

Федор. Нет, ты слушай! И люди пусть послушают.

Полковник незаметно уходит.

Председатель. Молоко ему не надо. Забыл, как солому ели? Как сапоги носили по очереди?

Федор. Я-то не забыл. А вот ты кое-чего подзабыл.

Председатель. Помню. Все.

Федор. А помнишь, как на Мысах пахали? В Подозёрках? Как за рекой сорок гектаров пашни было? У тебя теперь там болото — во! Все заросло ивушкой да ольхой! Начисто!

Председатель. Сделаем. Культурные пастбища.

Федор. Да ведь было уже сделано! Было! И все культурно. Старики эти места на карачках выползали. Перед войной, я бригадирничал, помню! Девяносто пудов ржи с гектара! Это за Каменкой-то! А покосы какие? По двести стогов в Чищенье ставили, кормили все стадо. И коров было твоего не меньше.

Председатель. Ну и что?

Федор. А то, что теперь в Чищенье одне рыжики. Все заросло! Так ты и остатки хочешь забросить? Каменку долой! Из всех списков. Середнюю деревеньку — на дрова, Заболотье-деревню мешалкой по заднице.

Председатель. Туда им и дорога.

Федор. Деревни-то... по семьсот лет стояли, не меньше... Ладно, тебе их не жалко. А землю? Рыжиками, что ли, коров-то будешь кормить? Ведь ежели деревни не будет, то и остальная земля ольхой зарастет! Кто будет косить ходить? За десять, за двадцать-то верст? Нет, ты одно бубнишь, долой Каменку! Знаменское тоже долой. Круши все подряд, вали, будем по-городскому жить, все в одной куче.

Председатель. А ты как думал? Что я тебе, столбы к каждому хутору? Радио, электричество, клуб, магазин в каждой деревне?

Федор. Вот-вот! Чтобы тебе ловчее! Чтобы по тилифончику руководить, снял трубочку — и баста. Как на фабрике. А нет, ты подведи, подведи столбы-то! К каждому дому. Да с твоими машинами, с такой-то техникой!

И в поскотину можно провести электричество, не то что к каждому дому. Нет, а ты и читальню сделай в каждой деревне, и ларек поставь, чтобы за хлебом в Покровское не ходить. А деревню не нарушай. Их вон до тебя сколько порушили? Деревень-то? Ты думаешь, у тебя народу прибавится, ежели деревни порушишь?

Председатель. Значит... не будешь переезжать?

Федор. Дай... дай умереть на родном подворье. Эх, Колька... До чего ты доучился...

Председатель. А что? До чего это я доучился?

Федор. А до того, что и родной дом... продал.

Председатель. Что?

Федор. Ведь тут еще мой дедушко... твой прадед... ведь и ты родился в этом дому... а ты его как чужой... продал... списал с баланса... Вот до чего дошло...

Председатель. Не переедешь? Обрежем усадьбу.

Федор. Ты... ты усадьбу отымешь? Пятнадцать соток?

Председатель. А что? Сколько возиться с тобой?

Федор. Ах, ты... ах, ты...

Появляется Даша.

Даша. Перестаньте! Опять спорить... Коля, ты посмотри, какие мы стоги сметали.

Председатель. Погоди, Дарья!

Из проулка вновь появляется Трефена, за ней Ваня.

Трефена. Николай Федорович, Федор. Который раз прихожу. Не побрезгуйте.

Председатель. Ну, а ты? Ты, значит, опять за свое? В Череповец собралась? Мы с тобой как договаривались? Как мы с тобой договаривались?

Трефена. Да ведь что...

Председатель. Никуда не поедешь!

Ваня. Почему, Николай Федорович?

Председатель. Я не с тобой говорю!

Федор. Гоните... Гоните его в шею! Он родного отца... Родному отцу, он...

Даша. Папа! *(В слезах.)* Коля, перестань...

Федор. На! Забирай! *(Распахивает дверцу в огород.)* Грядки, ульи, все забирай! И так доживу...

Председатель, взбешенный, уезжает.

Пусть раскулачивает!

Ваня. Мам, ты иди, мы сейчас.

Даша, всхлипывая, закрывает дверку в огород.

Федор. Обрежет... он обрежет усадьбу. У родного отца... Да мне и земли-то две сажени надо, не больше.

Ваня. Федор Дмитриевич, пойдем?

Федор. Пойдем, Ваня. Пойдем, друг любезный, пойдем. Всех распугали. Где гости-то?

Ваня. Я позову их.

Все уходят в дом к Ване. Ваня, увидев Георгия, останавливается.

Георгий. Я слышал, вы служить уезжаете? Сколько?

Ваня. Два.

Георгий. Не завидую.

Ваня. Вы служили?

Георгий. Нет. И надеюсь избежать этого удовольствия. Давайте без официальностей. Георгий.

Ваня. Иван. Хотите... выпить на брудершафт?

Несколько секунд пристально смотрят друг на друга.

Белая ночь. В поле скрипит дергач. Из дома Трефены слышен баян и шум застолья. Входит взволнованный Георгий, затем появляется его отец.

Полковник. Что стряслось?

Георгий. Ничего не стряслось.

Полковник. Нет, ты что-то... Вышел из-за стола — и на улицу. Это же неприлично.

Георгий. А... Прилично-неприлично...

Полковник. Ты раздражен?

Георгий. Наоборот, пап. Я очень... Мне очень они нравятся. Никогда не думал, что побываю на деревенском празднике. Тут даже не чувствуешь себя гостем... все как-то просто, правда?

Полковник. С хорошими людьми и в городе просто. Идем? А то неудобно как-то...

Георгий. Нет. Пойду спать. В общем-то ведь не меня в армию провожают... Завтра на речку двинешь — буди.

Выходит Ваня.

Ваня. Михаил Павлович! *(Георгию.)* А вы что, уходить собрались?

Георгий. Мы же на брудершафт пили.

Ваня. Не уходите, мать обижается. Михаил Павлович, вы сплясать обещались.

Федор *(тоже выходя на улицу)*. Спляшет, спляшет! Вот мы его заставим сплясать. Даша, давай волоки баян!

Полковник. Да нет. Пожалуй, нет, не получится.

Федор. Миша любезный друг, да мы... Ох едрить твою в полурыжики!

Даша *(вынося баян)*. Ой, папочка совсем пьяный! *(Сама играет и поет.)*

...Выходя на дорогу, будут плакать старушки
И махать самолету рукой.

Полковник. Хочешь, дам добрый совет? Никогда не спорь с младшим начальством.

Ваня. А со старшим?

Полковник. Ну, а со старшим можно и перекинуться. Но... тоже не рекомендую. На гражданке — наоборот, если хочешь чего-то добиться, надо спорить со старшим. Через голову...

Федор. А вот что я тебе скажу, Ванюха! Есть такая́

солдатская пословица: от службы не бегай, на службу не напрашивайся.

Полковник достает фляжку.

Даша. Ой, Михаил Павлович, папе больше нельзя! Ну, вот нисколечко нельзя!

Федор. Даш? Тсс... ты не боись, мы немного. Одну черепяшечку... Миша, давай... За Оршу...

Даша играет и поет.

А ну-к... Дай, мы сейчас... Нашу фронтовую...

Берет баян, играет и пост «На солнечной поляночке».

Нет, Миша, а ты сплясать... сплясать хотел! Иван? А ну, оторви, мы спляшем! Спомянем молодость!

Ваня берет баян и играет барыню. Федор резво, не по годам молодо делает выход, вызывает полковника, но тот отказывается; тогда Федор вызывает Дашу. Даша выручает отца, она великолепно идет по кругу, игра Вани не уступает пляске.

Трефена. Ой, ой, расплясались ведь! Ну, да и ладно.

Федор. Во, дочка! А ты погляди, какая у меня дочка! Миша! Да я за ее... Головы не пожалею! За Дашку-то... Ну? Давай, Ваня, жми! Жми, едрить твою в полурыжики...

Георгий смотрит на Дашу. Потом быстро и незаметно уходит. Ваня передает баян Федору и отходит с раскрасневшейся Дашей к рябине, в сумерки. Федор играет и поет приятно, негромко.

Когда на битву грозную
Парнишка уходил,
Он темной ночью звездною...
Ей сердце предложил.
Играй, играй, рассказывай,
Тальяночка, сама
О том, как черноглазая
Свела с ума...

Ваня. Даш... Мама уедет сразу же.
Даша. Я буду тебе писать...
Ваня. Часто?
Даша. Хочешь через... три дня?
Ваня. Ну...
Даша. Через два?
Ваня. Даша...
Даша. Нет, лучше каждое воскресенье, только обязательно. Обязательно каждое воскресенье.
Ваня. Да.
Даша. Только обязательно, обязательно, правда?
Ваня. Ты... Я буду думать о тебе каждый день. Каждый месяц... Два года...
Даша. И я. Два года буду думать. И еще два, и после, и потом буду думать. Ванечка, я о тебе всегда буду думать. Ты не думай, что я не буду думать. Я всегда, понимаешь, всегда. Всю жизнь...
Ваня. Всю жизнь... Даша, всю жизнь...
Даша. Пока не умрем, правда?
Ваня. Пока не умрем.
Даша. Ваня, а может, мы не умрем? Нет, серьезно, может, мы никогда не умрем, правда? Давай никогда не будем умирать? Давай жить все время. А? Ваня...
Ваня. Да. Все время. Все время, Даша, все время...

Они исчезают, растворяются в сумерках.

Пришло письмо летучее
В заснеженную даль,
Что ждет, что в крайнем случае
Согласна на медаль.
Играй, играй, рассказывай...

Полковник слушает песню, все ниже и ниже клонит голову.

Раннее утро через несколько дней. Вначале из дома выходит полковник, он с лихорадочной поспешностью проверяет спиннинг, удочку и подается к реке. Слышен голос Трефены. Она идет вокруг своего дома с причетом.

Что хвалить-то чужу сторону?
Твоих жалоб не поведает
И подушечка пуховая.
Там изба-то безугольная,
Весь и двор-от на семи шагах.
Там поля-то не засеяны,
Да слезами поливаны,
Все кручиной огорожены.

Федор (*кряхтя, охая, выходит на крыльцо и садится*). Ну, вот. Причитает. От ты беда-то, а? Трефена! Ты чего, на тот свет, что ли? Разревелась-то...

Трефена. Там никто не аукнется,
Что ни батюшки, ни матушки,
Ни соколика братца милого,
Ни голубушки белы сестры...

Выходит Даша с полотенцем в руках.

Федор. Даша? Как думаешь, ульи сегодня не поглядим? Боюсь, как бы рой не слетел.

Даша молчит.

Аль худо выспалась?

Даша. Нет. Что это?

Федор. Да Трефена. Ивана провожали — не причитала, а тут причитает. Узлы еще с вечера отправила. А чего разревелась? Не к кому-нибудь едет — к своим.

Даша. Дом жалеет.

Федор. Продала, так жалеть нечего.

Даша. А Михаил Павлович где?

Федор. На реку усвистал и не позавтракал. Рыбак больно заядливый. А Георгий-то чего, спит?

Даша. Папа, откуда я знаю?

Федор. Ох, Даша... Чего это ты... Как Иван уехал, так сразу переменилась, ходишь как в воду опущенная. Ничего не болит?

Даша. Пап...

Федор. Всурьез спрашиваю!

Даша (*смеется*). Да нет же! Вот и Трефена идет. Прощаться...

Трефена. Федор Митревич, Дарьюшка...

Федор. Что, пешком к поезду-то?

Трефена. Дойду и пешком. Багаж-то вечор с молоковозом отправила.

Федор. Счастливо тебе. Сообщение-то дай, как доехала, как что.

Трефена. Попричитала вот, да надо идти. Простите, ради Христа. Ежели чего худое было, не обессудьте. (*Кланяется в пояс.*)

Даша. Трефена Ивановна, мы проводим тебя. До моста.

Идут провожать. Трефена кланяется на все четыре стороны, прощаясь с Каменкой. Сцена пустеет. Потягиваясь, на крыльцо выходит Георгий.

Георгий. Отец, а отец? Полковник все еще спит. Почивают-с. Но где же аборигены? Федор Дмитриевич!

В ответ звонко поет петух. Георгий разминается, берет ведра и водонос, бежит на речку. Слышен шум председательского газика. Вскоре на сцену врывается возмущенная Нина Андреевна.

Нина Андреевна. Безобразие, Касаткин! Форменное безобразие! Как вы могли допустить? Доярка бросает стадо. Никого не спросясь, уезжает из колхоза!

Председатель. Вы, Нина Андреевна, сами тут были.

Нина Андреевна. За дела в колхозе отвечаете вы, а не я!

Председатель. Это я давно знаю.

Нина Андреевна. Плохо знаете! Кто дал разрешение на выезд?

Председатель. Никита Сергеевич Хрущев.

Нина Андреевна. Не валяйте дурака! Я со всей серьезностью.

Председатель. И я со всей.

Нина Андреевна. Тогда почему? В чем дело?

Председатель. А в том, Нина Андреевна, что я пенсионерами не распоряжаюсь. Руки коротки.

Нина Андреевна. Как так? Разве... она на пенсии?

Председатель. Вот именно. Двадцать рэ. Ежемесячно.

Нина Андреевна. Почему же вы допустили? Почему вовремя не нашли замену? Вы что, не знали про ее возраст?

Председатель. Знал... про ее возраст.

Нина Андреевна. Придется мне доложить Сергей Иванычу. О всех ваших... ваших...

Председатель. Докладывайте. Ваше дело докладывать. А двенадцать коров... недоены. И в обед их не подоят. И вечером. Полтора центнера молока как не бывало. Может, вы их подоите, Нина Андреевна?

Нина Андреевна. Вы... вы еще и демагог, оказывается!

Председатель. Да нет, какой я демагог? Шучу.

Нина Андреевна. Вам, Касаткин, эти шуточки могут дорого обойтись.

Председатель. Что вы меня пугаете? Что вы меня всё пугаете, Нина Андреевна? Да я... У меня три специальности. На любое производство, с лапочками. Хоть сейчас печать сдам, пожалуйста.

Нина Андреевна. Ну-ну, не горячись, я тоже могу пошутить!

Председатель. Вам полдела шутить. А мне... Вон сенокос заваливается, людей полтора тарара. Доярка заболеет — шабаш, подменить некому. Вот вам! Пример конкретный. Куда мне теперь этих двенадцать коров? На мясо сдавать прикажете? Ну, дадите вы мне выговор... А доить-то? Надо их доить или не надо?

Нина Андреевна. Надо доить, Касаткин.

Садятся на бревна.

Давай вместе думать. Ну-ка по бригадам прикинем. В четвертой... Эта, что в магазине шумела?

Председатель. Отпускница. Из Северодвинска.

Нина Андреевна. А Соколова?

Председатель. У Соколовой вторая группа инвалидности.

Нина Андреевна. Может, Никулину?

Председатель. Никулина уже доярка. Второй год доярка!

Нина Андреевна. Что ж, Николай Федорович... Остается один вариант. Клуб — дело второстепенное. Заведующего из района пришлем, нового. Я договорюсь с отделом культуры.

Председатель. Что-что?

Нина Андреевна. Я про Дашу говорю, про вашу сестру. Комсомолка, активная общественница. Никакого другого выхода...

Председатель *(хватается за голову, идет в дом)*. Она же учиться осенью едет!

Нина Андреевна. Ничего, институт подождет. Поработает года два, пошлем с путевкой.

Появляется Георгий с ведрами на водоносе. Вода у него уже не плещется, но, увидев мать, он с трудом удерживает равновесие. Чуть не бросает ведра и быстро прячется за изгородь. Нина Андреевна оглядывается, но не замечает его, он крадучись пробирается навстречу отцу, идущему с речки со связкой рыб.

Георгий. Отец, боевая тревога!

Полковник. Что такое?

Георгий. Тсс! *(Увлекает в сторону.)* Мамочка, собственной персоной.

Полковник. Вижу, не слепой.

Нина Андреевна *(собирая бумаги)*. Николай Федорович, а Николай Федорович? *(Идет в дом.)*

Полковник. Кажется, отрыбачили. Как она здесь оказалась?

Георгий. Занимается пропагандой и агитацией. *(Поет песенку: «Я тебя найду!»)*

Полковник. Перестань дурачиться!

Георгий. Пап? Тс-с... Не успела появиться Нина Андреевна, у тебя уже сдают нервы. Итак. Что будем делать?

Полковник. Черт знает... Рыба только клевать начала.

Георгий. Я тоже ничего не успел. Даже воду не научился носить.

Полковник. Интересно, надолго она сюда?

Георгий. Наверняка уедет к вечеру. А пока... предлагаю полную конспирацию.

Полковник. Неудобно... Может, ничего?

Георгий. Домой отправит, и всё. Что, не знаешь мамочку? Или так настроение испортит, что... не захочешь больше в деревню. Пошли. Питаться будем сырой рыбой...

Полковник. Ладно, пошли.

Полковник уходит. Георгий при виде Даши задерживается.

Георгий. Даша, доброе утро.

Даша. Здравствуйте... *(Поднимает ведра.)*

Георгий. Воду... я почти научился носить.

Даша. А ведра-то на боку?

Георгий. Поскользнулся. Но я научусь. Вот увидите. А знаете, как это здорово?

Даша. Что?

Георгий. Учиться делать что-то! Ну, хотя бы носить воду. Но самому. Без менторов. Без приказов. По своей воле... Вот вас. Учили воду носить?

Даша. Зачем же, я сама.

Георгий. А корову доить?

Даша. Тоже. А что?

Г е о р г и й. А еще? Что вы еще умеете? Печь хлеб, например?

Д а ш а. Умею. Еще молотить в четыре цепа, трепать лен. Знаете, как интересно? Молотить цепом.

Г е о р г и й. А вышивать, вязать?

Д а ш а. Да. Только... только прясть не умею. Ой, я тороплюсь.

Г е о р г и й. Даша, вы... вы удивительны... Вы даже не знаете... Даша!

Она в тревоге и хочет уйти, но он осторожно и крепко берет ее за руку.

Д а ш а. Оставьте! Что вам надо?

Г е о р г и й. Вечером... Ночью вы придете сюда, под рябину! Я хочу поговорить с вами! Один, чтобы никого не было, понимаете? Вы придете сюда!!

Д а ш а. Нет! Я не приду... И... и если вы еще так будете, я скажу Михаилу Павловичу... Оставьте меня!..

Г е о р г и й. Вы не скажете! Вы никогда этого не сделаете, вы придете сюда! Вечером, ночью, в двенадцать, я буду ждать вас, слышите, Даша?

Георгий быстро уходит, появляется Ф е д о р.

Д а ш а. Папа!

Ф е д о р. Даша, ты что это, а? Голубушка, ты что?

Д а ш а. Ничего... папа...

Ф е д о р. Обидел тебя кто?

Д а ш а. Нет...

Ф е д о р. Так что, что приключилось-то? Пошто плачешь-то?

Д а ш а. Не зна... не зна... Я сама не знаю...

Ф е д о р. Вот, ей-богу... Заболела ты, что ли?

Д а ш а. Нет. Папа! *(Бросается на шею отцу.)*

Ф е д о р. Вот беда-то... Ну, беда, прямо беда...

Д а ш а. Ничего, папа... *(Улыбается сквозь слезы.)*

Это так просто... Пожалуйста, не беспокойся, это так... Просто так! Забудь, пожалуйста.

Из дома выходит председатель.

Председатель. Куда вы задевались? Жду целое утро. *(Обнимает сестру.)* Ты что, не больна?

Федор. Отстань от девки. Она ночь не спала, готовилась.

Председатель. С медалью ее и без экзаменов примут.

Даша. Папа, я не поеду в институт.

Федор. Это как так?

Даша. Ну, не поеду, и все. Не буду я тебя одного оставлять.

Федор. Ну, дочка... Ежели... Спасибо тебе. Только из-за меня нечего. Поезжай. А я к Колюхе вон, в Покровское...

Даша. Папа, ведь договорились уже. Поступлю на заочный.

Федор. Это когда? Когда это договаривались? Ты это... вот что! Из-за меня нечего. Поезжай! А я что? Я вон к Колюхе... В Покровское...

Голос Нины Андреевны: «Даша? Зайди сюда, надо поговорить». Даша идет в дом.

Председатель. Пусть едет учиться! А ты — в Покровское. Всё! И никаких гвоздей!

Федор. Поедет. А насчет меня не командуй, я еще и сам скомандую.

Председатель. Скомандуй. Вон Нина Андреевна тебе скомандует.

Федор. А чево?

Председатель. Она Дарью в доярки на место Трефены сватает. Понял?

Федор. Да ты... Ты что?

Председатель. Вот тебе и что.

Федор. Ну, я поговорю... я вот поговорю сейчас... с обеими...

Нина Андреевна *(выходя)*. А что, Федор Дмитриевич! В этом нет ничего плохого. Почетное, нужное дело, она комсомолка. У нас многие комсомольцы по путевкам райкома в животноводство идут. *(Председателю.)* С Дашей вопрос решен положительно, она согласна. Ах, Федор Дмитриевич! Ночевать-то пустишь? Как хочешь, а ночевать пускай. Да и разговор не закончен. Едем, едем, время идет. Подумать только! Дочь согласна, а отец и слышать не хочет. Да и сам-то ты, Касаткин... кажется, не очень, скажи честно!

Председатель. Что тут говорить?

Нина Андреевна. Вот именно! Ох, гляди! Кстати, что это у вас за гости?

Председатель. Туристы.

Нина Андреевна. Туристов нынче — ступить некуда. Бродят, живут чуть не в каждой деревне. Только людей с толку сбивают. Эх, сколько нынче бездельников развелось! *(Хлопает дверцей машины, газик фырчит.)*

Вечер. Слышен треск и грохот падающих бревен, это ломают дом Трефены. Полковник возится с удочкой. Из заулка с топором выходит потный и запыленный Федор.

Полковник. Зачем же сломали дом, а, Федор?

Федор. Раскатили. Ломать не строить, дело нехитрое. Вот так! Уж сорок годов ломаем. Старики строили, мы ломаем.

Полковник. Ну, и куда эти бревна?

Федор. Да купил сельсовет, на дрова школе. Живем в лесу, а дрова с весу. Кабы крышу этому дому... Износу бы не было.

Появляется Георгий.

Чево это у тебя, икона?

Георгий. Георгий-победоносец... Мой прославленный тезка поражает копьем змия.

Федор. И правда, Егорей на белом коне. На что он тебе?

Георгий. Отец, ты что-нибудь смыслишь в средневековой живописи?

Полковник. А чего бы Трефене Ивановне дома не жить? Здоровье хорошее.

Георгий. Может, это Рублев?

Федор. Вог и я про то. Так ведь невестка с сыном в город потребовали.

Полковник. Я бы никуда не поехал.

Георгий. Ты забываешь, отец, что женщины по природе космополиты. Уби бене иби патриа. Где хорошо, там и отечество.

Федор. Кого это он материт? Ох и парень!

Полковник. Выкинь из головы эту латынь. Надоел.

Георгий. А что, Федор Дмитриевич, Даша сама согласилась в доярки?

Федор. А куда денешься? Такое дело. Ну, пойду самовар ставить. *(Уходит.)*

Георгий. Дашу в доярки... Да... Наша мамочка не зря получает зарплату.

Полковник. Что ты хочешь этим сказать?

Георгий. То, что это ее работа! Я знаю. Даша хотела поступать в институт. И вот является наша облеченная властью мамочка и приказывает: «Никаких институтов! Шагом марш коров доить».

Полковник. Должен же кто-то их доить?

Георгий. Я понимаю... Но она вот так же приказывает и мне: делай то, не делай этого. Нет, ты представляешь? Все по команде. И потом, чем Даша хуже, например, меня? Почему мне можно учиться, а ей нельзя?

Полковник. Я хочу сказать тебе кое-что.

Георгий. Всю жизнь я только и делаю, что кого-

нибудь выслушиваю... Допустим, что я уже привык. Но Даша... Почему она согласилась?

Полковник. Не вмешивайся в чужие дела! Ты не умнее всех. По-твоему, никто ничего не думает, один ты.

Георгий. Пап, а ты даже не говоришь, что ты думаешь. Хотя бы по этому поводу. А Федор Дмитриевич думает? Дашу в доярки... По-моему, многие люди вообще не любят думать. Боятся думать, хотя не такие уж и дураки. Могут, но не хотят. Так сказать, искусственно тормозят свои же мысли. А вдруг не уснуть? А вдруг до того додумаешься, что надо не только думать, но и делать кое-что? Потому и дураков над собой терпят. Извини. Ты хотел что-то сказать?

Полковник. Оставь Дашу в покое!

Георгий. Отец...

Полковник. Не будь подлецом.

Георгий. Да, но...

Полковник. Что значит «но»? Что значит «но»? Ты можешь менять их... своих девиц, там... дома. Но Дашу... оставь в покое. Иначе...

Георгий. Ты лишаешь меня наследства?

Полковник. Послушай... Мы ведь иногда понимали друг друга. Можешь хоть раз в жизни быть серьезным?

Георгий. Никогда я не был серьезнее, чем сейчас!

Полковник. Пойми, что это не для тебя...

Георгий. Я не достоин ее?

Полковник. Нет. Не в этом дело.

Георгий. Тогда в чем?

Полковник. В том, черт возьми, что совесть! Я хочу, чтобы у моего сына была еще и совесть! Кроме всего прочего...

Георгий. Значит, я... я должен заглохнуть. Уйти в сторону и не подавать признаков жизни. Ловить рыбу и помалкивать в тряпочку.

Полковник. Да. Лови лучше рыбу.

Георгий. Пап, а кто меня всю жизнь учил активности? Революционному действию? Не вы ли с мамой ежечасно твердили мне: «Человек — это звучит гордо! Человек должен быть активным!»

Полковник. Ну и что?

Георгий. А то, что совесть, по моим понятиям, — это бездействие... Разве ты сам не допер до этого? Совесть... Что это такое, когда человек активен? Я убежден: либо совесть, либо жизненная активность.

Полковник. Активность бывает всякая, ты же знаешь...

Георгий. А сможешь ты сделать в жизни хоть самую малость? И чтоб никто, ни одна живая душа не пострадала от этого, чтобы никого не обидеть, никого не коснуться?

Полковник. Совесть не мешает активности, наоборот. И не разводи демагогию.

Георгий. Хочешь сказать, что я эгоист? Что ж, я признаю, что действую для себя. А кто действует не во имя себя? Я понимаю, мамочка — вот это да! Она, это она все отдает общему делу. А я? Что я? Жалкий эгоист... Но я берусь тебе доказать!

Полковник. Что ты берешься доказать?

Георгий. Что у нее тот же эгоизм, ни больше ни меньше! Тот же эгоизм, прикрываемый необходимостью общественной пользы.

Полковник. При чем тут мать?

Георгий. Она с такой легкостью распоряжается чужими судьбами.

Полковник. Это ее работа.

Георгий. Откуда у нее это право? Человек хочет учиться — нет, ты не будешь учиться. Будешь доить коров! И она права, наша мамочка, она действует во имя всенародного блага! Она благородно действует! А вот я эгоист. Думаю только о себе, ату его, такого меня! Лови его, тунеядца!

Полковник. Я не об этом, Георгий... Я говорил о другом.

Георгий. Прости, я раскричался.

Полковник. Скажи, когда ты ухаживаешь за Дашей... тебе не стыдно? Тебе не жаль того парня, который служит? Насколько мне известно, они любят друг друга. Я об этой, о такой совести.

Георгий. Да-да... Я понимаю. Я не имею этого права... Я знаю, что это... что не имею этого права... Но я не могу... Не могу, отец... И пусть Даша сама решит... А почему, собственно, я должен отчитываться?

Полковник. Мы завтра же уедем отсюда.

Приходит ночь, Георгий ждет Дашу, он ходит под рябиной, нервничает. Садится и замирает, положив голову на колени. Далеко-далеко тревожно ворочается гром, полыхают широкие, в треть горизонта, зарницы. Даша возвращается с вечерней дойки. Она помимо своей воли на миг останавливается напротив рябины, на которой все еще висит Ванина кепка. Колеблется, мучается и бежит к дому, но Георгий глухим окриком останавливает ее.

Георгий. Даша!..

Она в ужасе теребит косынку.

Идите сюда! Прошу вас, Даша!

Она, вздрагивая и словно задыхаясь, приближается к рябине.

Даша...

Даша. Уйдите... Уйдите от меня!

Георгий. Мне некуда уходить! Понимаете? Некуда! Если б я знал, куда мне идти!.. Даша, вы поймёте меня.

Даша. Почему я должна понять? Я не хочу...

Георгий. Бросьте. Вы не такая! Вы же совсем не такая, и вы понимаете... Мы понимаем друг друга. Я знаю, что...

Даша. Что... что вы знаете, Георгий?

Георгий. Что вы простите...

Даша. За что...

Георгий. Подождите... Вы же знаете. Я знаю, что делаю сейчас подлость, знаю, что это ужасно...

Даша. А я... я тоже делаю подлость? Да? Скажите! Это так? Почему вы молчите? Это так?

Георгий. Да!!

Даша вздрагивает и отворачивается, зажимая лицо ладонями.

Даша. Ой...

Георгий. Я знаю, что это жестоко. Но ведь...

Даша. Молчите...

Георгий. ...лучше сразу.

Даша. Молчите!..

Георгий. Даш, я не буду молчать! Я вижу... Чувствую... Чувствую, что мы никуда не уйдем... от этого. Я давно это понял. Я не могу без вас! Понимаете, не могу! Скажите, что мне делать? Я все сделаю, как вы скажете, но вы должны знать. Я должен сказать это, я не могу иначе. Потому что вы... вы тоже! Я знаю, я нужен вам! Даша, я вас люблю! Я никогда никого так не любил! Вы должны мне поверить. Вы можете уничтожить, можете оскорбить, но я не позволю не верить... Даша...

Даша. Не надо... Ах, зачем вы так?

Георгий. Скажите же, что мне делать?

Даша. Я... я не знаю...

Он обхватывает ее плечи, целует глаза, лоб, щеки.

Слышен счастливый смех Даши. Они встречали рассвет вместе. Они возвращаются от речки, с лугов, мокрые от росы.

Георгий. Тише. Ты всех разбудишь.

Даша. Смотри, смотри! Эта тоже погасла. Видишь?

Георгий. Где? А, это, кажется, Водолей...

Даша. И та! Видишь?

Георгий. Как же ее увидишь, если погасла?

Даша. Ах... ты весь мокрый...

Георгий. Вода и роса... Даша, здешняя вода сделала меня самым счастливым...

Даша. Который час?

Георгий. Десять минут пятого.

Даша. Боже мой, уже утро... Ложись спать. Я сбегаю на ферму. Ты ложись пока, я быстро.

Георгий. Я пойду с тобой.

Даша. Что ты!

Георгий. Просто великолепно! Даша должна бежать на ферму... Весь мир спит, а Даша должна бежать...

Даша. Дурачок... Ты ничего не понимаешь... Ничего...

Георгий. Я все понимаю, Даша!

Даша. Ложись спать и жди. Не смей никуда ходить, слышишь? Я быстро!

Даша убегает. Георгий долго глядит ей вслед, прислонившись к рябине.

Утро. Из дома выходят Федор Дмитриевич и полковник, который держит в руках рюкзак.

Федор. Чего с котомкой-то?

Полковник. Сегодня уедем, Федор.

Федор. Да ты что?

Полковник. Все. Хватит. *(Укладывает рюкзак.)*

Федор. Да ведь... недели еще не прошло. Аль не задалось чего?

Полковник. Нет, все хорошо. Только спасибо. Надо ехать. Вот поудить схожу — и к трехчасовому.

Федор. Ах ты, едрить твою в полурыжики! Незадача какая... Ну-ко погоди, я корову сбегаю подою. Может, раздумаете? Где Жорка-то?

Полковник. Нет-нет. А что, Даша разве не подоила корову?

Федор. Да ушла колхозных доить. Я и не видел, когда убежала. Их у нее теперь... двенадцать штук. Делов хватает. Ах ты незадача какая...

Георгий. Здравствуй, отец.

Полковник не отвечает.

Хм... За одну ночь говорить разучились. В чем дело?

Полковник. Собирайся! Едем домой.

Георгий. Почему ты кричишь? Мы же не на плацу...

Полковник. Едем! Закрутил девчонке мозги и доволен.

В глубине сцены появляется Даша, но они не замечают ее.

Не валяй дурака, все это пройдет! Исчезнет, как с этой твоей Элкой или Светкой. Да, да! Я знаю тебя, ты бросишь ее через неделю.

Георгий. Отец, ты ошибаешься... Говорю тебе, ты ошибаешься! Я никогда... Ты даже не знаешь...

Полковник. Ты бросишь ее через неделю! Бросишь! Я знаю. За то, что она не знает английского...

Георгий. Нет! Ты... Ты...

Полковник. ...за то, что у нее руки пахнут навозом!

Даша убегает в дом.

Георгий. Не смей так говорить!

Георгий в отчаянии уходит вниз к реке. Полковник опускается на бревна и долго сидит так. Даша, переодетая, сверкая глазами, идет мимо.

Даша. Доброе утро.

Полковник. Здравствуйте, Даша.

Даша. Михаил Павлович, где Георгий?

Полковник. Ушел... на станцию. Мы уезжаем.

Даша. Неправда. Зачем вы обманываете?

Полковник. Он ушел!

Даша. Вы говорите неправду! Он был тут, он на речке...

Полковник. Вы... Вы не пойдете туда!

Даша. Почему?

Полковник. Не надо, Даша... Послушайте меня, не надо ходить... Вспомните... Да, я обманул вас, он еще здесь. Но мы уезжаем... Разве... Разве вы уже забыли?.. Впрочем, делайте что хотите...

Он тоже уходит к реке. Слышен гул приближающегося газика. На сцене появляются председатель и Нина Андреевна.

Нина Андреевна. Здравствуй, Дашенька! Ну, как твое стадо? Ты посмотри, Касаткин, какая она у нас красавица! Прямо невеста! Подожди, мы ее еще замуж выдадим. Пригласишь, надеюсь, на свадьбу?

Даша. У меня руки пахнут навозом...

Нина Андреевна. Чушь какая! Кто это говорит? Кого это ты наслушалась?

Даша. Нина Андреевна, я больше не пойду на ферму!

Нина Андреевна. В чем дело, Касаткин? Я ничего не пойму.

Председатель. Я тоже ничего не пойму. Даша, где отец?

Даша. И больше никто не скажет про мои руки...

Нина Андреевна. Кто это говорит про твои руки? Рыбаки? Туристы? Касаткин, я хочу взглянуть на этих туристов. Вы документы проверяли у них? Немедленно сообщите участковому! Надо выяснить, что это за люди.

Председатель. Я уезжаю, вы можете остаться. Где отец?

Нина Андреевна. Хорошо, я сама вызову участкового. А ты должна меня выслушать.

Даша. Я ничего не должна.

Нина Андреевна. Что? Ты как со мной говоришь? Где у тебя совесть? Ты же комсомолка!

Даша. Я не буду работать, Нина Андреевна. Ищите другую доярку.

Нина Андреевна. Будешь! Еще как будешь! Найдите мне этих туристов, Касаткин! Так что же, Дашенька, два раза подоила и бежать, трудностей испугалась!

Даша. Никаких я трудностей не боюсь. Я просто не хочу.

Нина Андреевна. Это и значит, что испугалась.

Даша. Нет! Я не боюсь...

Нина Андреевна. Почему же отказываешься работать? Так вот. Придется говорить в райкоме комсомола. Безобразие! Касаткин, немедленно поезжайте за участковым! Где эти проходи...

Георгий. Мы здесь, ма.

Нина Андреевна. Господи... Георгий!

Георгий. Иди сюда, отец, мы разоблачены.

Нина Андреевна. Что вы здесь делаете?

Полковник. Рыбачим. Очень просто.

Георгий. Приготовь документы, отец, ма вызвала участкового. Сейчас нас арестуют. И будут судить за бродяжничество.

Нина Андреевна. Георгий...

Георгий. За браконьерство, за тунеядство и за непочтение к родителям.

Полковник. У тебя все?

Георгий. Все. Семья в сборе, можно начинать политинформацию.

Полковник. Перестань...

Нина Андреевна. Так это вы... О, господи...

Георгий. Можешь быть спокойна, ма, квартира закрыта на два ключа.

Нина Андреевна. А утюг? Утюг выключили?

Георгий. Он же перегорел, ма, еще при тебе.

Полковник. Перестань! Мы уезжаем. Сейчас...

Нина Андреевна. Не сейчас, а сию минуту! Вы соображаете хоть сколько-нибудь?

Полковник. Прошу тебя, не кричи. Только не кричи. Мы уходим, сейчас... к поезду. Этот остолоп завел здесь очередной роман.

Георгий. Отец... я... я не прощу тебе этого.

Полковник. Заткнись! Он мне простит! Вот! Вот результат твоего либеральничанья, это ты воспитала его таким!

Нина Андреевна. Миша...

Полковник. Он уже вне всяких правил! Он может делать все, что ему вздумается, он личность, сверхчеловек!

Георгий. Отец... отец, что ты говоришь...

Нина Андреевна. Какой роман, Георгий? Сынок... пожалуйста, успокойтесь...

Полковник. Он не терял времени зря!

Георгий. Папа...

Нина Андреевна. Даша?

Полковник. Кто же еще? По-моему, он уже почти готов жениться!

Нина Андреевна. Немедленно... Немедленно... убирайтесь домой! *(Лихорадочно затягивает рюкзаки.)* А это еще что? *(Она бросает икону в сторону, Георгий подбирает.)* Сейчас же идите к поезду. Оставь! Выбрось немедленно эту пакость!

Георгий. Ма, ты не хочешь, чтобы Даша училась...

Нина Андреевна. Будет работать... как миленькая. А вы... сейчас же к поезду. Нет, вас отвезут... Сейчас же...

Георгий. Если Даша... Тогда и я остаюсь здесь! Мы поделим этих двенадцать коров. Тебя это устраивает?

Нина Андреевна. Георгий... что... что ты говоришь? Где Касаткин?

Георгий. Я остаюсь здесь! Я буду дояром, это ведь так почетно и благородно!

Полковник. Ты демагог!

Георгий. Я не шучу! Черт возьми, я поделю с Дашей этих коров! Чем я лучше ее? Почему я могу учиться, и почему она одна должна... Или я остаюсь здесь, или она едет... со мной!

Нина Андреевна. Никогда этого не будет! Пока я жива...

Даша отбегает к рябине.

Полковник. Ты сейчас же возьмешь рюкзак. Или ты не сын мне! Слышишь?

Георгий. Нет...

Полковник. Подлец!

Бьет сына по щеке, Георгий замолкает, словно окаменев.

Нина Андреевна. Миша!

Георгий. Я знаю, что я не твой сын. Я давно это знаю. Может... если б я был твой, ты бы не ударил меня!

Нина Андреевна. Миша! Георгий... Боже мой!..

Федор *(на него давно никто не обращает внимания)*. Самовар-то... Самовар-то давно на столе...

Полковник. Прощай, Федор! *(Георгию.)* А ты... ты просто сопляк. Ты еще одумаешься... Одумаешься... *(Уходит.)*

Георгий. Ты ударил меня!

Нина Андреевна. Миша, что ты делаешь? *(В отчаянии.)* Миша, не уходи! Слышишь, остановись!..

Георгий. Я никогда, никогда не прощу... Он... Он ударил...

Даша подходит к Георгию, встает рядом и гордо, с вызовом смотрит на Нину Андреевну.

Даша. Папа... Прости меня, папа...

Федор. Это... Что уж теперь? Делать нечего... Я-то что. Ты сама-то... Я ничего... Ничего...

Георгий. Я все знаю, ма... Давно... Но зачем? Зачем ты всю жизнь меня обманывала?

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Между первым и вторым действием проходит более двух лет. На дворе конец августа — сухое, безветренное и теплое бабье лето. Тот же дом, и огород, и рябина. Только все как-то слегка запущено: много крапивы, изгородь покосилась. На сцене полковник и Федор, который очень изменился и похудел. Полковник все тот же.

Полковник. Не знаю, Федор...

Федор. Чего не знаешь-то? Парень он не дурак, все понимает. Зря и тогда, одна горячка.

Полковник. Я ведь ездил к ним. Как будто все хорошо, а все не то. Не как раньше... У меня не отстают? *(Глядит на часы.)* Поезд пришел час назад.

Федор. Должны, вот-вот.

Полковник. Ну, кажется... все в порядке. *(Застегивается, одергивает пиджак.)* Значит, точно? Не знают они, что я здесь?

Федор. Да откуда?

Полковник. Ты... это самое. Поговори один сперва.

Федор. Все сделаю, как договорились. Погоди-ко... Это кто через пожни-то идет? Кажись, Трефена.

Полковник. Я уйду пока. Ты все понял?

Федор. Все сделаю, как надо. Скажу, что давно тут живешь, рыбу ловишь. Что не знал, мол, что вы приедете. Так ведь ты и правда не знал.

Полковник. Ну! Не поверят ведь.

Федор. Почему не поверят, поверят.

Полковник. Так ты это... как-нибудь... поосторожней.

Федор. От, ей-богу!

Полковник. Все, все...

Уходит. Снизу от речки поднимается Трефена, одетая скромно, но уже по-городскому. Она оставляет поклажу, поднимает с земли и ставит к огороду сломанные старые грабли. Оглядывает родные места, ходит на пепелище своего дома и причитает:

Не бивать да ключу на воде,
Не всплывать камню поверх воды,
Ни дверей нет, ни лазеечки,
Ни косящата окошечка...

Она даже не замечает Федора, ходит и причитает.

Ой да ни светлой нет светлицы,
Ни веселые горенки,
Не стоит-то высок терем,
Рундуки заросли травой!
Сирота я спобедная,
Ровно пташка безгнездая...
Ох ти мне как тошнехонько!
Ой, как закатилося солнышко
Середи-то дни белого...

Увидев Федора, она сразу останавливает причет.

Трефена. Ой, Федор да Митревич. Здорово-ко.

Федор. Ну, здорово, матушка, здорово!

Трефена. Ой, Федор, гли-ко ты — постарел-то! Ой, ой, батюшко!

Федор. И не говори. Где молодые-то?

Трефена. Да отстали. Багаж-то Миколай повез от поезда. Видать, в контору еще заехал. А оне пешком пошли, по Каменке. Ну, идите, говорю, а я побегу напрямую, через пожни. Парень-то... Сашенька-то... Такой санапал, такой санапал. И отца-то... Георгия-то всего измаял.

Федор. Так это... я сейчас, самовар...

Трефена. Поставлю, Федор, поставлю.

Федор. Там и Михаил Павлович, так ты его не трогай. Не вороши пока.

Трефена. О, господи, неужто тут?

Федор. Тут.

Федор спешит навстречу гостям. Трефена стоит на крыльце и глядит, утираясь платочком. Слышны возгласы встречаемых и детский рев. Даша проводит ребенка на крыльцо: «К бабушке? Ну, беги, Сашенька, к бабушке». Мальчика не видно из-за крыльца. Трефена уводит его в дом.

Даша. Боже мой, Каменка... Трефена Ивановна, это же наша Каменка!

Трефена (*выглядывая в окно*). Чего?

Даша. Смотри, смотри, ласточки! Трефена Ивановна, ласточки!

Трефена. Парень-то... Глазки слипаются, я его вымою да покормлю.

Даша. И стоги... А почему так мало стогов?

Трефена. Видать, косить некому.

Даша. И рябина... Наша рябина...

Бежит к рябине. Тем временем к дому подходят Георгий и Федор.

Георгий. Вновь я посетил тот уголок земли... Ну, Федор Дмитриевич, как? Как твоя Каменка?

Федор. Да вот... стоит. Пока оборону держу. Как в Бресте...

Георгий. Так быстро прошло два года. А куда они исчезли? Куда делись два этих года, а Федор Дмитриевич?

Федор. Да ушли вот... Оба ушли. Все годы идут в одну сторону. Теперь оне скорее идут, чем раньше.

Георгий. Что-что? Как ты сказал?

Федор. Время, говорю, теперь скорее бежит. Века стали короче.

Георгий. Интересно! Почему же?

Федор. Да живем торопимся.

Георгий. Что же, раньше не торопились? И века от этого длинней были, так, что ли?

Федор. Истинно.

Георгий. Ну, философ! Это же... *(Обнимает, смеется.)* Это уже что-то новое. Ну, а как с переездом? Не переселяют больше?

Федор. Да ведь... Как тебе сказать? Вроде не прижимают. Только в газете вон пропечатали.

Георгий. Как... в газете?

Федор. Да так. Вон и газетка на вершнике. *(Достает с вершника ворот газету.)*

Георгий. Ну-ка, ну-ка... «Удельный князь Федор Касаткин». Идиоты! Кто это... начирикал?

Федор. Был тут один. С бородкой. Ночевал две ночи. Мед больно хвалил, мы с ним обо всем переговорили. А он, вишь...

Георгий швыряет газету.

Э, отступись *(смеется и оттого закашлялся)*, отступись от греха.

Георгий. Но это же... Тебе что, все равно?

Федор. А что сделаешь? Пусть...

Георгий. А ежели тебя... на крюк за ребро? Просто так... Ты что, тоже скажешь пусть?

Федор. Да ведь... стерплю, ежели... Ежели надо.

Георгий. А если не надо? Как ты узнаешь, надо или не надо?

Федор. Оно верно.

Садятся.

Так ты, Жора, чево... с родителями-то? Есть переписка-то?

Георгий. Все нормально...

Федор. Ох, Георгий! Ежели все помнить — не жить.

Георгий. По-твоему, надо все прощать? И терпеть любые несправедливости?

Федор. Да ведь отец-мать! Он же в горячке тогда, думал, как тебе лучше.

Георгий. Но ты же не бил по щекам Дашу? Ты же не запрещал ей ехать со мной?

Федор. Вот и я про то! Ведь что было бы, кабы и я не стерпел? А говоришь, терпеть не надо...

Даша. «Отцвела и поспела на болоте морошка, вот и кончилось...» Папа, а когда мы будем баню топить? Ой, мне даже во сне снилось, как баню топлю! Георгий... Опять... опять ты...

Георгий. Терпеть... А что значит — терпеть?

Даша. Хотя бы сейчас... хотя бы в отпуске ты...

Георгий. Что?

Даша. Ничего.

Уходит в дом. Слышен шум газика, это подъехал Николай Федорович.

Председатель. Здорово, отец! Ну и еще раз... *(Обнимает Георгия.)* Рабочему классу... Где? Давай показывайте племянника!

Трефена *(из окна)*. Да зауснул! Сморило, видать, вот и зауснул.

Председатель. Ну, коли зауснул, пусть спит. А я все-таки погляжу. *(Идет в дом.)* А ты как, Трефена? Теперь тебя в доярки и калачом не заманишь! Ты погляди, какая стала интеллигенция!

Трефена. Ой, Николай Федорович, полно.

Георгий несет от машины багаж. Председатель выходит из дома, озабоченный чем-то.

Георгий. Федор Дмитриевич, вот лекарство Даша где-то достала. Новое, венгерское.

Федор. Вот спасибо, ребятушки. Давайте-ко в избу-то... *(Идет в дом.)*

Георгий. Что, диагноз подтвердился?

Председатель. Нет, надеются, что выздоровеет.

Георгий. Выздоровеет... От этого только и выздоравливают! *(Показывает газету с фельетоном.)*

Председатель. А, это... Ну, это ерунда. Кстати, утром звонила Нина Андреевна. Сейчас приедет. Учти, на своей машине! *(Подмигивая.)* Мы ее на повышение...

Георгий. Слышал. А вы? Как вы?

Председатель. Я тоже на повышение иду! На днях совхоз сделают. Был председателем, стану директором!

Георгий. Не представляю, чем отличается колхоз от совхоза.

Председатель. Политэкономию учил? Знаешь разницу между кооперативной и государственной собственностью?

Георгий. По моим наблюдениям... никакой разницы.

Председатель. Что-что?

Георгий. По моему непросвещенному мнению, у нас нет никакой собственности. Всё принадлежит всем. Иными словами никому ничего. Так? У нас в цехе...

Председатель. Ну-ну, не знаю, больно уж ты это... Так что у вас в цехе?

Георгий. Да то же самое, что и у вас! Вон в том поле.

Председатель. Ну, Георгий-Победоносец... Уел! Уел, ничего не скажешь! Только Нине Андреевне не говори.

Оба понимают друг друга и смеются.

Георгий. Нашли тогда доярку?

Председатель. Нет.

Георгий. А как же?

Председатель. Да очень просто. Распределили коров между остальными доярками.

Георгий. И стало у них не по двенадцать, а по четырнадцать? Алгебра производства...

Председатель. Должна же повышаться производительность труда?

Георгий. Производительность... доярок или машин?

Председатель опять хлопает Георгия по плечу и уходит глушить машину.

Даша, где ведра? Я схожу за водой.

Даша *(из коридора)*. Жора, смотри! Смотри кто у нас есть!

Полковник. Дашенька...

Даша тащит его на крыльцо.

Подождите, может... Как же так... Георгий...

Даша *(хлопает в ладоши)*. А каких окуней Михаил Павлович наловил!

Георгий. Отец...

Делают одновременные движения навстречу друг другу. Молчат. Затем сильно, по-мужски, обнимаются. Даша в восторге.

Председатель. А вот и Нина Андреевна!

Даша. Папа! Иди встречать, Нина Андреевна приехала!

Нина Андреевна отпускает своего шофера: «Поезжай, приедешь за мной завтра».

Георгий. Здравствуй, ма!

Нина Андреевна *(она пополнела, но по-прежнему энергична)*. Георгий... Господи... Какой колючий стал, а? И табаком... Весь табаком пропах...

Георгий. Ничего, ма... Это чтоб моль не ела. Вот, позвольте представить: Михаил Павлыч, полковник в отставке.

Полковник. Я у нее уже давно в отставке. Не буду здороваться.

Нина Андреевна. Ну его!

Слышно, как в доме кричит ребенок. Выходит Федор.

Даша. Ой... Нина Андреевна, здравствуйте.

Нина Андреевна. Ну, здравствуй, Дашенька. Здравствуй...

Даша. Извините, я... Саша кричит.

Нина Андреевна. Беги, беги. *(Председателю.)* Ну, Касаткин, кем это ты теперь мне будешь? Никогда не думала, что родственниками станем.

Председатель. В самом деле, кем? Даже не знаю. Во всяком случае, моему отцу, Нина Андреевна, вы теперь сватья!

Нина Андреевна. От часу не легче! Сватья... А он мне?

Председатель. Он вам тоже сват!

Нина Андреевна. Вы мне внука, внука показывайте! Как это я сразу... И сватья и бабушка...

Проходят в дом все, кроме председателя и Федора.

Председатель. Внук. Вот только чей внук.

Федор. Ты это... чего?

Председатель. Чего... Ты что, ничего не заметил? Сын-то у Дашки... Иван вылитый.

Федор. Погоди-ко... Ты чего говоришь недело?

Председатель. Вот тебе и чего. Я как поглядел, сразу вижу... Копия... А тут еще Иван приехал в Покровское. Демобилизовался.

Федор. Ах ты... ах ты... едрить твою в полурыжики... Колька, чего делать-то?.. Чего делать-то?..

Председатель. Чего делать? Штаны снять да бегать. Не знаю, чего делать!

Все готовятся к семейному торжеству. Выносят стол на крыльцо, хлопочут. Даша между делом через открытую дверь забавляет сына.

Даша. Саша? Сашенька? *(Дудит, вытягивая губы.)* Трефена Ивановна, яйца на молоке лучше или так? Кажется, Михаил Павлович любит на молоке.

Трефена. Так ведь когда с рыбой, знамо на молоке лучше.

Георгий *(выходя на крыльцо)*. Даш, представляешь, два года лежал — и ничего. *(Включает транзистор.)* Полюбуйся, чем твой муж увлекался... два года назад.

Даша. Ага. Словно корова голодная...

Георгий. Федор Дмитриевич уже не держит корову? Почему?

Даша. Он ее в колхоз сдал. Косить-то не в силах.

Георгий. Не могу видеть, как он мучается.

Даша. Говорят, опять нужна операция.

Георгий. Так называемое хирургическое вмешательство. Но ведь.. Уже было две операции. Для чего же сделали первую? Чтобы потом сделать вторую? Третью?

Даша. Не знаю...

Георгий. И почему он должен бесконечно страдать?

Даша. У тебя... всё такие вопросы... Знаешь, Сашеньке я постелила в зыбке. В моей зыбке, ее еще дедушка делал.

Георгий. Серьезно?

Даша. Помню, дедушка мне сказку рассказывал про тетерева. А когда я учила зоологию, все спорил со мной, говорил, что человек произошел не от обезьяны.

Георгий. От кого же?

Даша. От медведя!

Георгий. Жаль, что он ошибался. Наверно, мы сейчас меньше бы обезьянничали.

Даша. Георгий... Ты хоть бы при Нине Андреевне... Если не уважаешь меня, то не спорь хоть с матерью.

Георгий. Тебе всегда нравилась роль гордой и обиженной. А моя ма любит играть в командиров и подчиненных.

Даша. Почему? Почему играть?

Георгий. Потому что ее никто не боится! Я уверен, подчиненные ее надувают. Игнорируют ее высокие команды. У нас теперь в моде снисхождение к начальству.

Даша. Ты просто злой.

Георгий. Хочешь пример? Николай Федорович, твой брат. Он ее слушает, соглашается. А делает все равно по-своему. Она объявляет ему выговор, распекает и тэпэ. А потом сама же и хвалит за хорошие результаты. Но никогда, ни за что не признает она своей прежней неправоты! Ей положение не позволяет критиковать свои неудачи. Она пример, на нее смотрят. Именно смотрят! И видят. Я тебе не рассказывал?

Даша. Нет... Что?

Георгий. Позавчера. Приходит в лабораторию человек, просит принять на работу. Отдел кадров направил. Водкой от него разит, рука на перевязи. Харя в крови, не лицо — абстрактная живопись. А диплом — шик, блеск! Закончил московский технический. Спрашиваю, кто это тебя так? И знаешь, что он? Он эдак гордо заявляет: «А пусть не лезут!» Во! Не признает даже собственных синяков. Он победитель...

Даша. Ты никогда ничего не прощаешь! Хочешь, чтобы все и всё делали как ты, ничего не признаешь и всех критикуешь.

Георгий. Даша...

Даша. Но неужели все кругом такие плохие?

Георгий. А ты можешь поконкретней? Ужасное слово...

Даша. Вот! Даже слово и то ужасное, все у тебя ужасно!

Георгий. Ты... ты не понимаешь меня.

Даша. Конечно! Ты такой сложный!

Георгий. Слушай...

Даша. Ты особенный, тебя никому не понять.

Георгий. Перестань!

Появляется **полковник**, за ним **Нина Андреевна** и **председатель**.

Полковник. Дашенька, вам помочь?

Даша. Нет-нет, Михаил Павлыч, все готово. Садитесь...

Председатель. Так что, Нина Андреевна, нас тут и свежей рыбой накормят.

Нина Андреевна. Да? Я думала он так, только по району зря разъезжает.

Председатель. Он же чемпион по подледному лову.

Полковник. Нина Андреевна таких чемпионов не признает. Вот чемпионы по дойке — это другое дело. Даша, что с вами?

Даша. Ничего... так...

Выходит **Федор**.

Председатель. Сюда Нина Андреевна с Михал Павлычем. Отец здесь, тут молодых... *(Разливает.)* Ну, вздрогнули! Как механизаторы говорят. Михаил Павлович...

Полковник. Да-да.

Председатель. Со встречей.

Все чокаются.

Дарья, а ты чего?

Нина Андреевна. Фу, гадость какая...

Федор. Трефену-то...

Председатель. Как только ее подчиненные пьют?

Это еще ничего, экстра. А вот коленчатый вал есть... как механизаторы называют.

Георгий. Ма, ну как тебе Сашка?

Нина Андреевна. Не признает! Такой упрямый, как все Касаткины. Видно, в эту линию уродился.

Георгий. Ты... ты у нас начальство теперь?

Нина Андреевна. Ну, как тебе сказать...

Георгий. Много пьют в твоем районе?

Председатель. Досыта пьют.

Нина Андреевна. Район-то районом, а вот ты как? Насчет этого.

Георгий. Понемногу спиваюсь.

Трефена. Да что вы, господь с ним! Он и по праздникам-то в рот не берет. *(Выходит к застолью.)*

Полковник. Сюда, Трефена Ивановна, мы сейчас...

Трефена. Ой, нет, не буду! Не буду, лучше и не наливайте. Я и молоденькая-то редко пивала. Окуней-то нести аль погодить?

Председатель. Неси, неси!

Нина Андреевна. Это что, та женщина? Доярка?

Георгий. Это не доярка, ма. Это Трефена Ивановна.

Председатель. Михаил Павлович? Под окуней... А ты, отец... Не пьешь, так тряхнул бы хоть стариной, а? Где тальянка?

Федор. Два года в руки не брал. Сейчас... *(Уходит.)*

Председатель. Ну? Поехали!

Слышен детский плач, Даша убегает.

Георгий. У тебя персональный мотор, ма? Поздравляю.

Нина Андреевна. Мне, голубчик, пешком не успеть.

Георгий. Почему? Доярки, например, ходят за шесть километров, и ничего. Успевают.

Полковник. Это несерьезно, Георгий...

Георгий. В чем моя несерьезность? Даша упрекает меня в излишней принципиальности. Ты, наоборот, учишь серьезности. Всю дорогу меня в чем-нибудь упрекают, опекают и распекают. Помнишь, два года назад...

Полковник. Я был не прав.

Георгий. Э, все это чушь, отец. Я тоже был не прав. По отношению к тебе, к маме...

Председатель пожимает плечами и ставит рюмку. Уходит, незамеченный.

Полковник. Я виноват... был... она тоже...

Георгий. Подожди, отец. Я не об этом. Прав или не прав, разве в этом дело? Мы привыкли жить по этой дурацкой схеме: прав, не прав. Это у нас плюс, это минус, тут левое, тут правое. Но ведь всё, всё намного сложнее. Ма, согласна со мной?

Нина Андреевна. Нет, не согласна!

Георгий. Ну, вот... *(Разводит руками.)*

Нина Андреевна. Что это такое? Какие это у вас особые сложности?

Георгий. Пожалуйста. У нас, а у вас? Разве вы это не мы, а мы не вы? Разве люди не одно целое?

Нина Андреевна. Нет, не одно!

Георгий. Но, ма, попробуй хоть однажды взглянуть на мир глазами других! Понять не только себя, но и других! Может, тогда перестанешь делить людей на своих и чужих, на ваших и наших!

Нина Андреевна. О чем это ты говоришь?

Георгий. О том, что плюс и минус это примитивно и глупо. Мы с таким удовольствием противопоставляем себя друг другу. Поделили колхоз, город, весь мир у нас разделен на два лагеря!

Нина Андреевна. Идет борьба, Георгий.

Георгий. ...Многие просто жаждут борьбы. Потому что они ничто без нее, они есть, пока есть борьба, хотя бы видимость этой борьбы. Потому они так вдохновенно повсюду ищут врагов! Даже под крышей своего дома! В своей семье, черт возьми, в своей колыбели!

Нина Андреевна. Не болтай глупостей. Никто не ищет врагов в своем доме. Тем более в своей колыбели.

Георгий. Тем более... А может, тем менее? Но ведь Земля — это колыбель человечества... Ха! Это не я, ма, это Циолковский. Скажи, а могла бы ты... если б тебе не с кем было бороться?

Нина Андреевна. Нет, это не жизнь.

Георгий. Отец, ты слышишь?

Полковник. Георгий... Разве у нас никогда не было смертельных врагов? По-твоему, нас никогда не брали за горло. Вот так! *(Показывает.)* Ты... ты же знаешь...

Георгий. Я не говорил этого! В сорок первом я пошел бы вместе с тобой... За Оршу... За Вологду. За каждую полоску земли пошел бы...

Полковник. А сегодня?

Георгий. Откуда у тебя право сомневаться во мне? Или в моих ровесниках?

Появляется Даша.

Полковник. Не вся молодежь одинакова.

Георгий. Вот я и говорю: ваши и наши. Меня вы, конечно, относите к трусам... Я капитулянт, по-вашему. Да, я не хочу умирать! Но если я не хочу умирать, это не значит, что я не пойду умирать. Когда над головой вымахнет... этот самый грибок!

Полковник. Не считай, что один ты думаешь обо всем этом.

Георгий. Но ты же военный человек! Ты же сам видел эти водородные штучки! Погибнут не только хариусы...

Даша. Георгий...

Георгий. А?

Даша. Ты обещал сходить за водой.

Георгий. Слушаюсь. Теперь я, как Сизиф, обречен вечно носить воду из-под горы... «Как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима»... Трефена Ивановна, ты Маяковского любишь?

Трефена *(из коридора)*. Это который уколы-то коровам делает?

Георгий. Нет, это другой... *(Уходит с ведрами.)*

Полковник. Может, и нам на речку сходить? Вы даже не представляете, Даша, как я по речке соскучился.

Даша. А по Нине Андреевне?

Полковник. Гораздо меньше. Пошли?

Нина Андреевна. Ну, на речку так и на речку.

Нина Андреевна и полковник уходят. Даша, сдерживая слезы, смотрит в одну точку. В это же время на сцене появляется Ваня, он в солдатской форме. Увидев его, Даша судорожно хватается за стойку крыльца.

Ваня. Здравствуй... Я... я не хотел... Я хотел только увидеть мать. Она здесь?

Даша. Да...

Ваня. Я... сейчас я уйду... Только позови, пожалуйста, маму!

Даша. Ты... ничего мне не скажешь? *(Задыхаясь.)* И ничего не спросишь меня?

Ваня. Что говорить? Все было сказано... Слова... Слова ничего не значат!

Даша. Да... Нет... Где ты служил?

Ваня. В Германии. Но я хотел бы... Я бы не хотел,

чтобы твой муж... Прошу тебя, позови маму. Мы уходим... В Покровское.

Даша. Ты... Простил меня?

Ваня. Нет!

Даша. Если ты не простил... Значит, ты не забыл... Ваня...

Ваня. Все получали письма... Я не получил от тебя ни одного, но я... я думал о тебе каждый день. Ты не знаешь, как это было отрадно, думать. Не представляешь... Только не жалей меня.

Даша. Я не жалею.

Ваня. Если ты будешь жалеть... Впрочем, мне наплевать! Я не хочу ни о чем говорить...

Даша. Ваня...

Ваня. Я знал, что ты обманешь меня.

Даша. Нет! Неправда... Это неправда, Ваня, неправда... Ты не знаешь... как я живу... Я... я виновата, но ты... ты должен понять... Ты простишь, когда ты поймешь. Я была глупой девчонкой... Все было не так, как думаешь...

Ваня. Какое это имеет значение? Как было и как должно было быть?

Даша. Нет...

Ваня. У нас ничего не вышло. Все ерунда...

Даша. Нет... я тоже... Я знаю, ты не забыл... Я тоже думала о тебе. Все время. Ты у меня в глазах стоял, ты снился мне...

Ваня. В той самой постели, где... Тогда ты обманывала сразу двоих! Понимаешь? Двоих! Нет, троих, всех. Весь мир...

Даша. Ты тоже стал жестоким.

Ваня Жестоким? Но я люблю тебя! Я не могу забыть!

Даша. Ваня...

Ваня. Что ты наделала? Зачем ты так сделала?

Семьсот пятьдесят дней! Семьсот пятьдесят раз я слышал команду «Отбой!». И каждый раз вспоминал тебя. Тебя! Мне было легче уснуть по команде... С твоим именем... Оно сидело вот тут... В самом затылке! Семьсот пятьдесят раз я вскакивал по команде и сразу... Сразу тебя... Я знаю, мне тебя не забыть. Умирать буду — вспомню. Но теперь-то... что толку? Позови мать, я ухожу!

Даша. У нас... у меня твой сын... Ваня, это твой сын!

Ваня *(кричит)*. Я не верю тебе! Я не верю ни одному твоему слову! Слышишь? Не верю! Позови мать. Я буду ждать... Здесь, за домом...

Даша. Боже... Боже мой...

Появляется Георгий, он ставит ведра с водой.

Георгий. Даша...

Она не отвечает.

Ты слышишь меня?

Даша. Да...

Георгий. Что с тобой? Плачешь?

Даша. Нет... *(Неожиданно бросается к мужу.)* Уедем отсюда! Жора, я... я хочу обратно... скорей...

Георгий. Не понимаю тебя. Почему?

Председатель *(зевая, выходит на крыльцо)*. Заснул ведь... Зауснул, как Трефена скажет. А где народ? Чаем сегодня будут поить?

Георгий. Вода уже есть.

Председатель. Дарья, ставь самовар! А где Михаил Павлович, Нина Андреевна? Тут есть что-нибудь? Садись, Георгий, тут кое-что есть. Осталось.

Георгий. Спасибо, я не хочу. Даша...

Председатель. Зауснули все, что ли?

Даша молча берет воду и уходит.

Георгий. А... *(Берет стопку.)* Выпьем... Выпьем, Николай Федорович... за женскую эмансипацию...

Председатель. Трефена, зови Касаткина. И сама иди. Отец? Баян тоже сюда! Нина Андреевна, Михаил Павлович!

Нина Андреевна. Вот, смотрели твои угодья, Касаткин!.. Какое хорошее место для отгонного пастбища.

Председатель. Угодья потом. Садитесь. Все садитесь! Что в самом деле? Праздник у нас или не праздник? Касаткин, ты, говорят, пиво варил! Выходило? Давай! Волоки пиво, Трефена!

Трефена. Сичас! И самовар кипит, и пиво несу! Все несу, Николай Федорович...

Председатель. Вот так! А то, понимаешь, зауснули... *(Приставив ко рту ладони, громко кричит в сторону реки: «Михаил Павлы-ы-ы...»)*

* * *

Сумерки. За столом собрались все, кроме Трефены. Федор играет на баяне. Сильно и скорбно звучит над Каменкой песня. Даша поет тоже, но из коридора тихонько выходит Трефена, что-то шепчет ей на ухо и так же незаметно сходит с крыльца. Даша поет, но слезы бегут по ее щекам.

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных птиц.
Широко по Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразит все, как сказанье, небесные звуки,

Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...[1]

Под эту песню Трефена незаметно проходит к рябине.

Ваня. Мама...

Трефена. Иван... Господи, царица небесная матушка! Ой, милые, господи...

Ваня. Ну, что ты... Ну, хватит...

Трефена. Иванушко, чево делать-то будем?..

Ваня. Идем... В Покровское. Я оставил чемодан у тетки. В городе я узнал адрес. Там никого не было, соседи сказали, что вы... что ты в Каменке... Почему ты здесь? Идем! Нас ждут в Покровском.

Трефена. Да как? Как уйдешь-то? Сашенька без меня никак не спит... Парень-то... *(Снова плачет.)*

Ваня. Почему ты должна с ним нянчиться? Их... много там!.. Я не позволю... Идем сейчас же!

Трефена. Ваня, Христос с тобой! Чего говоришь... Парень-то...

Ваня. Что парень, ну, что парень?

Трефена. Твой ведь...

Ваня. Это... Я не верю! Не может быть... Что? Что ты сказала?!

Трефена. Не от Георгия... Твой ребеночек-от. Истинно... Я как поглядела первой-то раз, у меня так сердце-то и зажало... Зажало да запеклось, все у меня запеклось, один господь знает... И ротик-то... И глаза — твои, будто въяве... А тут побольше-то стал... Слово охота сказать, а не может, ну, чисто... как ты, бывало, господи...

---

[1] Песня Н. Рубцова.

Ваня. Перестань! Я... я не могу...

Там, наверху, кончилась песня, и Федор сдвинул баян.

Федор. Трефена, ты с кем там? С кем говоришь, уж не сама ли с собой?

Полковник. Какая песня, а?

Георгий. Трефена Ивановна?

Ваня. Идем... Я не хочу никого видеть. Идем же, мама!

Председатель. О, да тут... Ну-ка, ну-ка? *(Выскакивает из-за стола, бежит к рябине.)* А ну давай сюда. Давай-давай, и без разговоров!

Ваня. Здравствуйте... *(Он вынужден выйти на свет.)*

Федор. Ванюха? Ваня, любезный друг... Здорово! Здорово, миленькой! Едрить твою в полурыжики, да мы... Ну, отслужился?

Ваня. Здравствуйте.

Полковник. Здравствуй, здравствуй, солдат.

Даша, зажав лицо, убегает в дом, за ней идет Георгий, потом полковник.

Ваня. Извините... Я тут совсем не к месту...

Федор. Иван?

Ваня. В другой раз, Федор Дмитриевич.

Федор. Да ты... ты что?

Председатель. Держи! С возвращением!

Федор. Ночевать у меня! Крышка! Жить-то дома останешься?

Ваня. Еще не знаю, Федор Дмитриевич. Дома, наверно.

Федор. Да неужто? Едрить твою в полурыжики, да я... Да мы... Иван! Вот тебе дом! Живи! Женись и живи! А? Голубчик, да мы... А вот не дадим сгинуть Каменке! Верно я говорю? Не дадим! Ваня, любезный друг... Эх,

Колька, ну-ко налей... Налей, с Иваном выпью! Выпью! Налей... Налей, у меня сердце чуяло, а?

Нина Андреевна. Молодой человек, надо иметь хоть каплю такта.

Уходит. Ваня ставит стопку на стол.

Трефена. О, господи... Что будет-то, Ванюшко...

Ваня. Идем...

Трефена. Саша-то... *(Идет в дом.)* Погоди-ко...

Георгий. Останьтесь, я хотел бы... хотел бы поговорить.

Ваня. Нам не о чем говорить! Мама!

Федор. Иван! Не пущу! Никуда не пущу! Будешь тут ночевать. Остановись, кому говорят! Да разве это не твоя деревня? Разве это уж и не Каменка?

Чуть не падает со стула, его уводят, почти уносят в дом.

Председатель *(Ивану)*. Съезди за фельдшером, а? Быстрее.

Нина Андреевна *(выбегая)*. Где Касаткин? Зря я отпустила машину.

Полковник. Если уж ты завел семью...

Георгий. То что?

Полковник. Изволь относиться всерьез, вот что! Ко всему! К себе, к Даше, к сыну, наконец!

Нина Андреевна. Хватит! Подожди, Миша. Так вот, голубчик, помнишь? Помнишь, как ты никого не послушался?

Полковник. И правильно сделал. Прекрати!

Нина Андреевна. Это почему прекрати? Это почему я должна прекратить?

Георгий. Подожди, отец... Ну, и что, ма?

Нина Андреевна. Что? Он еще спрашивает что! Но я не оставлю это так, надо сохранить семью! Разве ты не видишь? Разве не видел, как она из-за стола вы-

скочила? Откуда этот военнослужащий? И потом... эта женщина, как ее? Трефена. Кому ты позволяешь воспитывать сына?

Полковник. Перестань... Прошу тебя, перестань!

Георгий. Ма! Может, ты будешь нянчить Сашку? Но ты даже не знаешь, когда он родился, ты даже не приехала, когда он болел...

Выходит Даша.

Полковник. Нина, уйди... Прошу тебя, тише... *(Уводит ее.)*

Георгий. Все это ужасно, Даша... Послушай... скажи мне честно...

Даша. Что сказать, Георгий?

Георгий. Я видел, как ты... Но это неправда, Даша...

Даша. Ты считаешь, что я виновата в чем-то...

Георгий. Нет... но ты... ты была сама не своя... Он пришел, и ты забыла про все на свете.

Даша. Мы вместе росли, вместе ходили в школу...

Георгий. Я понимаю... Но скажи... Ты очень его любила?

Даша. Я никогда тебя не спрашивала... кого и как любил ты!.. До меня.

Георгий. Это как раз и обидно... Ты равнодушна...

Даша. Георгий...

Георгий. Хорошо, пусть я идиот. Замнем! Закроем глаза, пусть! Чихать на все прошлое, так? Ура, будем жить сегодняшним днем! И будущим! К чему! Для чего ставить все точки! К черту! Ревность... Это так несовременно... пережиток прошлого! Отсталость! Домострой! Тем более ревность к прошлому. Но я все равно не могу... Не могу! Скажи, ты говорила с ним? Сегодня?

Даша. Что ты от меня хочешь?

Георгий. Ты скажешь... Даша, ты должна мне сказать... чтобы никогда больше не возвращаться... к этому.

Даша. Не надо... Ты всегда хочешь ясности, ты выковыриваешь из души все тайны... Ты все хочешь знать, а потом мучаешь себя и других...

Георгий. Значит, это твоя тайна...

Даша. Думай как хочешь.

Георгий. Ты говорила с ним о Сашке?

Даша. Да! Если ты хочешь! Вот... Под этой рябиной... Это его сын, Георгий. Ты доволен теперь?

Георгий *(в бешенстве толкает ее)*. Тварь! Ты лживая, подлая баба! Неужели ты думаешь, что я не знал, чей у нас сын? Как ты могла? Как ты могла...

Уходит в отчаянии. Появляется Трефена с узлом.

Трефена. Дарьюшка... Я Сашеньку-то уклала. Пойду... Сердце-то не на месте.

Даша. Ты посиди со мной, Трефена Ивановна.

Трефена. Да ведь Иван-то... Не знаю, где и ночует... Поехал за фельдшером. Господи... Сашенька-то. Вот велик ли еще, а все чует. Душа-то у его все чует.

Даша. Трефена Ивановна... не уходи сегодня... Саша не заснет... без тебя.

Трефена. Да Иван-то... С Иваном-то как...

Даша. Трефена Ивановна, не знаю... Ничего не знаю...

Уткнувшись лицом в колени старухи, вздрагивает. Трефена гладит ее голову.

Трефена. Миленькая... Вся-то... Вся-то... измаялася... А каково мне-то глядеть, господи... Не надо бы ему сюда идти, не надо...

Даша. Ох! Трефена Ивановна... Ты скажи Ване...

Трефена. Бессчастная... Видно, мы обе с тобой... бессчастные уродились. Разве я думала?

Слышен шум газика, председатель выходит из дома.

Председатель. Иван? Ну, как там?

Ваня. Ее нет дома.

Председатель. От пигалица! Ну я ей покажу. Все! В район! Едем в больницу. Живо! Даша, иди сюда. Надо собрать отца.

Ваня. Мама!

Трефена и Даша идут в дом. Ваня, не зная, что делать, какое-то время остается один. Из поля, бледный и осунувшийся, бредет Георгий. В руке у него коньячная фляжка.

Георгий. О, привет...

Ваня хочет уйти.

Могу я поговорить с тобой?

Ваня. Что вам надо?

Георгий. Мы были на «ты». Помните?

Ваня. Я помню. Поэтому вы и... *(Снова хочет уйти.)*

Георгий. О, я понимаю... Ты считаешь, что я подлец.

Ваня. Я не сомневаюсь в этом.

Георгий. Одну минуту... Вы должны меня понять.

Ваня. Я не хочу говорить с вами.

Георгий. Но ведь решала только она! Только она сама!

Ваня. Вы ни при чем? Да знаете ли вы?.. Если бы я захотел... Да любую девчонку... Даже замужнюю женщину можно...

Георгий. А вы не так уж дорого цените женщин. Может, вы правы? Выпьем...

Ваня выбивает колпачок из руки Георгия. Георгий хочет ударить, но в это время под руки выводят Федора.

Трефена. Иванушко, уйди от греха.

Георгий. Всё как в старых романах.

Федор. Да что смерть? Я ее разве боюсь? Миша... Помнишь, как под Оршей-то? В атаку-то поднялись, в рукопашную-то? Вот тогда умирать боязно было... А теперь что... Нет, не боюсь... Вот Каменку не отстоял Федор Касаткин... Не удержал позиций... Оух... оух... Какой я вам канители-то... канители-то наделал.

Полковник. Ты держись, Федор, ты только держись.

Федор. Нет, Миша. Видать, вышло дышло. Каюк.

Председатель. Надо ехать в больницу, отец!

Федор. Ох, Колька... Ну-ко... Давай-ко спомним деда Димитрия. Помнишь, как он умер-то? Федька, говорит, затопи баню, севодни умру. В баню сходил, на лавку лег. Зови, говорит, народ, буду прощаться. Только его и видели.

Председатель. Ты это самое... брось.

Федор. Бывало уж в колхозе... Круг себя поглядит да и скажет: «Хозяйство ведут, как телегу вверьх колесами катят! Только бы и надо телегу-то перевернуть». Вот так и ты с Каменкой. Помяни мое слово, придешь ты сюда! Воротишься! Будешь опять строить дома, на этом же месте...

Председатель. Ну и построим.

Федор. А ломать-то пошто? Сейчас-то? Сперва крушим, после строим. Вот, последний дом... Шей да пори, не будет пустой поры. Да он ядренее новых! Вот умру, а ты его... ты его на дрова... Отгонное пастбище.. Для мелких телят... Пастух Геннадий шалаш поставит, огонь разведет, чтобы комары не кусали. Отгонное пастбище...

Председатель. Да, отгонное. Ну и что?

Федор. Не дам я тебе его ломать! Я из могилы встану, сукин ты сын! Подниму костьё! А в доме пусть Иван с маткой живут, не обижайся.

Ваня все время порывается уйти.

Председатель. У меня домов казенных на всю жизнь...

Федор. Вот-вот... тебе родной дом не дорог, ты в казенных. В казенном жить, никто уж не обзовет кулаком. В казенном доме жить легче. Да... Дак ведь тюрьма вон тоже казенный дом!

Выходит Нина Андреевна в бигуди и в халате.

Нина Андреевна. Это какой-то сумасшедший дом! Уже три часа. *(Мужу.)* Почему ты не спишь?

Полковник. Видишь ли...

Нина Андреевна. Сейчас же иди ложись! А ты... вы, Николай Федорович, куда вы смотрите?

Председатель. А я еще не наговорился! И выпить хочу.

Нина Андреевна. Спать! Почему не лежите, Федор Дмитриевич?

Федор. Еще належусь. Там время будет лежать...

Нина Андреевна. Где это там?

Полковник. Нина...

Федор. И правда, где? Вот меня, Нина Андреевна, уж два года как из всех списков вычистили. Заодно с Каменкой... Я ведь... не тут уж числюсь... В тех... В других списках... Так хоть сейчас воздухом подышу... На реку погляжу, на загороду, на ульи... Капуста вон не прополота, вся заросла...

Нина Андреевна. Отстали на сорок лет. Вцепились в приусадебные участки и держитесь.

Федор. И впрямь отстали... А кто в передовиках-

то? Вон в Покровском капусту уже не садят. Разучились... В магазине канцерву берут да и варят, называется украинский борщ... Эх...

Пытается встать, слышен детский плач.

Нина Андреевна. Безобразие. Кто смотрит за ребенком? Сделайте так, чтобы ребенок спал!

Георгий *(сам себе)*. Никто не может спать по приказу, ма. Впрочем, может, еще научимся. Будем стараться.

Нина Андреевна. Что вы стоите, Касаткин? Немедленно отправляйтесь! *(Увидев Ваню.)* Молодой человек! Пора бы понять...

Председатель. Он повезет отца!

Федор. Ваня... Никуда я не поеду, дружок. Ты не уходи от меня... Ты дай слово, что здесь останешься. Ты посули мне, что тут будешь жить, что деток скопишь. Чтобы по угору вон бегали! Кидались кепками. А ты, Дарья, поезжай. Вам с Георгием тут нечего делать.

Нина Андреевна. Он болен, что вы его слушаете? Касаткин, я вам говорю!

Федор. Она... *(с жутким смехом указывает пальцем на Нину Андреевну)* она меня хочет вылечить! Она меня... Иван! Не давай... Ваня, любезный друг... Дарья... Дочка...

Его почти уносят к машине.

Даша. Сейчас... я сейчас, папа...

Полковник вырывает фляжку из рук Георгия.

Полковник. Что ты делаешь?

Георгий. Отец, ты был прав, я никуда не гожусь. Не смог... У меня больше ничего нет, отец...

Нина Андреевна *(Георгию)*. Приведи себя в по-

рядок. Ничего страшного не случилось. Надо сохранить семью, у тебя сын.

Георгий. Это не мой сын, ма.

Нина Андреевна. Как? Что значит не твой?

Георгий. Ложь... кругом одна ложь. Даша обманывала меня два года... Ты обманывала меня двадцать лет. И мне нравилась эта ложь, я жил тогда лучше.

Слышно, как отъезжает машина.

Полковник. Перестань! Возьми себя в руки. Сын... Что ты знаешь о жизни? Ты тоже не мой сын, но это...

Нина Андреевна. И ты... И ты еще защищаешь такую семью! *(Плачет.)*

Полковник. Я тебя защищаю, черт возьми! Вспомни себя... двадцать лет назад. *(Уводит ее в дом.)*

Георгий. Ха! Я и забыл. Я ведь тоже ничей... *(Хохочет.)* Я ничей! У меня нет ни отца, ни жены, ни сына, я ничто! Кто же такой я? Может, святой дух? Ма, ты слышишь? Отечество — это когда есть отцы и есть сыновья. Но у меня нет ни того, ни другого!

Слышно, как Трефена баюкает внука.

Баю-баю, баю-бай,
Приди кот-котонай.
Приди кот-котонай,
Сашу котик покачай.
А дорогой на кота
Накатилась коркота.
Все касатушки спят,
И лисички спят,
По норушкам спят
Да по гнездышкам.
Только серые волчки —
Где вздумалося.

Голос Нины Андреевны: «А вы? Вы все еще здесь? Я думала, вы давно ушли».

Трефена. Ох, матушка, Нина Андреевна, я бы ушла. Ушла бы, да внучек-то худо ходить выучился. А когда встанет он на ноги-то... Может, и меня не оставит, старуху... Уйду, сейчас уйду!

Георгий. Трефена Ивановна... О, Трефена Ивановна, как это... *(Вспоминает что-то и не может вспомнить.)* Как это...

Трефена. Чево, батюшко?

Георгий. В самом деле... Что я и кто я? Прошу тебя... Как это... называется.. Ах, да.. Причёт. Ты попричитай надо мной, Трефена Ивановна.

Трефена. Что ты, Христос с тобой! Чего говоришь? Ну-ко иди приляг. Господь с тобой, полежи.

Георгий. Саша? Саша... А где... где у нас Даша? Сашка... он будет счастливей меня, у него два отца... я... Я хочу выпить! Трефена Ивановна, мне можно выпить?

Трефена. Выпей, батюшко. Выпей, сердешный,— может, полегче будет...

Георгий. Нет... Не хочу! *(Бросает фляжку.)* Ничего не хочу. Ты попричитай обо мне... Ну, не обо мне... не обязательно обо мне. Что это! Каменка?

Трефена. Каменка, милой, Каменка. Ну-ко поди лучше да заусни.

Георгий. Нет... Я только, только проснулся. Но зачем? Даша, зачем я проснулся? Не надо было будить меня!

Трефена. Георгий... батюшко... прости меня, грешную... Век буду тебя помнить, прости. *(Кланяется в пояс. Уходит с ребенком.)*

Георгий. Да-да... Я тоже... сейчас. Пусто. Мы всех отсюда выжили. Отец, вам принести воды?

Нина Андреевна *(из дома)*. С кем ты говоришь?
Георгий. Мы остались одни...
Нина Андреевна. Закрой ворота!
Георгий. Здесь нет ни воров, ни хозяев, ма.
Нина Андреевна. Да? Тем лучше.
Георгий. Какой большой и пустынный дом!

По 206-й... (Сцены из районной жизни)

ДЕЙСТВУЮТ:

Костя Смагин
Иван Степанович
Борис
Тоня Андреевская
Секретарь райкома
Пухов
Настя
Татьяна
Бабушка Секлетинья
Председатель колхоза
Корреспондент
Народный судья
1-ый народный заседатель
2-ой народный заседатель
Секретарь суда
Начальник милиции
1-ый милиционер
2-ой милиционер
3-ий милиционер
Сержант
ЧНЗ (человек неопределенных занятий)
Буфетчица

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Деревенский проулок. Слева крыльцо Кости Смагина, справа — Ивана Степановича. Видны поля и дорога. На завалинке с утра греется на солнце бабушка Секлетинья.

Костя. Иван Степанович, долго спишь!

Иван Степанович. Чево? *(Выходит из дома.)*

Костя. Спишь, говорю, долго. Давай-давай, надо на комбайн.

Иван Степанович. Иди покури.

Садятся.

Всю ночь грибы снились. Как думаешь, к чему?

Костя. Вот у Секлетиньи спроси. Она в снах разбирается. Алё, баушка!

Бабка оглядывается.

Ты не знаешь, к чему грибы снятся?

Секлетинья. Чево, батюшко?

Костя *(подходит к бабке)*. Сон, говорю, грибы!

Секлетинья. У меня, батюшко, труба хорошая. Да ведь и перекладывал ты.

Костя. Ну, глухая тетеря! *(Отходит.)* К рыбе, говорит!

Иван Степанович. Оно бы неплохо на жареху-то.

Костя. Теперь о рыбе до осени не мечтай. Ты сколько вчера заприходовал?

Иван Степанович. Ржи-то? Сколько есть, все твои! Шесть с половиной тонн.

Костя. Мало! Восемь намолотил бы, кабы шкив не оборвало.

Иван Степанович. Аванец-то выдали?

Костя. Премию. Надо баню вечером истопить, всю кожу изъело.

Иван Степанович. А кто с председателем-то вчерась приезжал?

Костя. Корреспондент.

Иван Степанович. Из район у?

Костя. Выше бери! Из области. Все у меня вчера выпытал, сколько сплю, где шприцую.

Иван Степанович. Дак чево... Успеваешь? Хе-хе... Шприцевать-то...

Костя. Я-то что. А вот ты как?

Иван Степанович. И спим в разных местах.

Костя. Рано сдаешь позиции. Так я пойду. У тебя с брезентом-то все в порядке?

Иван Степанович. Поезжай, за мной дело не станет.

Костя уходит. Из ворот появляется жена Ивана Степановича Татьяна, она кормит кур.

Иван Степанович. Парня-то разбудила?

Татьяна. Пусть спит. Туо-туо-туо! Набегался вчерась, еле до кровати дошел. Да куда посвистал-то? Сичас буду самовар ставить.

Иван Степанович. Пойду брезент просушу на солнышке.

Уходит. Появляется жена Кости Настя, развешивает белье.

Настя. Ой-ой, надо на ферму бежать, а у меня и печь не топлена.

Татьяна. Где сам-то?

Настя. Да убежал на конбайн.

Т а т ь я н а. Вот и моего будто ветром сдуло. Ты иди, иди к коровам-то. Я ребят накормлю, как пробудятся. А за дрожжами-то вечером приходи.

Н а с т я. Ой, хоть бы капельку! *(Подходит к бабке.)* Баушка, ты все сидишь?

С е к л е т и н ь я. Сижу, матушка. Солнушко теплое, вот и сижу.

Н а с т я. Дак ты поглядела бы за ребятишками-то.

С е к л е т и н ь я. Погляжу, как не погляжу. Да оне ведь меня не слушают. Вчерась один ножницы взял да всю меня и остриг.

Н а с т я. Остриг?

С е к л е т и н ь я. Остриг. *(Показывает.)*

Н а с т я. Ой-ой прохвосты, старуху-то всю обкорнали.

Т а т ь я н а. Ох оне дьяволенки!

На дороге показывается участковый П у х о в. Он на велосипеде.

Куды без хлеба-то, Павлович?

Н а с т я. Да и галифе новые! *(Дергает Татьяну за рукав.)* Хоть бы привернул побеседовать.

Пухов, объезжая сидящую бабку, падает.

Т а т ь я н а. До чего узки, до чего узки дороги-то делают!

П у х о в. Вот, понимаешь... Все из-за вас. *(Трет колено.)* Ну-ко водички принесите попить.

С е к л е т и н ь я. Что, батюшко, свали́лсё?

П у х о в. А ты чего на самой дороге уселась?

С е к л е т и н ь я. У меня ухи-то худо чуют.

П у х о в. На дороге, говорю, сидишь, как присохла.

С е к л е т и н ь я. Оглохла, милой, совсем оглохла.

П у х о в. Ну, с тобой много не наговоришь!

Татьяна приносит от колодца ковшик воды, он пьет.

Спасибо, поеду.

Т а т ь я н а. Не на чем!

Пухов уезжает.

Да больше-то не летай! С лисапеда-то.

Н а с т я. Ой, побегу!

Т а т ь я н а. Да беги ты, беги! Накормить накормлю, а после вон Секлетинья поглядит. За ребятами-то.

С е к л е т и н ь я. Погляжу, как не погляжу.

Настя убегает.

Т а т ь я н а. Ну-ко садись вот сюда! Тут половчее.

Выводит бабку на край сцены и уходит. Занавес отделяет старуху от сцены.

С е к л е т и н ь я. Ну, вот и добро. Все на роботку ушли. Робетёшечка-ти спят.

Слышен крик и гам.

Одна осталася, а ничего не чую ушами-то. Только когда гармонья играет и чую. Так нынь где гармоньи-ти? У одного Костентина, да и тот играет-то редко. Как женился да детки пошли, так отступился и от гармоньи. Все дни на конбайне. Слава те, господи, нынь крещёеные хорошо живут. У Насти-то однех платьёев навешано не то шесть, не то семь. Шкап желтый купили, лисапед старшему. Ой, говорю, здря! Экой жених, лучше поберегли бы денежки-ти.

Снова слышен гам, крики и даже рев.

Воно-тко! Пробудилися. Вон, вон что делают, опеть битва. Виташка, бес, не трогай Влодимера! Влодимер, отдай колесо Юрью!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Чайная в поселке райцентра. Алюминиевые столы, буфет, фикус и радиола. Объявление: «Приносить и распивать спиртные напитки строго запрещается». За одним из столиков завтракает секретарь райкома, за другим ЧНЗ — человек неопределенных занятий. Входит корреспондент областной газеты.

Корреспондент. Алексей Семеныч? Доброе утро.

Секретарь РК. А, здравствуйте! Прошу. Ежели не побрезгуете моим обществом.

Корреспондент. Оказывается, секретарь райкома тоже встает рано?

Секретарь РК. Какое же это рано? Девятый час. Или вы это с юмором?

Корреспондент. Ну, что вы!

Подходит буфетчица.

Буфетчица. Есть яишенка с ветчиной, сырники, кофе на молоке.

Корреспондент. Давайте яичницу. Кофе тоже можно.

Секретарь РК. Люба, а мне чайку. И покрепче.

Буфетчица уходит.

Ну-с? Удачно в «Восход» съездили?

Корреспондент. Очень удачно! Вы знаете Смагина Константина? Механизатора?

Секретарь РК. Превосходный комбайнер. В прошлом году занял второе место.

Корреспондент. Если так дело пойдет нынче, он займет первое. Буду писать о нем.

Секретарь РК. Что ж. Областная газета нас не избаловала своим вниманием. Будем читать.

Буфетчица приносит еду.

ЧНЗ. Девушка, папрашу лиманад! Две бутылки.

Буфетчица. Гражданин, у нас днем самообслуживание.

ЧНЗ. Тыща извинений.

Корреспондент. А вы что, регулярно здесь питаетесь?

Секретарь РК. Да нет. Жена с детьми уехала к родственникам, остался холостяком. Предпочитаю домашний стол. А вам нравятся публичные трапезы?

Корреспондент. Так себе. Но и патриархальным предрассудкам я не подвержен.

Секретарь РК. С чем их едят, эти патриархальные предрассудки?

Корреспондент. Алексей Семенович, патриархальность — общеизвестное понятие.

Секретарь РК. Не убежден. Термин, по-моему, многозначен. Журналисты же почему-то придают ему только отрицательный смысл.

Корреспондент. Потому что патриархальность всегда мешает всему новому.

Секретарь РК. Отнюдь не всегда.

Корреспондент. Тогда это не патриархальщина, а нечто другое.

Секретарь. РК. Нет-нет, я говорю о патриархальном именно в вашем смысле.

Через весь зал с подносом проходит Борис. Он садится за дальний столик лицом к стене.

ЧНЗ. Девушка, папиросы «Казбек» есть?

Буфетчица не отвечает.

Пардон и тысяча извинений! *(Закуривает.)*

Корреспондент *(оглядываясь на ЧНЗ)*. Однако оригинал. *(Шутливо.)* А у вас, Алексей Семеныч, реакционные взгляды.

Секретарь РК *(тоже шутливо)*. Может быть, может быть.

Корреспондент. Хотелось бы на досуге поспорить с вами.

Секретарь РК. Сделайте одолжение! *(Встает.)* Я люблю принципиальные споры. Но вы, кажется, еще в леспромхоз собирались?

Корреспондент. Вернусь через два дня.

Секретарь РК. Заходите в любое время.

Корреспондент. До свидания.

Секретарь уходит. Появляется Тоня Андреевская с подносом. Раздумывает, куда бы сесть.

Тоня *(Борису)*. К вам можно?

Борис. Пожалуйста.

Она ставит еду, уносит поднос и возвращается.

Тоня. Вчера вы тоже брали запеканку. Вы вегетарианец?

Борис. Нет, почему же...

Корреспондент, расплатившись с буфетчицей, уходит. Борис оборачивается к ЧНЗ.

Может, вы прекратите курить?

ЧНЗ. Приношу тыщу извинений!

Борис *(Тоне)*. Как я понимаю, вы здесь на практике?

Тоня. Ага. А вы?

Борис. Нам, наверное, пора уже познакомиться. Борис.

Тоня. Андреевская. Антонина.

Борис. Да вы ешьте, ешьте! Остынет ваша яичница. Так где же вы практикуетесь? В редакции районной газеты?

Тоня. В редакции.

Борис. Значит, факультет журналистики. МГУ? Ленинградский?

Тоня. МГУ. Простите, а вы?

Ч Н З. Девушка, пожалуйста, сухое вино! Рислинг есть?

Буфетчица. Гражданин, я же сказала, днем у нас самообслуживание!

Борис. Это... Это не так важно.

Тоня. Почему?

Борис. Я уже работаю. Вам нравится здесь?

Тоня. То есть где здесь? Здесь, в этой чайной, не очень. А вообще очень нравится.

Борис. Что же?

Тоня. Вы знаете, люди здесь удивительные. Добрые и какие-то... Очень простые. Даже наивные.

Борис. Да?

Тоня. Всё у тебя выспросят, но и сами всё про себя расскажут. Ну, всё-всё! Как будто знают тебя сто лет.

Борис. На обычном языке это называется фамильярностью.

Ч Н З. Девушка, сигары «Негро» есть?

В зале становится шумно, кто-то вкатывает пивную бочку, кто-то пристраивает насос, два здоровенных мужчины в спецовках ставят кружки с пивом, садятся и украдкой распечатывают бутылку водки.

Борис. Опять привезли это дурацкое пиво! *(Встает и подходит к мужчинам.)* А ну, марш отсюда! Живо!

Ч Н З. Позвольте, это почему?

Борис *(не обращая внимания на ЧНЗ)*. Я же сказал, живо!

Берет стакан с водкой и выплескивает содержимое в кадку с фикусом. Один из мужчин угрожающе поднимается со стула, но другой встает между ними: «Пошли, Ваня, пошли!» Мужчины уходят.

Ч Н З. Гражданин начальник!

Борис *(не слушая ЧНЗ и садясь)*. Распустились. Я позвоню вам, хорошо?

Тоня. Но... Я уезжаю сейчас. В командировку...

Борис. А когда вернетесь?

Тоня. Наверное, в среду. Или в четверг.

ЧНЗ. Девушка! Коньяк три звездочки есть?

Буфетчица. Коньяк только по два восемьдесят сто грамм.

ЧНЗ. Две бутылки!

Буфетчица. Открыть?

ЧНЗ. Тысяча извинений! И три фужера, пожалуйста.

Борис. Я позвоню вам в четверг в шестнадцать. Желаю удачной поездки.

Борис быстро уходит, Тоня задумчиво промокает губы салфеткой. ЧНЗ подходит к радиоле и ставит пластинку, в чайной звучит вальс «Осенние сны».

ЧНЗ. Мадмуазель? Айн момэнт! *(Идет с двумя фужерами коньяка к Тоне.)* Позвольте выпить за вас. За вас, мадмуазель! И за вашего славного рыцаря!

Тоня. Что? Что вы делаете? Ну зачем же вы так?

ЧНЗ. Пардон! Простите, как так?

Тоня. Извините. Мне надо идти. *(Уходит.)*

ЧНЗ. Ауфвидерзейн!

Буфетчица. Гражданин, мы закрываем на обед.

Занавес отделяет ЧНЗ от сцены.

ЧНЗ. Да? Обед. Вы можете менять свои декорации сколько угодно. От этого ничего не изменится. Но позвольте... Позвольте рассказать вам... Случай из моего безвозвратного лучезарного детства. Вы мне верите? О, у меня тоже было когда-то детство. Только меня не любила бабушка. Да, бабушка по отцу! Она утверждала, что у меня есть еще один отец. Синьоры, она меня терпеть не могла! А может, и впрямь я вовсе не ее внук? Так, синьоры, едем дальше. С чего все началось? Выслушайте меня! Так. О чем я говорил? Значит, меня не любила бабушка! Да, она меня не любила. Ну и что? Знаете, ну просто не переваривала! *(Фыркает от смеха.)* Не перебивайте меня! Да-да, я понимаю... Мне надо ухо-

дить. Сматываться... Вы тоже так считаете? А у девушки неплохой бюст. Она едет в колхоз? О! Так.

Кто-то тянет его за занавес.

Иду, иду... Но вы когда-нибудь пожалеете... Тыща извинений!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Декорация первой сцены. Вечер. Бабушка Секлетинья сидит на завалинке, рядом Тоня. В поле гудит комбайн. Где-то за сценой возится и орет ребятня.

Тоня (*записывая*). Ах, бабушка, как интересно!

Секлетинья. Ну так я тебе еще напою, хоть с три короба.

Тоня. Спой, спой, пожалуйста.

Секлетинья (*поет*).

Шелковая ниточка к стенке льнет,
Иван Олександрушку к сердцу жмет, к сердцу жмет.
Ах, душа-жена, Олександрушка,
Принеси ты мне сына как я у тебя, как я у тебя.
Принеси еще дочку как ты у меня, как ты у меня.
Мы выучим сына-то грамоте,
А дочку-то выучим в пяльцы шить, в пяльцы шить.

Пойдем-ко в избу-то, ты ведь с дороги. Наверно, голоднехонька. Я самовар поставлю.

Тоня. Самовар? Замечательно!

Обе уходят. За сценой слышатся голоса ребятишек: «Ты чего при чужих дразнишься?» — «Я не дразнюсь. У меня само выскочило». — «Выскочило! Я вот как дам тебе, еще не то выскочит». — «Вали!» — «И вальну!» — «А вот вальни!» — «А вот и вальну!» — «Ты так, да? Ты так, да?» Ребята дерутся. Пухов, проезжающий на велосипеде, останавливается.

Пухов. Это еще что за сталинградская битва? А ну, прекратить! Сейчас обоих в вытрезвитель отправлю. А ну,

кто первый начал? Так. Сейчас запишем. *(Достает блокнот.)* Где у нас карандаш?

Голоса за сценой: «Мы больше не будем».

Хорошо, на первый раз поверим. *(Убирает блокнот.)* Родителям пока не скажу. Все ясно?

Пухов уезжает. Появляется Костя. В руках у него кулек с конфетами, в кармане бутылка.

Костя. Витьк? Держи! *(Бросает конфеты ребятам за сцену.)* Раздели с Толькой. Толька, отец пришел? Как придет, скажи, чтоб зашел. Сразу чтобы! Пока премия теплая.

Костя уходит в дом. Возвращается с работы мать Тольки Татьяна.

Татьяна. Толька! Это ты где эдак? Носит тебя! На черемуху-то. И ягод нету, одне зеленцы. А ну, марш домой! Дьяволенок.

Иван Степанович *(из окна)*. Чего опять?

Татьяна. Отец, ты погляди! Ты погляди-ко, что он наделал с глазом-то!

Иван Степанович. Ладно, до свадьбы заживет.

Иван Степанович уходит. Из своего дома появляется Настя, она, как всегда, спешит на ферму.

Татьяна. Бесы дак бесы и есть. Ты погляди, Настасья, чего с глазо́м-то!

Настя. Всю руку распазгали у парня. Ты, Татьяна, надери уши своему прохвосту, чтобы не шпанил!

Татьяна. Это ты укороти своего! У нас в роду сроду шпаны не было!

Настя. Я вот ему покажу, выблядку, я вот ему задам!

Татьяна. Это у меня-то выблядок? Это ты чего говоришь-то, лешева дура?

Настя. Я на вас найду слой! Вся рука в синяках и шея ободрана! Сотоны!

Татьяна. Неси лéшой! Неси лéшой от дому-то! Грязной подол, шоптаница!

Настя. Воровка! Воровка поганая! Ишь, харю-то выставила.

Татьяна. Петёвка! Молоко водой разводила!

Настя. Это когда я молоко разводила?

Иван Степанович *(из окна)*. Ну, хватит вам! Хуже маленьких. *(Захлопывает окно.)*

Настя. Это когда я молоко разводила?

Татьяна. Неси лéшой! Отходи от крыльца!

Захлопывает ворота. Появляется пьяный Костя.

Настя. Сидишь? Налил в глаза-то, сидишь? *(Плачет.)* А у парня вон руку вывихнули! Как чугунок рука-то...

Костя. А ну, хватит! Кто вывихнул?

Настя. Ты у их спроси, кто! *(С плачем уходит на ферму.)* Сотоны!

Костя *(стучится в ворота)*. Отопри, Иван Степанович. Чуешь? Поговорим.

Иван Степанович *(из сеней)*. Уйди, Костя! Уйди подобру! Выпил, дак и иди.

Костя. Да непьяный я. Не отопрешь, что ли?

Иван Степанович. Иди проспись!

Костя. Отопри, говорю! *(Стучит что есть силы.)*

Иван Степанович. Ты што, понимаешь, ломишься? Ты што, такая мать, тревожишь в ночное время? Иди, пока хуже не было!

Костя. Не отопрешь, да?

Хватает с порога колун и бьет по воротам. Отлетает какая-то доска, ворота распахиваются. Костя бросает колун в сторону и хочет войти в сени, но Иван Степанович выталкивает его, тут же с криком выскакивает Татьяна.

Костя (*вставая*). Ну, ладно, Степанович, ладно... (*Махнув рукой, уходит.*) Теперь как ты ко мне, так и я к тебе...

Иван Степанович (*в бешенстве*). Зови свидетелей! Мать-перемать! По указу его! Надо выучить! Беги за Пуховым! Мать его в драбадана! Вот дадут суток пять, будет у меня знать! Зови Пухова!

Появляется Тоня.

Тоня. Что? Что случилось?

Иван Степанович. Я ему покажу, как ворота ломать!

Тоня. Кто сломал ворота? Зачем?

Появляется запыхавшаяся Татьяна, за ней Пухов.

Татьяна. Вот! Вот, Павлович, гляди, что сделали!

Пухов (*осматривая ворота*). Иван Степанович, починить, да и дело с концом. Чем это он?

Иван Степанович. Колуном.

Татьяна. Не прощу! Починить! Пиши бумагу, чтобы выучить! Вот! Вот, девушка, вот!

Пухов. Не стоит протоколировать-то... А, Иван Степанович?

Татьяна. Это как не стоит? Это как так не стоит, он вон мужика чуть не убил! Топором ворота выломал! Он и меня чуть не убил, он...

Тоня (*Пухову*). Я не понимаю вас.

Пухов. А вы из какой организации?

Тоня. Это не имеет значения.

Пухов. Прошу отойти!

Тоня. Это же... Это же просто безобразие!

Пухов. Отойдите. Из какой вы организации-то?

Тоня. Вы не имеете права!

Пухов (*отодвигая Тоню*). Отойдите.

Тоня. Почему вы толкаетесь? Ну, хорошо. Вот мой документ.

Пухов (*читая*). Так. Редакция районной газеты...

Татьяна. Не простим!

Тоня. Немедленно оформите протокол! Мы поговорим с вами завтра. (*Уходит, возмущенная до предела.*)

Татьяна. Вот! Вот и свидетели есть!

Пухов. Ты бы думала головой-то! Не простим, не простим. Иван Степанович?

Иван Степанович. Пиши! Пусть посидит суток пять. Надо поучить дурака.

Пухов (*раскрывая планшетку*). Так. Свидетели?

Татьяна. Вон девушка. Секлетинью возьми, она тоже все видела.

Пухов. Секлетинья глухая. Она не слышала. Глядите, мне-то что.

Татьяна уходит с криком.

Иван Степанович. Может, это... И правда не стоит? Дело суседское.

Пухов. Вот и я про то! Нашли время суды разводить. (*Рвет протокол.*) Он чего, спит?

Иван Степанович. Спит.

Татьяна (*из окна*). Не простим! Это как так? Он, сотона, с топором налетел, он...

Иван Степанович (*Татьяне*). Ладно, ложись да и спи! (*Пухову.*) У тебя рубанок-то... Еще весной вроде бы уносил.

Пухов. У меня. Куда он девается? А ты его пошли за рубанком-то. Изломал ворота, пусть сам и делает.

Иван Степанович. Премию, вишь, обмыл.

Расходятся.

Ночь исчезает. Утро. Костя, тряся головой, выходит на крыльцо, умывается.

Костя. Иван Степанович?

Иван Степанович (*открывая окно*). Болит голова-то?

Костя. Ты это самое... Извини за вчерашнее-то.

Иван Степанович. Ладно. Давай заходи, у меня самовар горячий.

Костя. Дома?

Иван Степанович. Ушла к вороху.

Костя. Моя тоже ушла.

Иван Степанович. Бабы, оне и есть бабы. Шесть раз разругаются, семь помирятся.

Костя. Вот беда! Надо было вместе. Бутылку-то...

Иван Степанович. Да я тоже... Было дело. Мутит в голове-то?

Костя. Как чугунок.

Иван Степанович. Ну, так ты иди, я чаю свежего заварю.

Костя идет в дом к Ивану Степановичу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Контора колхоза.

Тоня. Вы понимаете, я просто удивилась...

Звонит телефон.

Председатель. Алёу! Слушаю. Одну минуту, вызывает райком. Да, да? Здравствуйте, Алексей Семеныч! Как живем? Да так, ничего. Барахтаемся. Убрано сорок процентов. Нет, двухсменка только на трех комбайнах. Нет, на всех не организовать, не хватит специалистов. Что? Прирост? Думаю, за пятидневку процентов двадцать дадим. Ясно, Алексей Семеныч! Не подведем. (*Кладет трубку.*) Так. Ну и что дальше?

Тоня. Хулиган, конечно, ушел. А ваш участковый не желает ничего замечать и ведет себя как опричник...

П р е д с е д а т е л ь. Пухов?

Т о н я. Вот именно, Пухов. И вообще я бы хотела поговорить с этим Пуховым.

П р е д с е д а т е л ь *(берет трубку, набирает номер)*. Алёу, квартира? Да, да. Павлович? Привет. Ты бы зашел на пару слов. Нет, сейчас сразу же. *(Кладет трубку.)* Клуб, конечно, у нас не ахти, тут вы правы. В клуб надо хорошего организатора, энтузиаста. А где его взять? Чтобы и спеть, и сплясать, и вечер организовать. Вон мы девушку выучили, свою вроде бы. Культпросветучилище кончила. А пять месяцев поработала и — фюить! Уехала.

Т о н я. Она была обязана работать. Хотя бы два года. Почему отпустили?

П р е д с е д а т е л ь. Почему отпустил... Вот вы, замуж тоже, наверное, собираетесь? А вас возьмут да и не отпустят! Замуж-то... Как вы будете реагировать? И потом, насильно держать, тоже толку не много.

Т о н я. Вы говорите, кино, телевизоры. Газеты и журналы в каждой семье. А все равно пьют. И сквернословят. Как вы думаете, почему?

П р е д с е д а т е л ь *(раздражаясь)*. Не знаю почему. Вот вы и разберитесь, почему?

Т о н я. А вы, сами? Ведь надо же что-то делать! А если вы сами... Ну, опять же хотя бы тот участковый. Его вызывают на место преступления, а он сам как этот... Унтер Пришибеев, как...

Входит П у х о в.

П у х о в. Здравствуйте.

П р е д с е д а т е л ь. Здравствуй. Что у вас там ночью произошло?

П у х о в. Ничего особенного. Смагин с Соколовым пошумели немного. Меньше надо премий давать.

П р е д с е д а т е л ь. Ну, это наше дело, насчет премий. Вот девушка хочет поговорить с тобой.

Пухов. С девушкой это... с девушкой приятно поговорить.

Тоня. Я не понимаю, товарищ Пухов... Вы ведь участковый?

Председатель уходит.

Пухов. Участковый.

Тоня. Вы составляли протокол на этого хулигана?

Пухов. Ничего я не составлял!

Тоня. Но вы же при мне, на моих глазах...

Пухов. Ну, составлял...

Тоня. И тут же порвали этот протокол?

Пухов. Порвал.

Тоня. А наутро? Видели вы этого хулигана?

Пухов *(взрываясь)*. Вы хоть и из типографии, так? Вот и занимайтесь своим делом! А в мои дела не вмешивайтесь.

Тоня. Это как так, ваши дела? Это почему не занимайтесь? Нет, это просто интересно...

Пухов. Ничего интересного. Вы переночевали — да и уехали. А мне с ними жить.

Тоня. Ах, вот оно что! Вы хулиганов боитесь, вы покрываете их. Вы еще и трус, оказывается!

Пухов *(встает)*. Никого я не боюсь. Ясно?

Входит председатель. Пухов хлопает дверью. Тоня быстро что-то записывает.

Тоня. Какой самодур... Боже мой, какой самодур! Нет, вы слышали?

Председатель. Слышал, конечно. Не знаю, как насчет самодурства, а трусом-то вы его зря. Под Курском в танке горел.

Тоня. Но разве старые заслуги дают право... разве сейчас... *(она не находит слов от возмущения)* разве сейчас...

Председатель. Сейчас бухгалтер поедет в банк.

Если хотите, пожалуйста. А то завтра вам придется пешком до автобуса.

Тоня. Ничего, я умею ходить пешком! *(Многозначительно смотрит на председателя.)* До свидания.

Председатель. Всего хорошего.

Крякает и ерошит волосы. Берет телефон и выходит на край сцены.

Занавес.

Председатель. Алёу! Четвертая? Алёу! Позови бригадира. Ну, как там у вас? Так. Смагин жнет? А зерносушилка работает? Так. Ясно. Передай Смагину, моя личная просьба, чтобы работал весь световой день. Ничего, выдюжит! Парень здоровый. После уборки хоть месяц отгулу, а сейчас пусть жмет. На все педали. Ночью с фарами пробовал? Вот молодец мужик! Что? Говоришь, сын помогает? Ну, и лучше не надо. Пока! Да-да, на днях заеду.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Поле и лес. Сарай с сеном. Невдалеке проходит автомобильный тракт. К сараю, с блаженным видом, подходит ЧНЗ. Напевает:

...что твой любимый
Лежит в сырой земелюшке
И не вернется уже назад.
И ты стоять будешь у фото милого,
Платком батистовым слезу утрешь.
Не плачь, не плачь, хорошая, любимая,
Ты друга жизни еще найдешь.

ЧНЗ. Тэк-с. Вот здесь можно и кимарнуть!

Бормочет что-то себе под нос, разувается, но слышен треск мотоцикла.

Дьявольщина!

Прячется за кусты. Подъезжает на мотоцикле Борис. Тоня с корзиной грибов вылезает из люльки.

Тоня. Ни разу не видела столько грибов! Ужас сколько! Боря, а что, каждый год так много?

Борис. Не знаю. Никогда не интересовался грибами. Это ты меня на них спровоцировала. *(Целует ее.)* Впервые в жизни...

Тоня. А какой вид! Ты посмотри, а? Я думала раньше, что Север — это одни болота.

Борис. Да-да... Едем?

Тоня. Это та самая дорога? По которой я в колхоз ездила. Здесь и автобусы ходят.

Борис. Хочешь на автобусе?

Тоня. Нет. Хочу с тобой. Но куда ты торопишься? Давай разожжем костер.

Борис. Знаешь, много работы.

Тоня. А где ты работаешь? Не хочешь сказать...

Борис. Нет, почему же.

Тоня. Все ясно, нельзя разглашать производственных тайн.

Борис. Да нет. Никаких особых тайн. Кстати, я читал твой фельетон.

Тоня. Да? Ну и как?

Борис. Великолепно! Но ты не указала место действия. Фамилия участкового тоже зашифрована.

Тоня. А зачем ее указывать? Это же тип, обобщение.

Борис. Ничего себе критика! Ругаем неизвестно кого. Он что, в самом деле такой, этот участковый?

Тоня. Пухов? Конечно.

Борис. Пухов... Живет в Семенковском сельсовете.

Тоня. Да. Откуда ты его знаешь?

Борис. Не так уж много надо фантазии, чтобы догадаться. Едем?

Тоня. Боря... А у меня практика заканчивается.

Осталось несколько дней... Ты будешь мне писать?

Он вновь обнимает ее.

Представляешь, как это здорово?

Борис. Что?

Тоня. Я столько узнала интересных людей, столько объездила. Завтра снова еду в колхоз.

Борис. Опять к Пухову?

Тоня. Нет. Но откуда ты знаешь Пухова? Представляешь, звонит Пухов в редакцию. Говорит: на Смагина заведено уголовное дело. Я говорю: не может быть, Смагина должны привлечь по декабрьскому указу. Он говорит, нет, оформляют по уголовной статье. Кто оформляет? В районе. Я бегу к редактору. Редактор звонит к следователю. И что ты думаешь, этот дубина, этот формалист...

Борис. Кто дубина? Следователь или редактор?

Тоня. Конечно, следователь! Даже ничего слушать не хочет, будем судить, и все. Ты представляешь?

Борис. Представляю.

Тоня. Тогда я побежала к следователю сама.

Борис. И что дальше?

Тоня. Его не оказалось на месте. Ужас какой-то! Наверное, сидит такой в кресле и ничего не видит дальше своего носа. Формалист, буквоед несчастный. Кстати, ты не знаком с этим типом?

Борис. Знаком. С этим типом.

Тоня. Как его фамилия? Может, вы и друзья?

Борис. Самые близкие.

Тоня. Ах, вот как! Передай ему, что я напишу о нем в «Комсомолку».

Борис. Это совсем не требуется. Передавать.

Тоня. Почему?

Борис. Потому что это я и есть.

Тоня. Как? *(Ошарашенно смотрит на него.)* Значит... Значит, это ты завел дело на комбайнера?

Борис. Значит, я.

Тоня. И ты... ты считаешь, что Смагина надо судить?

Борис. Садись. Едем.

Тоня. Я.. я не хочу...

Идет в кусты. ЧНЗ отскакивает в глубину сцены.

Борис. Тоня!

Ждет некоторое время, затем резко запускает мотор и уезжает. Тоня садится на порог сарая. ЧНЗ возвращается на прежнее место за кустами. Он недоволен. Слышен шум автобуса. Тоня, забыв про корзину с грибами, уходит к шоссе.

ЧНЗ (*выходя из укрытия*). Тэк-с, наконец-то. Выдра! (*Напевает, разувается.*)

Идут на север сроќа агромныи,
Куда ни глянешь, везде указ,
Взгляни, взгляни в глаза мои суровыи,
Взгляни, быть может, в паследний раз.

Автобус глохнет, слышны голоса пассажиров: «Станция Березай, кому надо вылезай», «Приехали», «Сломалось, что ли, чего?», «Карбюратор, собака!», «А кто со мной пешком? Тут рядом», «Пошли, а то всю ночь просидишь зря».

ЧНЗ. О, черт! (*Хватает обувь и вновь прячется в кусты.*)

В глубине сцены появляются шофер автобуса, Костя Смагин и Иван Степанович.

Костя. Так чего, поедем сегодня или нет?

Шофер. Болтик-то...

Костя. Чего болтик?

Шофер. Да отвинтился.

Костя. Этот?

Шофер. Да нет, не этот.

Костя. Как же не этот, ежели...

Ш о ф е р. Ну!

К о с т я. Чего «ну»?

Ш о ф е р. Ну я и говорю, что этот. Это и дурак знает, что этот.

К о с т я. Да ведь вон он! Который отвинтился-то! А этот завинчен.

Ш о ф е р. Ничего не завинчен.

К о с т я. Тьфу!

Ш о ф е р. У меня и ключа нету такого. Придется идти в деревню.

К о с т я. Головы у тебя нет! Рыжики чьи-то...

Шофер уходит.

Иван Степанович, пешком, что ли, пойдем?

И в а н С т е п а н о в и ч. Ежели нешибко. Давай покурим сперва. Вишь, нога-то.

К о с т я. Ты смотри! Сеновал с сеном. И рыжики все ядреные.

Автобус заводится, слышен сигнал.

И в а н С т е п а н о в и ч. А чего нам торопиться? Ночуем. Утром потихоньку пойдем.

К о с т я. Точно. Нам к десяти завтра?

И в а н С т е п а н о в и ч *(хмуро)*. К десяти...

К о с т я. Ну и ночуем вон в сеновале.

ЧНЗ недовольно крякает и выходит из-за куста.

Что, дяденька, много рыжиков?

ЧНЗ не отвечает, уходит.

Корзину-то забыл!

Ч Н З *(возвращаясь и сердито хватая корзину)*. Спокойной ночи!

Показывает язык, исчезает. Слышно, как автобус отходит.

К о с т я. Пьяный, что ли? *(Ложится на сено.)* Эх, хорошо! И комаров нет.

Иван Степанович. Хорошо-то хорошо. А вот завтре-то...

Костя. Ерунда! Допросы снимут, отпустят. Ну, меня оштрафуют, я уж знаю. Ты Пухова-то не видел?

Иван Степанович. Уехал еще вчера.

Оба достают из сеток по бутылке молока.

Костя. Эх, здорово! Вот живешь-живешь, а вокруг себя оглянуться некогда. Воздухом подышать. Ты погляди, Иван Степанович, месяц-то! А? Я и не знал, что он такой белый бывает.

Иван Степанович. Уж и не верится что-то.

Костя. Чего?

Иван Степанович. Да что по нему люди-то ходят.

Костя. Пошлют, так пойдешь. А я не помню, когда последний раз в лесу ночевал.

Иван Степанович. Да... Бывало под Волховом. Тоже такое время. Наступали как раз, не спали много суток подряд. Идем, трое нас. Ротный на связь послал, с левым флангом. Обратно пошли, с направленья сбились. Ночь. Не можем больше идти, хоть ты лопни. Дошли, помню, вот до такого же сеновальчика, ладно, говорю, ребята, все. Устроим привал. А сеновал занят, слышу храпят. И часового не выставили, спят вповалку. Спрашиваю, какая рота? Один кто-то пошевелился — и шабаш. Храпят. Ладно, в тесноте не в обиде. Ну, говорю, мы тоже не рыжие. Сунулись кой-как, уснули как убитые... А месяц-то вышел, прямо мне в лоб светит через ворота, я и пробудился. Вишь, неловко бывает, когда месяц-то прямо на тебя уставился. Обнюхался, что за оказия? На плече у кого-то лежу, головой-то. А от того одеколоном так и несет. Как в парикмахерской. Что, думаю, что за модник такой, интеллигенция? Я этим одеколоном и до войны только два раза

мазался и то у девок. Как глаза-то скосил, гляжу: пилотка-то с птицей!

Костя. Немец?

Иван Степанович. Фриц чистокровный. Спит хоть бы что, а меня так пот и прошиб. Луна, месяц-то вот светит, а я боюсь шевельнуться. Лежу, духи дорогие нюхаю.

Костя. Ну и что дальше?

Иван Степанович. Потихоньку облокотился да сел на задницу.

Костя. На чью?

Иван Степанович. На свою, знамо... Сел и не знаю, которые свои-то двое. Еле определил. Будить их начал, а самого трясет как в лихорадке. Не встают. Бубнят чего-то во снах, ругаются. Еле-еле я их растряс. И мешки оставили, из сеновала-то торчком да на карачках выползли. Ладно, давай-ко спать.

Костя. Так и уползли?

Иван Степанович. Так и уползли. Немцам, правда, подъем гранатой сыграли, разворотило в куски весь сеновал. Во сне смерть легкая.

Костя. Зря. Пусть бы спали.

Иван Степанович. Был бы я один — может, и так ушел бы, не стал будить. А тут, что ты! Прямиком в штрафной батальон.

Костя. Нда-а...

Иван Степанович. А может, и один бы был, так не ушел. Не жаль мне их было, не мы первые начинали-то. Тут уж либо оне нас, либо мы их.

Костя. Ух ты! Как ясно горит, а? Месяц-то. А, Иван Степанович? Спит.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Кабинет следователя. Борис сидит за обшарпанным канцелярским столом, напротив — Пухов. Борис разговаривает по телефону.

Борис. Ало? Мне Андреевскую. Антонину. Нет. А когда она будет? Передайте, пожалуйста, что она должна зайти в милицию. Вернее, в прокуратуру. Да, к старшему следователю. Нет, именно сегодня. *(Кладет трубку.)* Значит, вы защищаете Смагина?

Пухов. Никого я не защищаю. Товарищ старший следователь, ты... вы поймите! Ничего особенного не было.

Борис. Ничего особенного?

Пухов. Конешно, было немного.

Борис. Так было или не было?

Пухов. А все эта пигалица из типографии! Товарищ старший следователь, неправильная эта статья! Я вот опроверженье написал, пойду к редактору.

Борис. Что вы там написали?

Пухов. Вот. Опроверженье.

Борис. Так. *(Читает.)* «От участкового Пухова. Настоящим прошу напечатать мое опровержение, так как факты статьи не совпадают и порочат меня по службе и в быту. Имею пять благодарностей и также именные часы УВД. А также много других поощрений, а в статье меня назвали самодуром и обвиняют в культе. Поэтому прошу напечатать опровержение, к сему Пухов». *(Возвращает опровержение)*. Выбросьте эту филькину грамоту!

Пухов. Это... как?

Стук в дверь.

Борис. Да-да.

Входит ЧНЗ в сопровождении милиционера.

Милиционер. Товарищ старший следователь, вот, вызывали.

Борис (*ЧНЗ*). Мы вынуждены вас задержать.
ЧНЗ. Я уже понял, начальник. По какой статье?
Борис. Вы обвиняетесь в бродяжничестве, уклонении от трудовой деятельности и злостной неуплате алиментов.
ЧНЗ. Только и всего? Хе-хе-хе... Эх, гражданин начальник, и охота вам терять свое драгоценное время! На такие-то мелочи.
Борис. Распишитесь. Вот здесь.
ЧНЗ. Я неграмотный.
Борис. Не валяйте дурака! Прочтите опись личных вещей и распишитесь.
ЧНЗ (*читает опись*). Тэк-с. Деньги шесть рэ сорок одна коп., паспорт, трудовая книжка, нож складной, часы «Луч», корзина грибов... пардон, грибы не мои!
Борис. Чья корзина?
ЧНЗ. Как вам сказать... Похищена при интимных обстоятельствах. Грибы принадлежат вам, начальник! (*Расписывается.*) Куда прикажете деть ваши грибы? Они могут испортиться.
Борис. Какие еще грибы?
ЧНЗ. В описи записана корзина грибов. Но это ваша недвижимость, гражданин следователь! Вычеркните ее, мне не нужны чужие вещи. Тем более продукты.
Борис. Уведите его.

Милиционер и ЧНЗ уходят.

Рассказывайте. Все, как на духу. Факт хулиганства был?
Пухов (*вздыхая*). Ну, был.
Борис. Протокол был составлен?
Пухов. Нет. То есть... был составлен.
Борис. Где протокол?
Пухов. Да разорвал я его! Ну, помирились они, я и разорвал.
Борис. Значит, в фельетоне написана правда?
Пухов (*вновь вздыхая*). Правда.

Борис. Вы знаете, что за это бывает?

Пухов (*вскакивая*). Товарищ старший следователь!

Борис. Садитесь! Садитесь и пишите протокол заново. В шестнадцать ноль-ноль чтобы протокол был здесь! И с подписями свидетелей.

Пухов. Не успеть в шестнадцать. Надо ехать в колхоз.

Борис. Хорошо, представите завтра. Все. Можете идти.

Пухов какое-то время стоит на месте, затем, махнув рукой, уходит. Борис нажимает кнопку звонка. Входит дежурный милиционер.

Соколов, Смагин, оба здесь?

Милиционер. Так точно. Ждут.

Борис. Смагина задержать. Соколова пригласите ко мне.

Милиционер уходит, появляется Иван Степанович.

Садитесь. Соколов? Иван Степанович?

Иван Степанович. Да.

Борис. Сидите, сидите. Год рождения?

Иван Степанович. Тыща девятьсот двадцать второй.

Борис. Место рождения Семенковский сельсовет?

Иван Степанович. Да.

Борис. Работаете кладовщиком-учетчиком?

Иван Степанович. Кладовщиком.

Борис. Вы вызваны в качестве свидетеля по уголовному делу Смагина. Предупреждаю об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Расскажите, как все произошло.

Иван Степанович. Да ведь, товарищ следователь! Я, значит, это... Вроде бы ничего и не было. Я, значит, говорил Пухову, так и так, дело суседское.

Борис. То есть как это, ничего не было? (*Читает.*) «Будучи в пьяном виде, Смагин выломал ворота. Угро-

жал топором с целью нападения, ударил кулаком Соколова, затем его жену». Все правильно?

Иван Степанович. Вроде бы так. Только, товарищ следователь! Я, значит, это... Мы ведь помирились. Я и Пухову сразу сказал...

Борис. Отвечайте, пожалуйста, на вопросы. Кому принадлежал топор?

Иван Степанович. Да не ударял он! Толкнул малость...

Борис. Повторяю. Кому принадлежал топор?

Иван Степанович. Мой. Наш то есть. Не топор, а колун.

Борис *(записывая)*. Так. Вы легли спать. Сколько было времени, помните?

Иван Степанович. Сколько... Часов одиннадцать было.

Борис. Ясно. В каких отношениях находитесь со Смагиным? Были у вас конфликты, ссоры?

Иван Степанович. Да ведь... Какие особо конфликты? Ну, бывает, бабы поругаются промеж собой.

Борис. Где вы находились в тот момент, когда Смагин начал взламывать дверь?

Иван Степанович. В избе. Оба с женой спать легли. Да ведь...

Борис. Прочтите и подпишите. Здесь.

Иван Степанович. Товарищ следователь! *(Подписывает не читая.)* Вроде нехорошо выходит. Нет у меня к Смагину никаких претензий.

Борис. Зато у нас к нему есть. Претензии.

Иван Степанович. Не то чего-то выходит.

Борис. Вы что, отказываетесь от показаний? Учтите, Соколов, отказ от собственных показаний квалифицируется соответствующей статьей кодекса.

Входит Тоня.

Тоня. Здравствуйте.

Б о р и с. Здравствуйте, одну минуту!

Звонит телефон.

Да, слушаю. *(Ивану Степановичу.)* Вы можете идти. Понадобится — вызовем. Хорошо, сейчас зайду. Одну минуту! Я же сказал, вы можете идти!

Иван Степанович перетаптывается на одном месте. Борис, раздраженный, быстро уходит.

Т о н я. Ой, я вас так ищу, так ищу. Ко мне сейчас заходил Пухов... Вы здесь вместе со Смагиным? Он мне так нужен, так нужен, где он?

И в а н С т е п а н о в и ч. В тюрьме.

Т о н я. Я серьезно же с вами.

И в а н С т е п а н о в и ч. И, милая! Ты-то сурьезно со мной, вижу. Да я-то с тобой не всурьез. Упекли мы с тобой... Костю-то...

Т о н я. Но это... это просто недоразумение! Все выяснится...

Входит Б о р и с.

Б о р и с. Вы все еще здесь? Я же сказал, вы свободны. *(Тоне.)* Извините...

Т о н я. Но это же...

Иван Степанович направляется к двери.

Подождите! Ради бога... Извините, Борис?

Б о р и с. Матвеевич. *(Ивану Степановичу.)* Если потребуется — вызовем.

Иван Степанович, махнув рукой, уходит. Тоня садится, пристально смотрит на Бориса.

Т о н я. Так вот где ты командуешь.

Б о р и с. Это что, дурно выглядит?

Т о н я. Что?

Б о р и с. То, что я... здесь командую.

Тоня. Нет, почему же? Я этого не сказала. Но это подло, Боря... Понимаешь, подло!

Борис. Что подло?

Тоня. Ты воспользовался моим фельетоном и арестовал Смагина. За что?

Борис. Он привлекается по двести шестой статье, часть второя. Мера же пресечения...

Тоня *(перебивая)*. Что значит двести шестая часть вторая?

Борис. Хулиганство.

Тоня. И что ему грозит?

Борис. До трех лет.

Тоня. Боже мой... Могу я его видеть?

Борис. Нет.

Тоня. Почему?

Борис. Я не обязан этого объяснять.

Тоня. Но, Боря... Боря, это же так подло, так ужасно. *(Вытирает глаза.)* Неужели ты не понимаешь?

Борис. Подло... Я только и слышу от тебя: подло, подло... Ты напрасно так бросаешься этим словом! Скажи на милость! Ты хочешь написать обо мне статью в «Комсомолку». Что ж, пиши и статью. Но ты не права, понимаешь? Таких Смагиных надо убирать! И подальше, чтоб не мешали. Мы и так с ними либеральничаем. Слишком! Понимаешь? Берем на поруки, воспитываем! Они же только посмеиваются и опять за свое.

Тоня. Ты использовал мой фельетон. Но это мерзко, неужели ты этого не чувствуешь? Мерзко и подло. А потом судить за поломанные ворота...

Борис. Во-первых, это не мелочь и дело не в воротах. Во-вторых, органы имеют право использовать материалы печати. Даже обязаны это делать.

Тоня. Ах, вот как!

Борис. Допустим! Допустим, что я сделал подлость... Но ведь тогда твой фельетон тоже подлость?

Тоня. Я не указывала фамилию! И... и там совсем не о том говорится.

Борис. Там говорится о драке? Что касается Пухова, он тоже будет наказан.

Она зажимает лицо руками.

Подло... Я всего лишь исполнил свой долг. Перед законом и обществом. Я соблюдаю закон. Почему же исполнять долг подло?

Тоня. Все равно, это ужасно...

Борис. У меня такая работа. Она не хуже, не лучше любой другой. Твоей, например. Ты воспитываешь хулиганов, я их наказываю. И я ничем от тебя не отличаюсь, кроме последовательности.

Тоня. Твоя последовательность... *(Решительно приводит себя в порядок.)* Могу я видеть начальника милиции?

Борис. Нет. Если хочешь на меня жаловаться, то я не подчиняюсь начальнику милиции.

Тоня. Кому же вы, Борис Матвеевич, подчиняетесь?

Борис. Борис Матвеевич подчиняется прокурору.

Тоня. А прокурора могу я видеть?

Борис. Нет. Сейчас перерыв.

Занавес.

Тоня. Перерыв... Перерыв...

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

У следователя. Борис сидит, сосредоточенно листая бумаги. Входит начальник милиции. Здороваются за руку.

Начальник. Осень вроде, а жара черт-те какая. Ты, Борис Матвеевич, на природу не ездишь?

Борис. Не любитель. Впрочем, недавно за грибами ездил.

Начальник. Один?

Борис. Хм.

Начальник. Вот женишься, обломаешься — и на природу потянет. *(Берет трубку.)* Так вот, Пухова я уволил. Алё? Виктор Владимирович? Добрый день, Ширяев беспокоит. Ну, как жизнь молодая? Да? Нет. Нет, дорогой, никак не могу. Нет, честно. А что, разве сельхозтехника не твоя епархия? Вот и разберись сам в своей епархии. Ну, а как рыбалка? Ездил в субботу? Давай примыкай, завтра едем. Нет, на моей машине. Ну, некогда. Тебе умереть некогда. Ну, как знаешь. Пока. *(Кладет трубку, встает.)* Слушай, Борис Матвеевич... Ты бы прекратил это дело со Смагиным, а? Из колхоза брякают то и дело, редактор звонил.

Борис. Почему-то у всех появилось дело до Смагина. Вот и вы тоже. Привыкли, черт возьми, замазывать!

Начальник. Ну, знаешь ли...

Борис. А что, не правда?.. Рапортуем... Процент преступности по району неуклонно снижается. А кто прекратил дело об изнасиловании?

Начальник. Вот что, Борис Матвеевич! Круто ты берешь, скажу я тебе.

Борис. Что круто?

Начальник. А то, что круто. Шею, гляди, не сломай. Словом, я тебе не указчик, ты подчиняешься прокуратуре. Только вот тебе мой совет: Смагина отпусти. Плевое дело, а он лучший комбайнер в районе.

Борис. Процент преступности сразу снизится. Все ясно.

Начальник. Что ты мне все суешь эти проценты?

Слышен стук в дверь.

Борис. Да, войдите.

Входит председатель.

Председатель. Добрый день.

Начальник. А, Сергей Александрович!

Председатель (*начальнику милиции*). У меня дело к вам. Можно сейчас зайти?

Начальник. Извини, дорогой, сейчас уезжаю. В другой раз. (*Уходит.*)

Борис. Слушаю вас.

Председатель. Тут Смагин под следствием. Комбайнер.

Борис. Да. А что вы хотите?

Председатель. Хочу, чтобы отпустили. Дело не стоит выеденного яйца.

Борис. Кто вы такой?

Председатель. Председатель колхоза.

Борис. Я не могу выполнить вашу просьбу.

Председатель. Почему?

Борис. Я не обязан вам объяснять. И не кричите. Вы не у себя дома.

Председатель. По-моему, кричите вы, а не я!

Борис нажимает кнопку, входит дежурный милиционер.

Хм... Ну, хорошо, возьмите хотя бы ходатайство насчет Смагина.

Борис. Я не могу приложить ваше ходатайство к делу.

Председатель. То есть как так? Дело еще у вас?

Борис. Дело еще у меня. Но следствие уже закончено. Все документы подшиты. Можете отдать ходатайство прямо в народный суд.

Председатель. Значит, подшиты. Все как в хорошей портновской.

Борис возмущенно встает.

Хорошо, извините. Это что, двести шестая?

Борис. Да, часть вторая.

Председатель. Что ему грозит?

Борис. До трех лет.

Председатель. Да вы что, с ума сошли?

Борис. Покажите товарищу, где у нас выход.

Милиционер берет председателя за локоть.

Председатель (*вырывая локоть*). Я председатель колхоза «Восход»! Член райкома партии.

Борис. Ну и что?

Председатель. То есть как это что?

Борис. Не шумите.

Председатель. Я требую ответить мне на вопрос!

Борис. А я вам говорю: не шумите.

Председатель. Что предусматривает часть первая двести шестой статьи? Не вторая, а первая? Скажите, принудработы первая часть предусматривает?

Борис. Здесь не юридическая консультация. Здесь следственный орган. Вам понятно?

Председатель. Почему вы не оформили дело по первой части?

Борис. Потому, что состав преступления подпадает под часть вторую. Даже третью.

Председатель. Нет! Не подпадает! Если б было отягчающее обстоятельство...

Борис. Прошу не мешать работать!

Председатель. Разрешите? (*Тянется к трубке.*)

Борис. Нет. Не разрешаю.

Председатель (*удивленно*). Почему?

Борис. Телефон не для общего пользования.

Председатель. Но я... я хочу позвонить в райком Алексею Семеновичу.

Борис. Автомат за углом направо. Можете звонить куда угодно и сколько угодно.

Председатель (*свертывает ходатайство*). Ясно. (*Подходит к двери, оглядывается.*) Ну и ну! Ну и ну...

Борис (*милиционеру*). Покажите товарищу, где находится телефон-автомат!

Занавес отделяет председателя от сцены. Председатель вытирает вспотевший лоб: «Ну и ну...»

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Секретарь РК. Итак, вы называете мой способ мышления отсталым и устаревшим. Что же, по-вашему, больше всего характерно для моего устарелого способа?

Корреспондент. Что... Ну, я бы сказал так: постоянство. Завидное постоянство.

Секретарь РК. По-вашему, это дурная черта?

Корреспондент. Безусловно!

Секретарь РК. А я-то, грешник, считаю, что постоянство — это один из признаков духовного здоровья личности. Постоянство в привычках, в привязанностях. В быту. Наконец, в любви, дружбе...

Корреспондент. Во взглядах, в мыслях... Это застой! Застой и рутина.

Секретарь РК. Почему же? По моему непросвещенному мнению, постоянство в быту, в культуре не мешает развитию идей и взглядов.

Корреспондент. Неправда. Мешает.

Секретарь РК. Хм... Это для меня нечто новое.

Корреспондент. Новое, Алексей Семенович, дается с трудом.

Секретарь РК. Так-то оно так, дорогой. Но вы, как мне кажется, объединили в одно два понятия: передовое и новое. Ведь передовое не обязательно должно быть новым, а новое отнюдь не всегда является передовым. Не так ли?

Корреспондент. Мы говорили о рутине.

Секретарь РК. Вот именно. А не считаете ли вы, что все может быть и наоборот?

Корреспондент. Что, Алексей Семенович?

Секретарь РК. То, что результатом непостоянства натур, эдакой общественной лихорадки также может быть застой и рутина?

Корреспондент (*вспыхнув, встает*). Ну, нет! Это какая-то казуистика. Мы не понимаем друг друга.

Секретарь РК (*улыбаясь*). Отлично понимаем.

Корреспондент. Вы, по-видимому, убежденный сторонник...

Секретарь РК. Рутины и застоя?

Корреспондент. Скажем помягче: спокойной жизни.

Секретарь РК. А вы чего же хотите? Неспокойной? Чтобы все кипело и вздрагивало.

Корреспондент. Да! Вспомяните хотя бы Некрасова: «Иди и гибни безупречно, умрешь недаром, дело прочно, когда под ним струится кровь!»

Секретарь РК. Э, батенька, вы меня не сбивайте! Там речь шла о революционном перевороте. А теперь-то зачем обязательно гибнуть? Жить надо! И не всякое дело прочно от крови, это надо понять.

Стук в дверь.

Да-да.

Входит председатель.

Председатель. Разрешите?

Секретарь РК. А, Сергей Александрович! Входи, входи.

Здороваются.

Знакомься. Пресса. И причем областная.

Корреспондент. Мы уже знакомы.

Здороваются.

Председатель. У меня эта пресса... Вот тут сидит. *(Хлопает себя по затылку.)*

Секретарь РК. Что так? Вот товарищ говорит, что на днях будем читать статью. В областной газете.

Председатель. Какую еще статью?

Корреспондент. Не бойтесь, материал положительный. О Смагине, комбайнере.

Председатель. Я не боюсь.

Секретарь РК. Прогремит твой Смагин. *(Подмигивает.)* На всю область.

Председатель. Прогремит? Он уже прогремел! Арестован Смагин. Алексей Семенович, мне бы...

Корреспондент. То есть... как арестован?

Секретарь РК. Что произошло? Объясни.

Председатель. Да все ерунда! Изломал ворота по пьянке, а наша районная пресса... Наша газета напечатала фельетон об участковом.

Секретарь РК. Читал, читал. Значит, это Смагин ночью шумел?

Председатель. В том-то и дело! А этот законник, этот формалист даже не принял нашего ходатайства! Судить, и все! За рукав из милиции вывели...

Секретарь РК. Кто?

Председатель. Следователь. Алексей Семенович, я...

Секретарь РК. Хорошо, утрясем. Ну, а Смагин? Что он там натворил?

Председатель. Да ничего, Алексей Семенович. Ровным счетом! Ворота изломал у соседа. Ну, они тут же и помирились. А этот законник... он даже говорить не хочет.

Секретарь РК. Хорошо, я позвоню. Выпустят. Как у тебя дела с двухсменкой?

П р е д с е д а т е л ь. У меня, Алексей Семенович, выходит уже не двухсменка, а трехсменка.

С е к р е т а р ь Р К. А по молоку почему отстаешь? За пятидневку у тебя минус по сводке.

П р е д с е д а т е л ь. Наврано в сводке, у меня плюс. Ошибка какая-то.

С е к р е т а р ь Р К. Смотри.

П р е д с е д а т е л ь. Так я поеду, Алексей Семенович. Еще раз прошу...

С е к р е т а р ь Р К. Езжай туда и забирай, я позвоню немедля.

П р е д с е д а т е л ь. До свиданья.

С е к р е т а р ь Р К. Будь здоров, счастливо.

Председатель уходит.

К о р р е с п о н д е н т *(встревоженно)*. Алексей Семенович, я бы хотел... Понимаете? Материал уже отослан в набор.

С е к р е т а р ь Р К. Да-да... *(Звонит по телефону.)* Алло? Начальника милиции. Да. Что? Уехал в область? Когда он вернется? Ясно. *(Вновь набирает номер.)* Алло? Прокурора, пожалуйста. Секретарь райкома говорит. Что? В отпуске прокурор? Со вчерашнего дня. Кто его замещает? *(Записывает.)* Так. Замещает Борис Матвеевич, старший следователь. Он же занимается и следственными делами? Ясно. Вот его и пришлите. Нет, срочно, сейчас. До свиданья. *(Кладет трубку.)* Знают, когда отпуска брать. Зимой никого в отпуск не выживешь. На чем же мы с вами остановились?

К о р р е с п о н д е н т. По-моему, наш спор бесполезен, Алексей Семенович.

С е к р е т а р ь Р К. Вот видите... А я считаю, наоборот, очень полезен.

К о р р е с п о н д е н т. Вы можете мне заказать город?

Секретарь РК. Пожалуйста. *(Берет трубку.)* Алло? Станция? Пожалуйста, город. Нет, областной центр. *(Корреспонденту.)* Что там?

Корреспондент. Коммутатор редакции, добавочный два девяносто семь.

Секретарь РК. Коммутатор редакции, добавочный два девяносто семь. Что? Дадите сейчас? Жду.

Пауза, во время которой корреспондент ходит по кабинету.

Да-да? Не отвечает номер. Хорошо, повторите через двадцать минут. *(Кладет трубку.)* Обед, видимо.

Входит секретарша.

Секретарша. Алексей Семенович, товарищ из прокуратуры.

Секретарь РК. Да-да, жду.

Секретарша уходит, появляется Борис.

Борис. Здравствуйте.

Секретарь РК. Здравствуйте. *(Подает руку.)* Садитесь, прошу. Э-э-э... как вас?

Борис. Борис Матвеевич.

Секретарь РК. Садитесь, Борис Матвеевич. Знакомьтесь. Это корреспондент областной газеты.

Знакомятся.

Так что там у вас? С комбайнером из «Восхода»?

Борис. Статья двести шестая, часть вторая.

Секретарь РК. Меня не интересует, какая там часть. Говорил с вами председатель колхоза?

Борис. Говорил.

Секретарь РК. Почему же вы не захотели с ним разговаривать? И ходатайство общественности не приняли...

Борис. Расследование уже закончено.

Секретарь РК. Немедленно дайте распоряжение отпустить! Немедленно... Вот вам телефон и сейчас же позвоните в милицию. Все! Кто у вас прав, кто виноват, разберемся позже. Пожалуйста. *(Пододвигает телефон.)*

Борис *(спокойно)*. Этого я не могу сделать.

Секретарь РК. То есть как так? Не понимаю вас.

Борис. Я сказал, что не могу этого сделать. И вообще уголовные дела входят в компетенцию следственных и судебных органов, а не...

Секретарь РК. Интересно... *(Сдерживает себя, улыбается.)* Очень интересно! Продолжайте.

Борис. Разрешите идти?

Секретарь РК. Одну минуту. Вы член партии?

Борис. Я комсомолец.

Секретарь РК *(выходит из-за стола)*. Было бы, конечно, неплохо... Очень даже неплохо, если б каждый исполнял свои обязанности так же ревностно, как вы. Пожалуй, нам именно этого не хватает. Во всех звеньях... Больше того, вы...

Борис. Разрешите идти?

Секретарь РК. Борис Матвеевич, я понимаю вас. Вполне допускаю, что, со своей точки зрения, вы поступаете совершенно правильно и... и вы, вероятно, прекрасный работник. Я поговорю с прокурором о способе поощрения. Но ведь бывают же исключения из правил? И насколько мне известно, Смагина нельзя привлекать по уголовной статье.

Борис. Это вам неизвестно. Это должно быть известно мне, как следователю.

Секретарь РК. Ну, вот что! *(Меняясь.)* Я прошу немедленно позвонить. Распорядитесь сейчас же отпустить Смагина.

Борис. Нет. Я не позвоню.

Секретарь РК. Нет, вы позвоните!

Борис. Нет.

Секретарь РК (*краснея и напрягаясь*). Вы что, кретин?

Борис. Вы ответите за оскорбление.

Секретарь РК. Вон! (*Хватаясь за левый бок.*) Прошу выйти вон!

Страдальчески опускается на диван. Вбегает секретарша с таблетками, корреспондент быстро наливает воды из графина. Опираясь на секретаршу, секретарь РК выходит из кабинета.

Борис (*берет трубку*). Алло? Поликлиника? Райком партии. Пришлите срочно врача. Да, плохо с товарищем.

Звонит телефон.

Занавес.

Корреспондент (*выходя с телефоном на край сцены*). Алло? Алло, редакция? Вадим Григорьевич? Да-да, я, конечно. Вадим Григорьевич, немедленно сними мой материал! Да, о комбайнере. Немедленно. Объясню после. Что? Завтрашний номер? Не может быть! Успеешь переверстать? Поздно? О, черт! (*Лихорадочно листает записную книжку, вновь вызывает междугороднюю.*) Алло? Девушка, срочно город. Нет, областную прокуратуру. Телефон? Два, два ноля, семьдесят. Срочно! (*Несколько раз повторяет номер.*) Алло? Областная прокуратура? Это ты, старичок? Привет. Ты меня узнаешь? Слушай, я горю. Синим огнем. Да нет, дело не в этом. Мне не до шуток, честно! Понимаешь, завтра в газете моя статья. О комбайнере. А он, идиот, угодил под суд. Ты представляешь мое положение? В том-то и дело, материал положительный! Да нет, дело совсем плевое. Драка какая-то. О нем и райком ходатайствует. А следователь как бык уперся, не сдвинешь. Такой принципиальный товарищ, судить — и все. Ну, знаешь, тип

эдакого провинциального ортодокса. Ты зайди к своему шефу, а? Поговори. Сможешь, сможешь. Ты все сможешь, если захочешь. Фамилия комбайнера? Забыл, черт... Подожди... *(смотрит в блокнот)* Смагин! Смагин Константин. Ты понял меня? Действуй, только сразу. Надо, чтобы твой шеф позвонил следователю и нажал как следует на этого праведника. Да. Партия нас поддержит. Что? Сделаешь? Ну, давай, старичок! Приеду, с меня коньяк. Все.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

У следователя. Борис невозмутимо сидит за столом. Входит корреспондент.

Корреспондент. Привет! *(Здоровается за руку.)* У вас тут ничего. Тесновато, пожалуй. А зимой? Холод, наверно, собачий, да? А вы чего такой хмурый?

Борис. Какой есть.

Корреспондент. Давно живете в доме колхозника? Отель тот еще. Даже побриться негде.

Борис. К Октябрьским праздникам обещают квартиру.

Корреспондент. А не остановят? *(Подмигивая.)* После вчерашнего?

Борис. Все может быть.

Корреспондент. Кстати, я справлялся об Алексее Семеновиче, ничего страшного. Он здоров. Просит извинения за грубость. Во сколько вчера вы ушли из моего номера?

Борис. Кажется, в первом часу.

Корреспондент. Вас спрашивала одна дама.

Борис. Андреевская?

Корреспондент. Да. Разыскивала очень активно. Кстати, она тоже обитает в доме колхозника?

Борис (*беря трубку*). Слушаю. Откуда, откуда? Областная прокуратура... Слушаю. Да. Двести шестая, часть вторая. Смагин. (*Пауза, во время которой Борис пытается возразить.*) Товарищ старший советник! Я выполню ваше... Но я требую... письменного распоряжения. В соответствии. В соот... Вы будете нести ответственность. Я буду вынужден сообщить в Москву... Алло! Алло! (*Кладет трубку.*)

Корреспондент (*незаметно переходя на «ты»*). Ну, ты силен... Из области?

Борис. Предлагает прекратить дело Смагина.

Корреспондент. Ну, и... что ты решил?

Борис. Сказал, что прекращу, если пошлют письменное распоряжение. Вас тоже интересует Смагин?

Корреспондент. Да нет. Просто так.

Борис. Положил трубку... Хм. Ну, что ж...

Корреспондент (*сочувственно*). Как думаешь, напишет?

Борис. Что?

Корреспондент. Ну, это самое... Письменное распоряжение.

Борис. Он не такой дурак. Кому хочется связываться с Москвой? Мне, конечно, несдобровать, но письменного распоряжения не будет.

Корреспондент. Знаешь... я тебе очень завидую. Ты просто молодец, таких ребят я еще не встречал! Я рад, что мы познакомились. Заедешь ко мне? Я напишу свой адрес. (*Записывает в блокноте и вырывает листок.*) Вот!

Борис задумчиво берет адрес, кивает.

Но знаешь... Я бы на твоем месте не стал судить этого Смагина. У нас ведь как? Всегда виноват стрелочник.

Борис (*взволнованно ходит по кабинету*). Да? Вы тоже считаете, что я не прав?

Корреспондент. Не в этом дело. Понимаешь...

Борис. Но мы распустились до предела! Привыкли к расхлябанности. Для многих закон — пустой звук, даже не замечают. Как будто законы созданы для кого-то другого.

Корреспондент. Именно это я и хотел сказать! Но Смагин — мелкая сошка. А ты вот повыше, повыше копни.

Борис. Знаете, сколько погибло в районе людей за последние шесть месяцев? От одних дорожных происшествий? Садятся за руль пьяные, давят людей, сами гибнут. Все нипочем! А производственные травмы? Безответственность такая, что дальше некуда ехать!

Корреспондент. Да я же согласен с тобой!

Борис. Это, так сказать, работяги, вроде Смагина. А другие? Иному ничего не стоит запустить руку в государственный карман. Ничего! Мол, позаимствую, потом расплачусь. Мы хватаем вора за руку, а должностное лицо ходатайствует: дело не возбуждать! Исправится! Закон для многих филькина грамота, что хочу, то и ворочу.

Корреспондент. Ну, Смагин-то из другой категории. К тому ж они помирились с соседом.

Борис. Широта натуры, скажете? Позвольте не согласиться. Это не широта! Панибратство и блат всегда предшествуют преступлению! Да-да! Я, видите ли, ортодокс. Бюрократ! Но когда, наконец, мы научимся уважать законы? Элементарные правила? А такие, как Смагин, и детей воспитывают по своему подобию. Ничего не сделал, ничему не выучился, но ему уже все позволено. Между молоком матери и алкоголем — никакой дистанции! Учиться лень, работать тоже. Сколько можно так жить? Стыдно!

Корреспондент. Я во всем согласен с тобой. Безобразий уйма. Но откуда же все идет? Ты думал об этом? Рыба гниет с головы, это давняя истина. Вот, вче-

ра. Как он с тобой говорил, помнишь? Ты думаешь, ему Смагин дорог? Ничего подобного! Ему районный престиж дорог. А мы с тобой бичуем таких, как Смагин. Воспитываем рядовую братию. Не много надо геройства для этого! Кстати, я еще раз звонил в «Восход». И знаешь, что там произошло?

Борис. Нет. А что?

Корреспондент. Этот многомудрый пред сажает на комбайн ребят, школьников. Вчера агрегат Смагина был сломан, сын комбайнера это еще не сам комбайнер. Разумеется, председатель окажется ни при чем, если выведут из строя еще пару комбайнов.

Борис. Ну, это еще видно будет, при чем или ни при чем. Скажите... Только честно. Вы бы ликвидировали дело Смагина?

Корреспондент *(подумав)*. Да. Пожалуй, да.

Борис решительно бросает папку на стол, нажимает кнопку. Входит милиционер.

Борис. Смагина сюда!

Милиционер. Слушаюсь. *(Уходит.)*

Корреспондент. Борис, ты... *(Притворно тискает Бориса за плечо.)* Ты замечательный парень.

Борис. Вы сами слышали про сломанный комбайн?

Корреспондент. Конечно.

Вводят Костю.

Борис. Садитесь, Смагин. Жалобы есть?

Костя. Нет. *(Не садится.)*

Борис. Ходатайства? Кормят нормально?

Костя. Нормально. Товарищ следователь, мне бы домой до суда...

Корреспондент. А хочешь совсем?

Костя, взглянув на него, отворачивается.

Борис. Ваше дело решено прекратить.

Костя. Товарищ следователь... Серьезно, да?

Борис. Серьезно, Смагин. *(Бросает папку на стол.)* Езжайте домой. Но впредь руки распускать не советую.

Костя. Да я понимаю! Сам не знаю, как получилось.

Борис. Пить надо меньше.

Костя. Да не люблю я это дело! Честно. Спросите, кого хотите. Оплошка вышла.

Корреспондент. Оплошка у него, видите ли! Скажи спасибо, что пожалели тебя. Дело аннулировано.

Костя *(мрачно взглянув на корреспондента)*. Ну... спасибо, конешно.

Борис. Комбайн у тебя сломан. Знаешь?

Костя. Говорила жена. Ничего, вроде нешибко.

Борис. Сколько лет сыну?

Костя. Старшему? В десятый осенью.

Корреспондент. Борис Матвеевич, я думаю, Смагин тут ни при чем. Отвечать будет председатель.

Костя. За что?

Корреспондент. За поломку комбайна. И за то, что машину доверил несовершеннолетним. Так ведь, Борис Матвеевич?

Борис. Именно так.

Костя. Товарищ следователь... Это значит чего... Меня домой, а его к вам? Председателя-то. Так, что ли?

Борис. Разберемся. Езжайте домой, Смагин.

Костя неуверенно ступает к двери.

Корреспондент. Иди, иди... Деятель.

Костя *(оборачиваясь)*. Ну и ханыга ты!

Корреспондент *(бледнея)*. Борис Матвеевич... Он что, чокнулся? Его защищают, а он...

Борис. Идите, Смагин, идите.

Костя. Он меня пожалел! Не надо мне вашей защиты! Защитники. Товарищ следователь...

Борис. Вы почему кричите?

Корреспондент. Ему просто захотелось обратно.

Костя. И пойду! Только сам, тебя не спрошусь! А то нашлись, заступники! .. Пожалели, да? Я за себя отвечу! Только перед законом чтобы... А не так, как тут, не с бухты-барахты!

Корреспондент. Судить тебя надо...

Костя (*в бешенстве*). Ну и суди! Отсижу, ежели заслужил! Только не ты, зануда, будешь меня судить! Понял?

Корреспондент (*щурясь*). Борис Матвеевич, мне кажется, что...

Костя. Кажется, дак перекрестись!

Корреспондент. Я тебя упрячу куда следует.

Костя. Ты?

Подходит к корреспонденту, милиционер берет Костю за локоть.

Милиционер (*Косте*). Но-но, легче.

Корреспондент. Будешь трубить пять лет! Как миленький... Ясно?

Костя. Ты кто такой, а? (*Борису.*) Вы меня пожалели, да? Один под суд, другой пожалел? Сначала пожалел, а теперь опять трубить? Как с игрушкой... как маленького, так, да?

Борис (*милиционеру*). Выведите его на улицу! И покажите дорогу домой.

Милиционер хватает Костю за руку и толкает в спину, Костя вырывается, милиционер падает, вскакивает и вновь хватает Костю, вбегает второй милиционер. Костю скручивают.

Костя (*усмехаясь*). Ну? Чего это... Чего испугались-то? Эх, вы...

Борис. В камеру!

Костю уводят.

Корреспондент. Идиот какой-то... Таких, знаешь... Подальше надо держать.

Борис. А вы и правда ханыга.

Корреспондент. Вы... вы что сказали?

Борис. Я сказал, что вы и правда ханыга!

Корреспондент. Да?

Борис. Да.

Корреспондент. Всего хорошего! *(Останавливается у двери и оборачивается.)* Борис Матвеевич...

Борис. Будьте здоровы.

Корреспондент хлопает дверью. Борис нажимает на кнопку,. входит милиционер.

Как там Смагин? Успокоился?

Милиционер. Сидит. Думает.

Борис. Составьте акт на сопротивление милиции. Присовокупите к делу и отнесите папку в народный суд.

Занавес.

Милиционер. Слушаюсь. *(Разглядывает папку. Вздыхает, затем уходит.)*

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Суд. Небольшой зал заседаний. Судейский стол, стулья с высокими спинками. Ниже столы для прокурора, адвоката и секретаря. Несколько сидений для публики. Зал совершенно пуст. Выходит девушка — секретарь суда.

Секретарь суда. Прошу встать!

Высвечивается барьер для подсудимого, охраняемый милиционером. За барьером ЧНЗ. Входит народный судья (женщина) и два народных заседателя, женщина и мужчина. Никто не садится.

Судья. Объявляется приговор по делу гражданина Олешникова Анатолия Андреевича, обвиняемого в бро-

дяжничестве и злостном уклонении от выплаты алиментов. Суд постановил: приговорить гражданина Олешникова к двум месяцам принудработ, из-под стражи освободить. Обязать в ближайшее время оформиться на постоянную работу. Приговор может быть обжалован в течение...

Ч Н З. Граждане судьи! Как честный человек... Позвольте сказать мне два слова. Приношу тыщу извинений! Я отнял у вас драгоценное время...

Его никто не слушает, судьи выходят из-за стола.

Граждане судьи! В моей превратной судьбе... Я навсегда запомню сегодняшний день как самый добрый урок...

Милиционер (*распахнув дверку барьера*). Сейчас перемена, а не урок. Прошу освободить!

Ч Н З. Граждане и товарищи! У меня есть одна последняя просьба. Позвольте остаться в зале.

Милиционер. Давай-давай, шагом марш. Отпустили, так иди. Нечего тут.

Ч Н З. Пардон!

Милиционер. Я тебе покажу пардон! Пообзываешься у меня.

Ч Н З. Тыща извинений! Гражданин милиционер, где здесь туалет?

Появляются Тоня, Иван Степанович, Татьяна, бабушка Секлетинья и Пухов. Тихо садятся. Вводят Костю.

2-й милиционер. Живей, живей. Ну, Смагин! Ежели два года будешь таким темпом... Долго покажется.

Появляется секретарь суда.

Секретарь суда. Идет суд. Прошу встать!

Выходят судья и двое заседателей.

Судья. Садитесь. Слушается уголовное дело Смагина Константина Ивановича тысяча девятьсот тридцать девятого года рождения. Женат, трое детей, беспартийный, военнообязанный. На основании следственных материалов гражданин Смагин обвиняется в хулиганстве по статье двести шестой часть вторая уголовного кодекса РСФСР. К обвинительному заключению приложены характеристика правления, ходатайство бригадного собрания колхоза «Восход» и вырезка из районной газеты. Подсудимый, встаньте. Ваша фамилия, имя, отчество?

Костя. Смагин. Константин Иванович.

Судья. Год и место рождения?

Костя. Тысяча девятьсот тридцать девятый, Семенковский сельсовет.

Судья. Доверяете ли вы данному составу суда?

Костя. Доверяю.

Судья. Вам понятна суть обвинения?

Костя. Понятна.

Судья. Вы имеете право объявлять ходатайства, требовать необходимые документы, участвовать в допросах свидетелей, обращаться в вышестоящие судебные органы и приглашать адвоката.

ЧНЗ аплодирует, на него оглядываются.

Вам понятны ваши права?

Костя. Понятны.

Судья. Согласны ли вы на то, чтобы дело слушалось без защиты?

Костя. Согласен.

Судья. Что вы можете сказать по существу? Расскажите все по порядку, как было дело. Не волнуйтесь.

Костя. Да чего рассказывать? Бабы поругались, а я выпивши. Ну и... вон у Ивана Степановича ворота разворотил.

Судья. Сколько же вы выпили?
Костя. Граммов четыреста.

ЧНЗ аплодирует.

Судья. Так. Чем вы ударили по воротам?

Костя. Да чем... Колун подвернулся под руку. Ну а чего говорить? Виноват — значит, виноват.

Судья. Зачем вы разбили ворота? Вам что, драться захотелось или как?

Костя. Чего там драться... Мы с Иваном Степановичем не дрались сроду. Поговорить хотел, выпить вместе. А тут не пускают. Ну и...

Судья. А были у вас раньше такие случаи?

Костя. Вроде бы нет. Да чего тут? Вину признаю Решайте что по закону, и все. Еще волынку тянуть. Чего заслужил, то и заслужил.

Судья. У членов суда есть вопросы?

1-й нар. заседатель. У меня вопрос. Вот вы говорите, жены у вас поругались. Из-за чего?

Костя. Ребятишки подрались. Ну и они сцепились.

1-й нар. заседатель. У меня нет больше вопросов.

2-й нар. заседатель. Скажите, какую общественную работу вели в колхозе?

Костя. Ну... комбайн у меня. Механизатор.

2-й нар. заседатель. В комсомоле состояли?

Костя. Состоял. Выбыл по возрасту.

2-й нар. заседатель. Были у вас замечания по комсомольской линии?

Костя. Нет. Да чего канитель разводить? Виноват — значит, виноват.

2-й нар. заседатель. У меня нет вопросов.

ЧНЗ аплодирует.

Судья (*милиционеру*). Выведите его!

ЧНЗ (*упираясь*). Как гражданин... Имею право.

Милиционер. Давай-давай, живо! Гражданин.

ЧНЗ исчезает.

Судья. Суд переходит к опросу свидетелей. Свидетель Кирина есть?

Молчание.

Кирина есть?

Секлетинья. На-ко, Костенька, шанежку.

Развертывает узелок и подает Косте. Тот смущен.

Поешь, поешь, севодни пекла. Мяконькие.

Судья. Где Кирина?

Секлетинья. Нету, видать.

Иван Степанович. Да ведь тебя это! *(Судье.)* Глухая она.

Судья. Вы гражданка Кирина?

Секлетинья. Меня, матушка, Секлетиньей зовут-то.

Судья. Кирина. Секлетинья.

Секлетинья. А?

Судья. Кирина Секлетинья Парменовна, вы?

Секлетинья. Я, милая, я. Под судом отродясь не бывала.

Судья. Вы знаете подсудимого?

Милиционер *(на ухо)*. Подсудимого, спрашивают, знаешь?

Секлетинья. Костеньку-то? Как не знать, помню еще вот эконького. До меня-то уж больно добр, дровец возит каждую зиму.

Судья *(перекинувшись о чем-то с заседателями)*. Свидетель Пухов! Остальных прошу выйти.

Тоня, Иван Степанович и Татьяна уходят.

Что вы можете рассказать по делу?

Пухов. Ничего не могу. Одно могу сказать. На бумаге правильно, а на деле... Все по-другому.

Судья. То есть как по-другому?

Пухов. Да ведь помирились они! Товарищи судьи, это я составлял протокол. А потом порвал, потому что помирились они. Потом опять составил задним числом по приказу следователя.

Судья. Что вы можете добавить по существу?

Пухов. А то, что все зря. Ежели всех бы, как Смагина, дак полколхоза бы давно сидело в тюрьме! Дело надо прекратить.

1-й нар. заседатель. И это ты, участковый, так говоришь? Тебя давно надо было гнать с работы!

Пухов. Я без работы не останусь, гражданин заседатель. Руки у меня есть.

Судья (*звякая карандашом по графину*). Не пререкайтесь! Есть еще вопросы к свидетелю? У подсудимого? Нет. Свидетель Андреевская! Позовите Андреевскую Антонину.

Входит Тоня.

Андреевская Антонина Сергеевна?

Тоня. Да.

Судья. Вы вызваны в качестве свидетельницы по уголовному делу гражданина Смагина. За ложные показания вы несете ответственность по статье гражданского уголовного кодекса. Распишитесь в том, что вы предупреждены.

Тоня расписывается.

Что вы можете сообщить суду по данному делу?

Тоня (*волнуясь*). Товарищи судьи! Я...

1-й нар. заседатель. Граждане.

Тоня. Граждане судьи, я считаю в корне неправильным, что Смагин привлечен по уголовной статье. Не по-

нимаю, почему дело дошло до суда. Смагин прекрасный механизатор, он...

Судья. Скажите, вы были в колхозе «Восход» второго августа?

Тоня. Да. И я разговаривала с участковым, с бывшим участковым товарищем Пуховым. И я не понимаю, почему... Ничего же не было...

Судья. Скажите, этот фельетон вами написан?

Тоня. Да.

Судья. Вы утверждаете, что никакой драки не было. Но ведь тут написано: «Хулиган на всех винных парах ринулся к воротам. В руках у него был топор. Он обрушился на ворота с этим испытанным средневековым оружием...» Далее: «Осада длилась очень недолго, и...»

Тоня. Прекратите! Это же...

2-й нар. заседатель. Это почему же прекратить? Это почему прекращать?

Тоня. Потому что это не документальный материал. Понимаете? Это... Это жанр, художественный прием...

1-й нар. заседатель. Позвольте вопросик к свидетельнице. Вы видели, как Смагин ломал ворота?

Тоня. Нет.

1-й нар. заседатель. У меня нет больше вопросов.

Судья. Садитесь. Свидетель Соколов Иван Степанович!

Входит Иван Степанович.

Гражданин Соколов, за дачу ложных показаний вы отвечаете по закону. Распишитесь.

Иван Степанович расписывается.

Расскажите суду, что произошло ночью второго августа у вашего дома.

Иван Степанович. Дак ведь что. У вас все записано. Вон Павлович знает.

Судья. Топор принадлежал вам?

Иван Степанович. Колун. Да мы починили сразу ворота-то!

Судья. Смагин ворвался в коридор с топором?

Иван Степанович. Не помню уж... Нет вроде.

Судья. И тут же толкнул вас в грудь?

Иван Степанович. Да я-то тоже выпивши был. Немного, правда.

Судья. А когда он толкнул вашу жену?

Иван Степанович. Не помню. Вроде бы...

Секлетинья (*Ивану Степановичу*). Куды, батюшко, жёнка-то ушла? В магазин?

Судья. Вы отрицаете, что Смагин вас ударил?

Иван Степанович. Толкнул.

Судья. Так. Толкнул.

Иван Степанович. Да что вы, на самом-то деле? Гражданин судья, ведь у него трое детей! Чего привязались-то?

Судья. Тише!

Иван Степанович. Ежели его в тюрьму, так меня тоже надо под суд.

1-й нар. заседатель. До вас, Соколов, очередь еще не дошла. Вы что? Вы понимаете, где находитесь?

Костя. Ладно, Иван Степанович... Отступись.

Судья. Прошу соблюдать тишину! А вы, Соколов, отвечайте по существу.

Иван Степанович. А я и ответил! По существу. Ежели его в тюрьму, так...

Судья. Свидетель Соколова Татьяна!

Тоня. Граждане судьи! Вы читали сегодняшнюю областную газету?

Судья. Вы хотите что-то добавить?

Тоня. Да. Я требую...

1-й нар. заседатель. Требовать будете не здесь и не в это время, свидетель!

Тоня. Извините... Но я прошу...

В это время входит Татьяна.

...прошу учесть мое мнение о Смагине... И огласить статью из сегодняшней областной газеты.

Судья. Хорошо, суд ознакомится с этой статьей. *(Берет газету.)*

Татьяна. А на тибя-то да... тьфу! *(Плюет в сторону Тони.)* Тьфу! Опеть она статью сунула!

Тоня. Но это же... *(Закрывает лицо руками.)* Как вы не понимаете?

Татьяна. От ее все пошло! От ённых статей!

Судья. Свидетельница Соколова! Ведите себя как положено, иначе я удалю вас из зала.

Татьяна. А чево? Чево это я худова сделала?

Секлетинья. Не ругайся, Танюшка, не ругайся.

Иван Степанович. Чего кричишь-то? Ну?

Татьяна *(на Тоню)*. А тьфу на нее! Кому хошь скажу!

Тоня не знает куда деться от волнения и обиды, убегает. Все шумят.

Роспеля лёшова!

Костя. Эх...

Судья. Суд удаляется на совещание.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Вокзальный перрон вечером. Телефонная будка, скамейка, киоск «Союзпечати». Освещение слабое, видны красные огни светофора. Изредка шумят проходящие грузовые составы. Появляется Иван Степанович с женой.

Татьяна. Ой! Давай хоть тут посидим.

Иван Степанович. Иди в буфет-от. Там хоть чаю попьешь.

Татьяна. Унеси водяной! Вечером-то нет ли автобуса?

Иван Степанович. Нету. До утра придется тут маяться. Иди-иди, мы скоро. Есть деньги-то?

Татьяна. Есть.

Татьяна уходит. Появляется взволнованный Костя.

Костя. Вот тебе и дом колхозника! Еще обругала. Какой, говорит, тебе дом колхозника? Это раньше был дом колхозника, теперь, говорит, гостиница.

Иван Степанович. А я в колидор просился, на диван. Нельзя. Вон, говорит, люкс скоро освободится. Корреспондент вечером уезжает. Я поинтересовался, сколько этот люкс стоит?

Костя. Три пятьдесят за ночь! Мне тоже говорила насчет этого люкса.

Иван Степанович. Три пятьдесят? Ничего себе!

Костя. Из кэпезе — да в люкс! Эх! Иван Степанович, стаканчик-то есть? *(Обнимает Ивана Степановича. Оглянувшись, раскрывает бутылку.)*

Иван Степанович. Ладно. Раз такое дело. А я уже думаю все... крышка Костюхе. Два года припаяют и носи за бархат.

Проходит подозрительно поглядывающий милиционер линейного поста, они быстро прячут бутылку.

Костя. Ты погляди, рыбник! Когда успел рыбы-то наловить?

Иван Степанович. Я не усёк, сколько платить-то?

Костя. Двадцать копеек с рубля. Ерунда. На полгода, вроде алиментов.

Иван Степанович. Вишь ведь как... Ты это... на меня-то не особо...

Костя. И ты не сердись. Говорят, знал бы, где упадешь, соломки бы подстелил. Где наши-то все?

Иван Степанович. Да тут где-нибудь. Около буфета.

Уходят. Появляется Тоня, одетая по-дорожному, с чемоданом. Она поджидает кого-то. Подходит корреспондент. Он с портфелем и двумя резными прялками.

Корреспондент. Опоздал?

Тоня. Немножко. Но я уже начала волноваться.

Корреспондент. Понимаешь, какое идиотство? В райкоме не осмеливаются отметить командировку. Нужно, видите ли, разрешение Алексей Семеновича.

Тоня. Ну и зашел бы к нему.

Корреспондент. Я испугался, что он запоит меня коньяком. За мою сегодняшнюю статью.

Тоня. Он что, пьет?

Корреспондент. Ты прелесть...

Тоня. Как-то тебя встретят в редакции. После всего этого...

Корреспондент. Чихать! Я все равно хотел увольняться. Пока не поздно, надо драть когти из этой... из этой Индонезии...

Обнимает ее. Бабушка Секлетинья, идущая на вокзал, останавливается, с любопытством смотрит то с одной стороны, то с другой. Пухов дергает ее за рукав.

Пухов. Иди, иди. Тебе чего, завидно стало?

Секлетинья. Тожо, видать, ночевать-то негде. Сердешные.

Корреспондент. Брысь!

Бабка вздрагивает. Корреспондент прикрывает Тоню плащом. Пухов оттаскивает Секлетинью в сторону.

Тоня. Запиши, пожалуйста, адрес.

Корреспондент. Я не жалуюсь на свою память.

Появляется ЧНЗ.

ЧНЗ. О, молодые люди! Приветствую вас и тыща извинений... Мадмуазель, это ваша корзина?

Тоня. Моя. Где вы ее взяли?

ЧНЗ. Не задавайте лишних вопросов! Сейчас придет поезд. Я предлагаю честную сделку: вы даете мне два карбованца, я возвращаю вам грибы.

Тоня. Зачем мне грибы?

ЧНЗ. Хорошо, один карбованец! Они, правда, немного испортились.

Корреспондент *(подавая рубль)*. Ты что, каждую ночь продаешь грибы?

ЧНЗ. Нет, я всего лишь возвращаю грибы. Прежним владельцам. Товарищ молодой человек, я ценю ваше честное благородство. Адью! Буфет еще не закрыт.

Тоня. Куда же вы? Возьмите корзину.

ЧНЗ. Вы отрекаетесь от грибов? *(Берет корзину.)* Тыща извинений... *(Уходит.)*

Тоня. Чудак какой...

Корреспондент. Обычный алкаш.

Он вновь прикрывает ее плащом. Появляется Борис с гвоздикой в руке.

При виде обнимающихся корреспондента и Тони он отстраняется в тень от киоска.

Тоня *(смотрит на часы)*. Сейчас придет поезд. У нас нет билетов... Тебе дать денег?

Корреспондент. Перестань. Жди меня здесь, я быстро.

Уходит. Слышен шум автомобиля, из темноты появляется председатель и хочет зайти в будку, чтобы позвонить, но, увидев Тоню, оглядывает ее с ног до головы, хитро и добродушно щурится.

Тоня. Здравствуйте.

Председатель. Привет-привет. Уже уезжаете?

Тоня. Уже уезжаю. А вы?

Председатель. Да вот народ свой ищу. В доме колхозника мест нет. Сказали, что все пошли ночевать на вокзал.

Тоня. Вы на своем газике?

Председатель. Нет, на колхозном.

Тоня. Почему вы так странно смотрите?

Председатель. Понравилась.

Появляются **Иван Степанович** и **Костя**.

А, вот и наш арестант. Ну? Выкрутился?

Костя. Выкрутился.

Председатель. Будешь теперь знать, как ворота ломать. *(Заходит в будку и звонит.)* Алло? Алексей Семенович? Извините, что звоню на квартиру. Да, приехал опять. Вот, в милицию вызвали. За что? Ну, за ту самую аварию. За ребят. Нет, завтра к следователю. Несовершеннолетних, именно. Допуск к технике без права вождения. К тому самому, к Борису Матвеевичу. Ехать домой? Не знаю... Алло? Но у меня официальная повестка! Алло...

Захлопывает будку и продолжает разговор. По радио звучит объявление: «Граждане пассажиры, поезд номер двести сорок восьмой прибывает на первый путь!» Появляется **корреспондент**.

Тоня. Какой у нас вагон?

Корреспондент. Пятый. Купейных, как всегда, нет, придется париться в общем.

Тоня. Ты знаешь, а я люблю в общем. Там столько всего насмотришься.

Корреспондент. Ты не насмотрелась еще? *(Замечает Костю и Ивана Степановича.)* А мне уже надоело созерцать эти плебейские рожи. Идем, поезд подходит.

Костя *(увидев Тоню)*. Спасибо... Кабы не вы, кабы не газета в статье... то есть кабы не статья в газете... Эта, что в областной-то...

Тоня. Я ни при чем, благодарите его. *(Кивает на корреспондента.)*

Костя *(корреспонденту)*. Спасибо! Кабы не ваша статья... Полтора года как минимум.

Корреспондент. Ну, я думаю, еще не поздно. Все впереди! *(Берет чемодан.)*

Тоня. Что ты говоришь?

Корреспондент. Идем!

Подходит Секлетинья, за ней Татьяна.

Секлетинья. Что, Костенька, это чья девушка-то?

Иван Степанович *(Косте)*. На, закури-ко.

Костя *(опомнившись)*. Гад... Он как сказал, а? Как это он... а?

Иван Степанович хватает его за руки.

Корреспондент *(возвращаясь)*. Как ты меня назвал?

Бьет Смагина под подбородок и спокойно идет к вагону. Костя падает вместе с Иваном Степановичем, едва не ударившись о скамейку. Иван Степанович вскакивает и бросается за корреспондентом, Татьяна с криком повисает у него на руке, слышится свисток милиционера, затем появляется и сам постовой.

Корреспондент. Куда вы смотрите? Уберите их подальше от поезда! Они пьяны. *(Поднимается на подножку.)* Тоня!

Иван Степанович. Прохвост!

Милиционер и Татьяна держат его.

Председатель. Тихо! Стой...

Поезд отходит.

Иван Степанович. А ну отпусти руку!

Тоня. Дай сюда мой чемодан! Мерзавец... Какой мерзавец, боже мой...

Плачет, корреспондент силой втаскивает ее на подножку.

Милиционер. А ну, идем!

Иван Степанович. Куда? *(Сильно отталкивает милиционера.)* Иди сам, мать твою душу-то! А от меня отступись!

Милиционер исчезает — вероятно, он убегает за помощью, появляется Пухов.

Пухов. Так чего? Может, к нашим пойдем? У меня тут тетка двоюродная.

Татьяна. Ночуем и тут, не велики господа.

Костя оцепенело глядит вслед поезду.

Председатель *(весело)*. А ну все в машину! Домой! Давай — раз, в машину марш. Давай — два, давай — три, давай — четыре. Иван Степанович? Поехали.

Заводит машину. Появляется милиционер и сержант.

Сержант. Этот? *(Показывает на Ивана Степановича, не успевшего влезть в машину.)*

Милиционер. Он самый. *(Председателю.)* Одну минуту!

Берут Ивана Степановича под руки.

Председатель. Тихо! Тихо! Смагин! Товарищ сержант?

Сержант. Живо, живо! Идем.

Татьяна. Господи, да это што делается-то?

Борис *(выходя на свет)*. Отпустите его! Я старший следователь прокуратуры. Исполняю обязанности районного прокурора...

Сержант. Вот и исполняйте свои обязанности. А в наши не вмешивайтесь.

Борис. То есть... как так?
Сержант. Здесь не район, а линейный пост!

Уводят Ивана Степановича.

Борис. Одну минуту!

Сержант не отзывается. Хлопает дверца, машина рычит и отъезжает. Борис тяжело опускается на ближайшую скамью. Он зябко прячет лицо в воротник и под шляпу. Подходит ЧНЗ, ставит корзину.

ЧНЗ. Молодой человек? Я, как лицо нейтральное, понимаю ваше молчание и как...

Борис (*вяло*). Пошел вон.

ЧНЗ. Тыща извинений!

Гудит очередной поезд.

И куда они все ездиют?

Уходит. По радио передают вальс «Осенние сны». Борис сидит не двигаясь.

Бессмертный Кощей
(Сказка-пьеса)
Кроме Кощея действуют:
Баба-Яга. Леший.
Русалка
Солдат
Смерть
Водяной
1-я Кикимора
2-я Кикимора
3-я Кикимора

АКТ ПЕРВЫЙ

Лесная река с перекинутыми через нее лавами отделяет от зрителя избушку Бабы-Яги. Баба-Яга — одна.

Баба-Яга.

Струится ветер с теплой стороны,
И всю насквозь русальную неделю
Играет он с молоденькой травой
Да в омутах речную воду морщит.
Леса шумят, поляны зацветают,
На свете белом все зазеленело
И все везде очнуться норовит.
В который раз! Ох, знаю эту песню,
Растет, растет да враз и пожелтеет
От холода. Глядишь, и год минует,
Потом другой, и третий, и четвертый —
Все как один годки! Уж и не знаю,
Куда бегут, вперед или назад?
Хоть стой, хоть падай, все одно и то же,
Куда ни глянешь, все одно и то ж...
(Дремлет.)
В ушах звенит, в глазах круги и пятна,
Не разберешь, какого шуму больше,
В лесу моем иль в сивой голове.
А смерти нет...

За спиной Бабы-Яги появляется Смерть.

Смерть. Ну что ты все зовешь?

Баба-Яга.
Нет мочи жить! Родимая, не брезгуй,
Не проходи сегодня стороною,
Возьми меня, я в ножки поклонюсь...
Смерть.
Все жить хотят, а ей невмоготу.
Так нет же вот! Ты смерти не дождешься...
Баба-Яга. За что караешь?
Смерть.
Будешь жить всегда!
Зачем мне тот, кто быть живым не хочет?
Люблю того, кто жить стремится вечно,
Тот не живой, кто хочет умереть.
Ведь мертвый тоже к жизни равнодушен,
Я между ними разницы не вижу.
Баба-Яга. Будь проклята!
Смерть.
Ругаться не желаю.
Не так-то просто шарить по вселенной,
Махать косой, стеречь больных и пьяных,
Греметь костьем, усталости не зная,
Пойду в избу, прилягу на часок.
(Исчезает в избе.)
Баба-Яга.
Безносая! Приходишь только дрыхнуть...
Ишь как храпит! Ишь звуки-то выводит...
Ой, батюшки, не дурочка ли я?
Совсем забыла... Памяти не стало,
Который год все валится из рук.
Зажгем, обкурим сонною травою,
А после станем думать да гадать.
(Окуривает избу сонной травой.)
Смерть. Ап-чхи!
Баба-Яга.
Вот-вот, чихай давай, чихай.
Тебя теперь и пушка не разбудит.

Спать будешь столько, сколько захочу!
(Проворно запирает дверь.)

В лесу слышна песня, затем на сцене появляется Солдат.

Солдат *(поет)*.

Ноги ходят, руки машут,
Во походе не впервой,
Воду пьем, хлебаем кашу,
Лес шумит над головой.
Ать-два!
Что нам фура и телега,
По дороге топ да топ.
От ночлега до ночлега,
Ветер дует прямо в лоб.
Ать-два!
Эх, послужим добрым людям,
Дальше по лесу пойдем.
Не умрем — так живы будем,
И умрем — не пропадем.
Ать-два!
Будем жить на белом свете,
Для чего нам унывать?
Не бывает по две смерти,
А одной не миновать!
Ать-два!

Баба-Яга.

Давно людским не пахло на земле,
Давно не веял русский дух по лесу.
Жив, жив, курилка...

Солдат. Здравия желаем!
Баба-Яга. Куда идешь, с войны иль на войну?
Солдат. В походе нынче. Служим. Без обману.
Баба-Яга. Кому? Хоть знаешь?
Солдат. Дело не твое! Служу и все.
Баба-Яга. А что умеешь делать?

Солдат.

Могу колоть и резать, тесаком
Сплеча рубить...

Баба-Яга. Чем хвалишься, дурак!

Солдат.

Сама ты дура! А еще старуха.
Другая бы с дорожным ходоком
Поговорила, супу налила бы,
Пустила на квартеру и бивак.
Вот я тебя! *(Выхватывает тесак.)*

Баба-Яга.

Постой, не ерепенься...
Орудью спрячь и дух переведи.
Послушай, что скажу. Мне недосуг.
Цветет сегодня сонная трава,
Сбирать пойду, в яруге заночую,
Не знаю, на кого оставить избу,
Хоть заперта, а все-таки...

Солдат. Понятно.

Баба-Яга. Послужишь, что ли?

Солдат. Были бы харчи.

Баба-Яга.

Покарауль. Чур, в избу ни ногою!
Полно угару — рано печь закрыла.
Не пропускай по лавам никого
На этот берег...

Солдат. Службу понимаем.

Баба-Яга.

Поглядывай, не пей вина и пива,
В лес не ходи, на крик не отзывайся
И пуще глазу избу стереги!

Солдат. Не в первый раз.

Баба-Яга. Так я пошла, солдатик... *(Уходит.)*

Солдат *(оглядывается)*.

Связался с бабой, да еще с Ягой.
Покурим, стал быть, хоть и на посту.

Кисет полнехонек, не то что брюхо.
Видать, старуха долго не накормит —
Сама не ест и людям не дает.
Эй, кто идет? Кто брызгает водой?
Нет ни души. Одна лесная нечисть.
Темнеет, что ли? Ну и карантин!

Из темноты то тут, то там высовываются кикиморы.

Первая кикимора. Чего глядишь?
Вторая кикимора. Глазам своим не верит.
Третья кикимора.
Не слушай их, иди сюда, солдатик,
В моем болоте тихо и темно:
На кочку сядешь в теплую водичку,
Согреешься...
Первая кикимора.
Откуда он явился?
Таких в лесу мы раньше не видали.
Солдат. Чур, чур меня.
Вторая кикимора.
Ты почему пристал,
Как банный лист? *(Тащит Солдата за полу.)*
Солдат.
Убогая шадрунья!
Нужна ты мне, как мертвому припарка.
Вторая кикимора. Иди ты к Лешему.

Леший, молодой и веселый, выглядывает из темноты.

Леший. А мне-то он зачем? *(Спрятался.)*
Солдат.
Чур,чур меня! Ну, вроде бы светает,
Нечистой силы время отошло.
Кикиморы, болотные шишиги,

Плюются в нос, кривляются, визжат,
К худым делам от службы отвлекают,
А припугнешь, ан тоже слабый пол!
(Клонит голову.)
Такая ночка, еле отдежурил.
Намаялся. И брюхо подвело.

Появляется мокрый, старый, может быть, и нетрезвый Водяной.

Водяной.
Терпи, солдат. Не жалуйся на жизнь.
Не ты один...
Солдат. Еще одно чувырло!
Водяной.
Здоровье есть, и ладно, и дородно.
Ты в молодости сам себе хозяин,
В любую воду ныром или плавом,
И никого не просишь ни о чем.
Полдела Лешему, он молод и ядрен.
А сила есть, ума почти не надо...
Солдат. Так ты и есть тот самый Водяной?
Водяной. Да вроде я.
Солдат. Уж очень ты лохматый.
Водяной. Вишь, в тине весь я...
Солдат. Ну и чудеса!
Водяной.
На дне лежишь, сухого места нет.
Вода течет и летом и зимою.
Куда течет? Ее о том не спросишь,
Она обратно сроду не текла.
Весной она особо неручная,
Ворчит, бурлит, ворочает каменьем,
По берегам ворует что попало,
Торопится, за бороду волочит,

А ты лежишь, глаза на небо пучишь
И, как дурак, пускаешь пузыри.

Из леса выходит Леший, весело играя на дудке.

Леший.
А кто велит? Возьми да перестань.
Всплыви наверх, да и ходи по лесу,
Свищи, как я.
Водяной. Уж больно ты востер!
Солдат. Чур, чур меня!
Леший.
Иди сюда, ефрейтор,
Не бойся нас, мы утром не шалим.
Солдат. А это что? *(Хлопает по тесаку.)*
Леший.
Эй, брось, не задирайся!
Сходи-ка в избу, карты принеси.
Лежат в шкапу, сыграем в подкидного.
Водяной. Ему нельзя.
Леший. Так я и сам схожу.
Солдат. Пускать не велено!
Леший. А где хозяйка?
Водяной. По лесу бродит, травы собирает.
Леший.
Я знаю, где старуху отыскать.
Пойдем со мной, хоть воздухом подышишь...
Водяной. И правда вся, размяться самый час.

Леший и Водяной уходят. Появляется Русалка.

Русалка.
И нынче поздно травы зацвели.
Коротенькое северное лето
Успеет ли цветочки обогреть,
Овеять негой каждую былинку,

И укрепить, и соком напитать?
Шумит листва, летит зеленый ветер,
По сограм ходят Леший с Водяным,
В тугую воду, в синюю постель
Сосновые они кидают шишки
И ухают, как малые ребята...

Солдат. Откуда ты?

Русалка. Я вышла из воды.

Солдат. Чья эдака?

Русалка.

Я девушка Русалка.
Моя душа всегда чего-то ждет.
Из омута мне хочется на берег,
А с берега на теплую лужайку,
С лужка на дерево...

Солдат. А с дерева куды?

Русалка. Еще не знаю...

Солдат.

До чего дошло!
Не знают сами, где остановиться,
Куда ступать, чего сначала делать
И где сегодня ночь заночевать.
Садись пока, на солнышке погрейся,
Послушай птичек да сплети венок.
А я нарежу веток на свистульки...

К реке выходит Кощей.

Кощей. Скажите, кто на лавах часовой?

Солдат. Ну, я. А что?

Кощей. Пожалуйста, пустите.

Солдат. Откуда ты и как тебя зовут?

Кощей. Кощей Иванович. *(Что-то показывает.)*

Солдат.

Просрочена бумага...
Постой, постой! Да ты, я вижу, хват!
Ну! Брысь отсюда!

Кощей. Дядя, не пинайся.

Русалка.

Пусти его, он, бедненький, замерз,
Всю ночь дрожал осиновым листочком,
От комаров не знал куда деваться,
Ухаживал до утренней зари.
Такой любезный...

Солдат. Ладно, проходи.

Кощей. Благодарю. Я сколько буду должен?

Солдат. Иди-иди! Да от избы подальше.

Кощей. А что в избе?

Солдат.

Не трогай! Отойди.
Не рукосуй, не лезь, куда не просят.

Кощей. Скажи, солдат, который год на службе?

Солдат. Тебе-то что? Пустили, дак сиди!

Русалка.

Расти, трава. Звени, лесной ручей.
Кукуй, кукушка, сосны, лопочите!
Так хорошо мне нынче, так светло,
В моей душе так тихо и спокойно,
Что сердце замирает и ресницы
Смежаются от света и тепла.
Родимый лес, вздохни теперь пошире,
Меня окутай дремой золотой. *(Уходит.)*

Первая кикимора.

«Родимый лес...» Подумаешь, пошла.
Я тоже так могу...

Вторая кикимора.

А гонору-то сколько!
Накрасимся, так мы ее не хуже.

Первая кикимора.

А ты чего?
Сиди в своем болоте!

Вторая кикимора. Сама такая!

Кощей. Дамочки, потише!

С о л д а т. Пущай поют. Ты девкам не мешай.
К о щ е й. Видал, что есть? *(Показывает фляжку.)*
С о л д а т. На службе. Не желаю.
К о щ е й. Да хоть немного!
С о л д а т. Без еды не пью.

Кощей раскладывает снедь.

Конечно, ежли... в части потребленья,
Особенно когда не на посту...
В походе, скажем, или в лагерях,
Под дождь попался или там под пули,
Оно тогда пользительно...
К о щ е й. Держи!
С о л д а т. Ну, если малость только, по одной...
Спасибо, брат.
К о щ е й. А на вторую ногу?
С о л д а т. С одной ногой в походе пропадешь!
К о щ е й.
Без головы к тому же... Закусите.
Еще налить?
С о л д а т. Налей, коли не жаль! *(Пьет в третий раз.)*
И мы когда-то были в рысаках,
Бывало, брат...
К о щ е й.
Ну, ты еще не старый,
Жениться впору, вон какая харя.
С о л д а т.
Я, в общем-то, не прочь и поджениться,
Да кто пойдет?
К о щ е й.
Любую выбирай!
Ну вот хоть эту, что ли...
(Кивнул на Первую кикимору.)
В т о р а я к и к и м о р а. А меня?

Третья кикимора. И я хочу...
Солдат. А? Худо ли? Гуляем!
(Поет.)
Изломаюсь, истолкусь,
На кикиморе женюсь...
Кощей.
Пошла писать губерния, пошла.
Эй, всем плясать! Моя играет дудка...

Поднимается сралаш, все пляшут, кроме Кощея.

Солдат.
Умаялся. Не девки — жеребцы!
Щекочут, щиплют. Ноги обтоптали.
Иванович! Еще одну налей!
Кощей.
Развары старые... Ну? Слышите? Живее!
Работайте руками и ногами...
Солдат. Бывало, значит, так. Бывало...
Кощей. Нализался. Еще одну?
Солдат. Кощейко, наливай... *(Засыпает.)*
Кощей.
Всю жизнь боюсь таких вот остолопов,
Ума на грош, а власть у них в руках.
А вы чего? Закончилось веселье.
Мотай отсюда! Живо, по порядку.
Одна, вторая...
Вторая кикимора.
Ты меня не тронь, я замужем...
Кощей.
В болото! Шагом марш!
Моя подружка, белая водичка,
Перед тобой любые двери настежь,
Ты на колени ставишь великанов,
Твердыни рушишь, тронами колышешь,

Когда в умелых булькаешь руках!
Ревет, страдает, лезет на рожон,
Боится смерти, лопает лекарства,
А только выпьет, в кучу соберется —
И все забыла пьяная орда!
(Пинает Солдата.)
Нарезался. У-у, сволочь отставная,
Усатый хрен, мундирная затычка!
Узнаешь ты, как жить на побегушках
И кланяться любому дураку.
Пришла пора и мне расправить плечи.
Эй ты, вояка, можешь не храпеть?

Голос Смерти *(из избы)*. Откройте мне.

Кощей. Изба-то... не пустая. Кто там еще?

Смерть. Я смерть твоя, открой.

Кощей. Да я и сам страдаю под арестом...

Голос Смерти *(из избы)*.
Не бойся, выпусти! Тебя пока не трону,
Ты молодой, живи, Кощей, и здравствуй...

Кощей. В других лесах ищите дураков! *(Припирает двери еще сильнее.)*

Голос Смерти.
Дурак и есть...
Эй, хочешь быть бессмертным?
И вечно жить?

Кощей. А что за это дашь? *(Дрожа, открывает двери и отскакивает в сторону.)*

Смерть *(появляясь на пороге)*.
Вот это да! Вот это ну и ну!
Такой впервые на моей дороге.
За право жить еще чего-то хочет...
Эй, парень, чуешь! Честь бы надо знать!
(Замахивается косой.)

Кощей. Бабуся, стой! Я, это... пошутил.

Смерть. Такие шутки даром не проходят.

Кощей. Я дверь открыл...
Смерть.
Привыкли торговаться.
Ступай, коль жив! А это кто храпит?
Кощей.
Служака! Ноль! Пустое существо!
Он хвастал мне, что смерти не боится,
Что он чихал...
Смерть.
Тащи его в избу.
Не выпускай, пока не пригодится.
Старухе ничего не говори:
Пускай его обкуривает дымом
И думает, что я еще в избе.
Не бойся, пес! От страха не дрожи.
Уж мы с тобой всегда договоримся,
Ты будешь жить на свете сколько хочешь,
Но лишь с одним условием...
Кощей. С каким?
Смерть. Не делать добрых дел.
Кощей. А злые? Можно?
Смерть.
Подумать только, он уже согласен!
Он сотворит любое злое дело,
На все пойдет он, лишь бы только жить.
Ну что, Кощей, согласен?
Кощей. По рукам!
Смерть.
Что ж, будешь жить, пока ты полон злобы,
Пока душа пропитана неправдой
И ненависть ворочает мозгами,
Подогревая ложь и клевету.
Но ты умрешь при первом послабленье,
Пойдешь вослед за первым добрым делом.
Смотри же, парень! Помни уговор. *(Уходит.)*

К о щ е й.

Старуха Смерть и та мораль читает.
Иди-иди, покудова цела.

Раздвигая клюкой траву, выходит к избе Б а б а - Я г а.

Б а б а - Я г а.

В лесном краю живем, не замечаем
Глухой вражды и споров скоротечных,
Молва людская глохнет, словно ветер
В густом сосновом смоляном бору.
О чем тужить-то? Вести что обабки:
Свежи до полдня, к вечеру протухли,
Хоть не у всех червивое нутро.
Кто тут сидит? Неужто ты, Кощейко?

К о щ е й. Не видишь, что ли, старая карга!

Б а б а - Я г а.

Гнилое рыло, идол сухорукий,
Каким ушел, таким и возвратился.
Ух, вяленый! А где моя охрана?

К о щ е й. Солдата нет, подался на войну.

Б а б а - Я г а. Да что ты, нехристь!

К о щ е й.

Истинная правда,
Пошел, запел, руками замахал,
Ать-два! Ать-два! Как мельница пустая...

Б а б а - Я г а. Ты был в избе?

К о щ е й. Чего я там забыл?

Б а б а - Я г а.

Батог в скобе, ворота на запоре...
А карты чьи?

К о щ е й. Свои давно имею.

Б а б а - Я г а. Крапленые? Гляди же, прохиндей!

Появляется Водяной.

Водяной.

В мои года за Лешим не угнаться.
Как лось бежит болотом и каменьем,
С таким ходить — лаптей не напасешь.
О чем теперь задумалась, старушка?
Все пудришься?

Баба-Яга. И ты помолодел.

Водяной.

Ну коли так, пусти подночевать,
Стели перину.

Баба-Яга. Знамо, разбежалась.

Кощей. Сыграем, дядя?

Водяной. Не на что играть.

Кощей. Поставишь на сома, а я на зайца.

Баба-Яга. Сами себя готовы проиграть.

Водяной.

И правда, зайцы что-то фулиганят,
Лешук забыл свои дела лесные.

Баба-Яга.

В лесу тебе ль порядки наводить?
Гляди, в реке одна сплошная тина,
По омутам всегда столпотворенье,
Твое отродье чуть не в каждой луже.

Водяной. Да разве много?

Баба-Яга. Некуда ступить.

Из кустов высовывается Первая кикимора.

Вон, чьи они?

Водяной. Пошли играть, Кощейко.

Баба-Яга.

Идите, да подальше от избы.
Косая спит, на свете все спокойно,
Сонной травы теперь у нас в достатке.

Гори, гори, мое лесное зелье,
Когда сгоришь, схожу еще нарву.
Идет за ночью день, луна за солнцем,
Умрет одно, наро́дится другое,
Лишь только время катится клубком.
Не знаю, где у ниточки начало,
А где конец, и кто ее прядет...

Водяной. Тасуй колоду!

Кощей. Ставлю пару зайцев.

Водяной. Иду на двух.

Кощей. Я выиграл, очко!

Водяной. Смотри-ка ты... Иду на все четыре.

Кощей. Еще давать?

Водяной.

Давай! Давай! Давай!
К двенадцати пришел винновый туз...

Кощей. Стук, дяденька!

Водяной. Иду на все на восемь. Еще картишку...
Снова перебор!

Баба-Яга. У этих нет ни горя, ни мечтанья...

Кощей. Везет сегодня, больше не играю.

Водяной. Подай колоду! Я не банковал.

На поляне появляются Леший и Русалка.

Русалка.

Мне скучно, Леший. Всюду только лес.
Весь день одни...

Леший. Учись играть на дудке.

Баба-Яга. Сбирай цветы.

Русалка. Не маленькая я!

Леший.

Цветы нужней во цвете наших лет.
К тому же ты так скоро позабыла
Метельный свист, и синие сугробы,
И долгий сон под кровом ледяным.

Русалка. Бегут напрасно летние денечки...
Леший. Чего ты хочешь?
Русалка. Я сама не знаю.
Баба-Яга.
Постой, Лешук, не верь словам девичьим,
А верь глазам, коль хочешь ведать правду.
Слова девичьи те же мотыльки,
Не знают сами, для чего летают...
Леший.
Глаза иные тоже, бабка, врут.
Ты мне скажи, чему на свете верить?
Куда идти?
Баба-Яга. Вон дровец поколи.

Леший берет топор.

Уж больно поумнел. А ты, голубка,
Взяла бы ведра, по воду сходила,
Тут рядышком и берег и вода.
Русалка.
Меня опять на берег посылают.
Опять вода, конца воде не видно,
А мне в избе охота посидеть.
Повышиваю что-нибудь на пяльцах,
Сундук открою, полежу на печке...
Баба-Яга.
Остановись! И думать не моги
Туда нельзя...
Русалка. Ну а куда же можно?
Кощей. Опять туда же. В омут головою.
Баба-Яга.
Садись поближе, сказку расскажу.
Приснилось мне, что ты родила сына.
И Леший будто носит вас обоих
По всем лесам дремучим на руках.
Русалка. Еще чего!

Баба-Яга. Но чем не добрый сон?
Водяной. Играй, дурак!
Кощей. А что теперь поставишь? Мои теперь и окуни и щуки.
Водяной.
Помалкивай! Поставлю то, что надо.
Ты видишь девку? *(Кивнул на Русалку.)*
Кощей.
Он офонарел...
Куда ни шло! Еще одну, с картинкой,
Еще давай и крой теперь себе.
Водяной.
Проклятый лес, проклятая жара,
Шумит весь день, шумит и не смолкает,
Хоть бы гроза... О, снова перебор!
Кощей. Мне надоело, хватит, наигрались.
Водяной.
Играй, мерзавец, ставлю на себя!
Не может быть, что нет конца и края
Моей беде.
Кощей. Судьба, она слепая.
Водяной. Ты кто такой?
Кощей. Поводырь у судьбы.
Водяной. Всему конец. Теперь я сам не свой.
Кощей.
Не каждый может быть самим собою,
Ходить вослед приятнее для многих,
И если просто мыслить по указке —
Намного проще по указке жить.
Водяной. Ты прав, подлец, но кто тебе поверит? *(Уходит.)*
Кощей.
Эй ты, мыслитель! Рыбы налови!
Вокруг меня один угрюмый лес,
Меня пугает дикое безлюдье,
Отсюда нет ни тропок, ни дорог.

Опасен лик нетронутой природы,
Еще опасней дух неукрощенный,
Не знающий границы и порядка,
Свободный дух таежных босяков.
Стихию эту надо укротить!
Когда-нибудь они спасибо скажут
За то, что жить, как люди, научились
И от лесной свободы отреклись.
Смелее же!

Баба-Яга.
Чего он там бормочет?
Его к избе нелегкая несет.
Остановись!

Кощей. А ну-ка просыпайся!

Баба-Яга.
Он будит Смерть... Русалушка, голубка,
Уйди подальше, он тебя погубит,
И Смерть отныне любит молодых.

Кощей.
Старик Русалку в карты проиграл,
Со мной девчонке нечего бояться.

Баба-Яга. Проклятые... К избе не подходи!

Кощей. Эй, хватит спать! Проснулись наконец-то.

В дверях появляется сонный Солдат, Русалка прячется.

Солдат. Желаю здравья!

Баба-Яга. Мочи больше нету...

Солдат. У них война, а я сижу в избе.

Баба-Яга.
Скажи, солдатик, как туда попал?
Куда глядел? Кого ушами слушал?
Видать, умеешь только бляхи чистить
Да на грудях затягивать ремни.

Солдат.
Пооплошал... Кикиморы смутили,
Не пил давненько...

К о щ е й. Ну-ка подтянись! Ты кто у нас?
Б а б а - Я г а. А чучело в фуражке.
С о л д а т.
Забыла, что ли, с кем имеешь дело?
Могу тряхнуть — костей не соберешь.
Б а б а - Я г а.
Заговорил. С похмелья понесло,
Аль осмелел под новым командером?
Пьянчуга плуту — первый доброхот.
Мошенники! Не тыкай, не боюсь.
Давно пора, да некому покамест
На целый свет обманщиков ославить,
Раскрыть на правду пьяные глаза.
Гляди, гляди, кому ты сдуру служишь,
С каким прохвостом вышел на маневру...
К о щ е й. Закрой хайло, чащобная змея!
Б а б а - Я г а. А тьфу на вас!
С о л д а т. По ней могила плачет.
Б а б а - Я г а.
Торит вино дорогу на погост!
Все пьяницы за пазухой у Смерти.
Запомните...
К о щ е й.
Толкай ее туда,
В холодную, пускай поохладится.
Б а б а - Я г а. Запомните! *(Ушла в избу.)*
К о щ е й. Закрыть! Не выпускать! Где Водяной?
С о л д а т. Ушел в реку топиться.

Появляется В о д я н о й.

В о д я н о й. Такая жизнь, что впору и на дно.
К о щ е й.
Бери батог, садись на рундуке,
Дремать нельзя, гляди за дверью в оба,
А мы пойдем поищем остальных.
(Уходит вместе с Солдатом.)

Баба-Яга (*из окна*).
Не стыдно харе-то? Старуху сторожит.
Водяной. Дошел до ручки...
Баба-Яга. Подойди к окошку.
Водяной. Ему Русалку в карты проиграл я...
Баба-Яга.
Крапленой карте выигрыш не в счет.
Полохало! Да стой пока на страже
И делай вид, что служишь безупречно.

Кикиморы с любопытством выглядывают из-под берега.

Вторая кикимора. Смотри, смотри!
Первая кикимора. Сиди, не вылезай.
Третья кикимора. А где солдатик?
Вторая кикимора. Тише, не толкайся.
Первая кикимора. Вы слышали? Кощей уже бессмертный.
Третья кикимора. Сюда идут...

На поляну выходит **Леший**, играя топором.

Леший.
Здорово, Водяной!
Я вижу, ты сегодня в новом чине,
За что тебе такая вышла почесть?
Водяной. Не спрашивай и душу не трави.
Леший. А чем у вас старуха провинилась?
Водяной. Не знаю я.
Леший. Так надо, братец, знать. Открой ее.
Баба-Яга (*высовываясь из окошка*).
А мне добро и дома,
Вдвойне спокойней, сидя под замком.
Леший.
Ничто не вечно в мире под луною,
Тюрьмы, бывало, как огня боялись,

Кому охота с дому да в кутузку?
Теперь кутузка прямо на дому.
Обслуживанье...

Водяной. Где сейчас Русалка?

Леший. На дереве приятней ночевать.

Водяной. И ты ее в лесу одну оставил?
Бессовестный.

Леший.
Она еще не знает,
Что ты ее Кощею проиграл.
Узнала бы и тут же прибежала б...

Водяной. Тебе все шуточки...

Баба-Яга. Веди из лесу девку!

Леший.
Она ко мне, как рыба, холодна...
Веди, веди! А что у вас ей делать?
Сидеть в тюрьме? Лизать Кощею пятки
Иль для тебя по ягоды ходить?
Вставай, старик! Очнись от наважденья!

Водяной. Ты знаешь, Леший, что теперь мне делать?

Леший.
Бери батог, а я возьму топор.
Нахальство, как весенняя вода,
Пустые норы прежде заполняет
И лишь потом их пробует размыть.

Водяной.
Но злая сила не в одном нахальстве,
Она еще в бесстыдстве и уме.

Леший. Всего главнее — в нашей с вами лени.

Водяной. Наверно, так. Но что же делать нам?

Леший.
Обуться, встать и в шею гнать Кощея,
Через леса и реки — напрямик!

Баба-Яга.
Теперь с Кощеем вам не потягаться.
Он, перед тем как вылезти наружу,

И сам себя и все свои проделки
Оборонил солдатским тесаком.

Леший.

На тесаки найдутся колуны!
Авось без дров под осень не замерзнем.
Бери свою дубину, Водяной!

Баба-Яга.

Опомнись, Леший! Смерть по лесу ходит,
Вынюхивает, чем бы поживиться,
Не ты один в лесу у нас живешь!
Положь топор...

Снова показывается Первая кикимора.

Водяной.

А вам чего тут надо? Кыш! Все мои...

Леший.

Эй, цыпочки, сюда! Ну, что же вы?
(Начинает танцевать, вытаскивая на свет Первую кикимору.)

Вторая кикимора. Мы эдак не танцуем.
Третья кикимора. А где Солдат?
Первая кикимора. Ты ночью интересней.
Леший.

Ни днем, ни ночью думать не хочу.
Мы будем петь... Споем?

Первая кикимора. Споем!
Вторая кикимора. Споем!

Леший с кикиморами начинают петь и приплясывать.

Кикиморы *(поют)*.

К чему леса, к чему дубравы
И родниковая вода,
Мы без труда добьемся славы,
Мы все добудем без труда.
Уснем зимой, проснемся летом,
Любой освоим водоем,

Не признаем ничьих советов
И никого не признаем.
К чему леса, к чему дубравы...
(Входят в раж, но пляска неожиданно прерывается.)

Леший *(Первой кикиморе)*.

Прощай, красотка, хватит мне плясать,
Доплясывай с другими плясунами.
В лесной дали ворочается гром.
Вы слышите? Ломает сучья ветер.

Никто ничего не слышит.

Летят во тьме по небу птичьи гнезда,
Вода озер вздымается от вихрей,
Зовет зверье детенышей своих.
Я ухожу...

Баба-Яга. Куда ты, на ночь глядя?

Леший.

Я ухожу от вас, а не от бури,
Пока в лесах не мерены дороги,
Не вытоптаны корни и трава!
А что гроза? В грозу свежее воздух.
Прощайте все!

Баба-Яга. Зачем тебе колун?

Леший. Мне эта штука может пригодиться.

Баба-Яга. Ох, Леший, Леший...

Водяной. Кру́гом голова.

АКТ ВТОРОЙ

Изба обита пластмассой. Лес вырублен.

Кощей.

Кому свобода в мире по плечу?
Фантазиям, мечтам пустопорожним,
Еще ветрам, и то на ровном месте,
Свисти, летай и в ус себе не дуй.

Но если ты живое существо
И голова на плечах, а не шапка,
Учись по плану спать и веселиться,
Порядок знай и делай, что велят.

Баба-Яга.
А чтоб ты сдох с порядками своими!
Когда и спит, чернильная душа.
(Выплескивает помои.)

Кощей. Приказ по лесу номер... записали?

Первая кикимора *(записывает)*.
«Разжаловать. Направить на делянку.
Паек усилить. Выдать сапоги».

Водяной *(Солдату)*.
Пойдешь со мной рубить лесные сосны,
Точи тесак.

Солдат. Нам где бы ни служить.

Первая кикимора. Я слышала, что Леший где-то близко.

Кощей.
Не может быть... Похерить! Отменить!
(Солдату.)
Пошел на пост!

Солдат встает на пост.

А вы чего скопились?

Вторая кикимора. В сплавной реке не можем больше жить.

Кощей.
Насчет воды пишите Водяному.
Все по местам! Усилить караул!
(С деловым видом уходит.)

Появляется Русалка.

Русалка.
Вчерашних мест сегодня не узнать.
Какая сила вырубила рощи

И воду в реках повернула вспять?
Проснуться бы хоть чуточку пораньше,
Как интересно...

Солдат. Стой, не подходить!

Русалка.
Меня, наверно, вы не узнаете?
Ведь я Русалка, помните, по лавам
Кощея вы вчера не пропускали,
Но я просила очень пропустить.

Солдат. Русалка ты? А фигу не желаешь?
В лесную нечисть больше мы не верим.
Пошла отсюда! Хватит ваших сказок,
И разговор со мной не заводи.

Русалка. Но раньше было...

Солдат.
Мало ли что было!
А коль и было, так один дурман.
Проваливай!

Баба-Яга. Кого ты там ругаешь?

Солдат. Да блазнит мне, вдругорядь наважденье.

Баба-Яга. Пусти, дурак!

Солдат. Несите разрешенье.

Баба-Яга.
Да спятил он, не слушай, проходи.
В своем лесу я стала не хозяйка.
Без пропуска по лавам не пускают,
Вот до чего старуха дожила!
А ты-то как?

Русалка. Меня никто не любит...

Баба-Яга.
Ишь что ей, глупой, в голову пришло.
Не ты одна в девической поре
Сама себя изводишь понапрасну,
Не гонишь прочь навязчивую думу,
Что никому на свете не нужна.
Вы мастерицы попусту реветь,

Приятно вам выдумывать изъяны
Самим себе и, зависть разжигая,
Душевной муке волюшку давать.

Русалка. Все изменилось. Где мои березы?

Баба-Яга.

Иди-ка в избу, матушка, иди.
И спрячься там, сиди не вылезая.
Кикимора, помощница Кощея,
Пошла по лесу Лешего искать.

Русалка. Зачем он ей?

Баба-Яга. Кощей ее послал.

Русалка идет в избу.

Хотят сначала выманить из лесу,
А там не знаю, что у них за планы...
Ты все стоишь?

Солдат.

Стоял, стою и буду стоять!

Баба-Яга.

Да кто тебе мешает?
Сходить с ума по-своему милее.

Солдат. Куда пошла?

Баба-Яга. По ягоды, статуй!

Солдат.

Пораспустились, ходят где попало,
Не признают дневные распорядки,
Ночные тоже худо признают.
Эй вы, шишиги!

Вторая и Третья кикиморы пытаются проникнуть на тот берег.

Вторая кикимора. Фу, как некультурно.

Солдат. Давай плыви, откуда приплыла.

Третья кикимора. Ругается...

Вторая кикимора.

Мигни ему, балбесу,
Прижмись бедром, усы ему погладь.

Пусти, сама попробую. Солдатик!
Але-але! Своих не признает.
Осатанел? Проклятый вышибала...

К лавам подходит Леший, он по-прежнему с колуном.

Леший. Постой, солдат, за что ты так ее?
Солдат.
Опять пошли. Один другого чище.
И все по лавам, с этой стороны.
Ну, будь что будет, дешево не дамся...

Появляется Кощей.

Кощей.
Ослеп, дурак? Немедля пропустить!
Мы все вас ждем. Давно и с нетерпеньем.
Леший. Кто это вы?
Кощей.
Отнюдь небезопасно
В глухом лесу, к тому же без оружья,
В грозу и дождь, при нашем бездорожье...
Надеюсь, все у вас благополучно?
Леший.
Как много стало в мире всяких слов.
Остановитесь, хватит лицемерить,
Я вижу вас и знаю, что вам надо.
Кощей. Еще не знаете.
Леший.
Тем лучше для меня.
Где Водяной? Кикиморы? Русалка?
Сосновый бор, куда он мог деваться?
И что с рекою вдруг произошло?
Кощей.
Но вы меня когда-нибудь поймете
И скажете, что были вы не правы.

Леший.

И в честь твою воздвигнем монументы
На месте бывших вековых дубрав!

Кощей.

По крайней мере, глупо неизбежность
Не замечать и делать добрый вид.
Взгляни на мир, преображенный нами,
Мы не стоим на месте, мы идем!

Леший.

Да, ты идешь, согласен, но идешь ты,
Свои ж следы стирая за собою,
Предвосхищая Смерть и пустоту!
Вы и себя, себя перехитрили...

Кощей.

Мне надо видеть вас наедине.
Препятствий нет для нашей
с вами дружбы.
И тратить время в глупых перебранках
Обоих нас, наверно, недостойно.

Леший. Обучите? Поставите на должность?
Кощей. Мундир и сабля будут вам к лицу.
Леший. Меня на пост, Солдата в лесорубы...
Кощей.

Но Водяной едва таскает ноги
(кивает на Солдата),
Ну, а ему тяжелый труд полезен.
Подумайте, с ответом не спешите.

Леший.

Прочь от меня, трусливая шпана!
Ты все измерил, но своим аршином,
Распределил, кому в какое место
Когда ступить, чего жевать сегодня
И что и сколько завтра поутру.
Поймешь ли ты, что в мире неделимом,
В неповторимом сердце человечьем

Всегда найдется что-нибудь такое,
За чем никто вовек не уследит?

Кощей.
Ты забываешь, с кем имеешь дело
И чем оно в конце тебе грозит.

Леший.
А мне начхать, что ты Кощей Бессмертный,
И ни тебя, ни Смерти не боюсь я!
Пускай идет... Чем жить в таком соседстве,
Среди пеньков, среди равнин безводных,
Без птичьих песен... лучше умереть.
Зови ее!

Из избы незаметно выходит Русалка.

Русалка.
Он всех к себе зовет,
Одну меня не хочет даже видеть,
Не хочет знать, что в сердце у меня...

Леший *(Русалке)*.
Я по лесам всю ночь ищу тебя.
Когда во тьме горел цветок полночный,
Роняя в мох рубиновые искры,
Я забывал сомненья и усталость
И видел в нем русалочий костер.

Русалка.
Нет, правда, Леший? Все мои березы
Куда-то делись. Лес переменился.
Кричала я, но ты не отвечал.

Леший. Идем, идем...

Леший хочет увести Русалку, но Кощей делает знак Солдату.

Солдат. Придется задержаться.

Леший.
Поправь ремень на пузе, негодяй!
Да погляди вокруг себя позорче...

Солдат. Долой с пути!
Водяной. Опять у них война...
Кощей. Не здесь, подальше...
Русалка. Леший, перестань же!

Появляется Смерть.

Смерть.
О, как смешны язычники мои!
Им нипочем, что власть моя без меры.
Травинка вырастет, букашка иль жучок,
Иль дерево, иль рыба в окияне —
Все отмирает тихо и спокойно,
Никто не просит жизнь свою продлить.
Но с человеком сущая морока,
Сидит во чреве, а уже сучит
Против меня руками и ногами.
Издалека на это я гляжу,
Не тороплюсь, пусть выйдет из темницы.
На белый свет появится пускай.
Один, второй, десяток, миллионы!
Рождаются и знать себе не знают,
Что все они когда-нибудь умрут.
В моих руках рожденные уже
И те, которые еще и не родились.
Леший.
Умру в бою, и будешь ты безвластна...
Идем, Солдат, узнаем кто кого.
Смерть.
Благословляю вас! Коси, моя коса.
Коси, коса, пока роса по лесу,
Пока в лесу кровавая роса,
Коси, коса, коси и день и ночь,
Из века в век, на суше и на море,
Коси, коса, коси и не тупись!
(Хохочет.)

Леший и Солдат начинают биться насмерть, отступают в глубину сцены.

Сошлись! Ха-ха. Мне любо, любо видеть
Лесные мхи, пропитанные кровью,
Горячей кровью вспененные реки.
Не вижу что-то, кто кого теснит...
Ай, молодцы! Почин дороже дела.
Война, война! Она таежным палом
С часу на час покатится по свету,
И всем слезам обманутого мира
Того огня уже не потушить.
Ура, ура! Теперь не остановишь,
Вон, поднялись, уже коней седлают.
Затмила пыль восточную зарю.
Земля дрожит от топота и рева,
Ряды сомкнулись, скачут без дороги
И жгут и топчут свой зеленый мир!
А эти спят... Как будто опилися,
Вон, шум услыша, кто-то пробудился,
Зашевелились, словно муравьи,
Забегали цари и полководцы,
Солдат сзывают под свое крыло.
Как паруса вздымаются знамена,
Поет в зенит военная труба!
А там, в сторонке, замерев от страха,
Соглядатаи время выжидают,
Союзнички, надеются без боя
На будущее силу сохранить
И помыкать землей опустошенной.
Бывало так! На этот раз не выйдет.
И ваши плечи в битве затрещат.
Вперед, вперед! Вот будет красотища,
Когда пожаром всю охватит землю,
Потухнет солнце, загремит металл,
Когда сойдутся в смертном поединке
Все люди мира, все до одного!

Какое море крови разольется,
Какая ширь! О, сколько их умрет!

Из темноты выходит Баба-Яга.

Баба-Яга.
Уймись, косая, отступись, опомнись.
Возьми меня, оставь людей в покое,
Пускай живут.

Смерть. Довольно, нажились!

Баба-Яга.
Суставчики простуженные ломит,
Не помогают травы и коренья.
Сними зарок! Избавь меня от муки,
От солнышка, от неба, от земли!

Смерть.
Живи, Яга. Я знать тебя не знаю.
О, понеслись! Они сейчас сойдутся.
В дорогу, Смерть! Теперь твоя пора.

Баба-Яга.
Будь проклята! Пускай твоя коса
Иступится об шеи человечьи,
Чтобы тебе махать не по силáм,
Пускай твое развалится костье,
Забьет песком твои глаза пустые.
Будь проклята! Отныне и до веку
Пойду вослед за черным балахоном,
Стремиться буду по твоим пятам,
Везде мешать, без устали ругаться,
Плевать в глаза и худо норовить,
Держи ее!

Смерть вырывается из рук Яги и исчезает.

Водяной. Они опять воюют.

Солдат и Леший продолжают борьбу.

Баба-Яга.

Опять, опять. А ты куда глядел?
Нельзя уйти из дому на минуту.
Останови побоище, Кощейко.

Кощей. Не я затеял, и не мне кончать.

Водяной.

Бедняга Леший обронил топор,
Идет на приступ с голыми руками...

Кощей. Сам виноват.

Русалка. Они его убьют!

Водяной. Уже убили...

Русалка. Он не шевелится!

Баба-Яга. Проклятые! Куда клюка девалась?

Появляется растерянно-бодрый Солдат.

Солдат. Запомнит он, как спорить с часовыми.

Водяной. Как он запомнит, если он убитый?

Кощей. Похоронить! Поставить обелиск.

Баба-Яга.

Таких, как вы, земля уже не держит!
Ее трясет от жалости и гнева,
И судорога сводит все нутро,
Она давно готова расколоться...

Кощей. Солдат, заставь старуху замолчать.

Баба-Яга. Вон от стыда краснеет солнце в небе.

Кощей. А у тебя откуда красноречье?

Вторая кикимора. Какой-то ужас!

Третья кикимора. Что тут происходит?

Вторая кикимора.

Твой разлюбезный Лешего убил.
Теперь во мху убитого хоронят.

Третья кикимора.

Неправда, нет, пусти меня, пусти!
Он не такой, все это наговоры.

Вторая кикимора. А отчего же кровь на тесаке?

Третья кикимора. Какая кровь? Раздавленная клюква.

Кощей.

Эй, замолчать, болотное бабье!
Все заходи! Живее, в помещенье.
И ты, и ты туда, по одному.

Кощей всех загоняет в избу, Третья кикимора незаметно увертывается.

Переписать.

Первая кикимора. В алфавитном порядке?

Кощей.

Старуху в этот список не включать.
Она бессмертна тоже почему-то.
Смотри-ка, сколько ягод собрала.

Баба-Яга. Тьфу, тьфу на вас...

Кощей.

Ворота запереть.
Моя звезда восходит над лесами,
Она горит, горит и не сгорает,
Как не сгорает ненависть моя.
Все позади! Мне некого бояться,
Я приведу в порядок этот мир!
Держа под гнетом собственные мысли,
Все на земле теперь пойдут за мною
И будут делать то, что захочу.

Солдат. Еще копать?

Кощей.

Зарой его поглубже.
Постой, постой, а где же ходит Смерть?

Солдат. Не видел я.

Кощей.

Оставь его покамест.
Не обошлось и тут без волокиты.
Порядочки... Но где ее искать?
(Уходит.)

Третья кикимора *(поет).*

Сойду в лесу с тропиночки
И встану под хвою,
Пусть капают дождиночки
На голову мою.
Сгадаю на судьбу мою,
Ох, нечет или чет?
Сгадаю да подумаю,
Куда река течет.
Течет под ясным солнышком,
Под желтою луной,
По камушкам, по колышкам
Лесною стороной.
То хмурые, то ясные,
Вода уносит дни,
И гасит в поле красные
Купальные огни.

Солдат.

Луна заходит, знать, перед рассветом.
Опять моей кикиморе не спится.
Над мертвым филин ухает и стонет.
А может, мне мерещится от страха?
Чур, чур меня...

Третья кикимора. Солдатик? Догоняй!

Солдат.

Ух, чтоб тебя... Фуражку утащила.
Заигрывает, манит прямо в омут.
Чего бояться? Я других не хуже.
(Бросается в воду.)

Баба-Яга.

Сухим не быть в зятьях у Водяного,
А дураки не тонут, не горят.
Русалушка, ты все сидишь, бедняжка?

Русалка. Я жду утра...

Б а б а - Я г а.

Пойдем, попричитаем.
Поплачь над ним, тебе и станет легче.

Р у с а л к а. Я не умею плакать.

Б а б а - Я г а.

Научись!
Когда не плачут, сердце каменеет,
Но горечь плавит каменную тяжесть,
Душа светлей от выплаканных слез...
Лежит, сердешный, будто и не мертвый.
Омыта рана утренней росою...

Р у с а л к а. Он слышит нас?

Б а б а - Я г а. Мне неоткуда знать.

Р у с а л к а *(садится у изголовья Лешего)*.

Хрустальный звон березовых сосулек,
Сосновый вздох во сне лесном, глубоком,
Синичий свист и шорох снегопада
Пускай зимой услышит милый мой.
Лебяжий крик за синими морями,
Зеленый ток в листы от корневища,
Плесканье в небе солнечного плеса
Пускай весной услышит милый мой.
Подземный гул, рожденный небесами,
Утробный голос тварей бессловесных
И голос мой над смертным изголовьем
Пускай услышит летом милый мой!

В о д я н о й. Для всех живых одна и та же участь...

Б а б а - Я г а.

Пока темно и нас никто не видит,
Не стой как пень! Скорей неси водицы,
Сначала мертвой, а потом живой,
Очнись, очнись!

В о д я н о й.

Да где ее возьму я?
Все родники с живой водой засохли...

Баба-Яга.
Не поленись! Достань из-под земли.
Ты Водяной, тебе и карты в руки.

Первая кикимора.
Кто здесь распоряжается водою?
Умыться нечем.

Баба-Яга. Идол, достоялся...

Первая кикимора.
Колдуете? Напрасный это труд.
От слов никто вовеки не воскреснет,
И воскрешать, по-моему, не надо.

Баба-Яга.
Одно по-твоему, по-нашему другое.
Не стой, вихлюй! Иди куда пошел.
Играть да пить у вас хватает толку,
Леса рубить находится смекалка,
И сила есть друг друга молотить,
А как до дела, ноги приморозил.
Ищи родник!

Первая кикимора.
Смешно их даже слушать,
Что может быть глупее ворожбы?

Баба-Яга.
Опять стоит... Иди, иди скорее,
Ищи живую, мертвая повсюду,
Да по дороге уши затыкай.

Первая кикимора. Ох темень-матушка!

Вторая кикимора.
Обычное притворство.
А может, просто детская игра?

Появляется Кощей.

Кощей.
Играют в детстве, в старости — глупеют.
Куда же ты, дружище Водяной?
Сойдем на берег, малость потолкуем.

Водяной.

Пусти, Кощей, она меня послала
Искать в лесу родник с живой водою...

Кощей.

Неужто есть такая на земле?
Что за народ! Им нужен день вчерашний.
Но сколько можно верить в эти басни,
Вокруг себя не видя ничего?

Водяной. Да я-то что... Вон, все она, старуха...

Первая кикимора. Хотят того, что умерло навеки.

Русалка. Он смотрит в небо!

Баба-Яга.

Нет, моя касатка.
То небеса в глаза ему глядят.
Утри росу, смежи ему ресницы
И помолчи до утреннего ветра...

Кощей. Зарыть его! Эй, где у нас охрана?

Первая кикимора. Как и всегда, Солдат оставил пост.

Кощей. Влюбился, что ль? *(Солдат пытается поймать Третью кикимору.)*

Первая кикимора. На сказочной основе.

Третья кикимора. Лови, лови!

Солдат.

Ох, прямо наказанье,
Такая девка хуже всякой пушки.
Ни спереди, ни с тылу не дается.

Кощей.

Иди сюда, влюбленный часовой!
И ты, я вижу, тоже очарован...

Третья кикимора *(смотрит на Лешего)*. Кто это?

Вторая кикимора. Леший. Разве не понятно?

Третья кикимора. Но он... лежит.

Вторая кикимора. Возьми и разбуди.

Кощей.

Так что же, братец, разве эдак служат?
Ушел с поста, не выполнил заданья.
Ну, где гулял?

Солдат.

Исправлюсь, виноват.
В ночном лесу, один, без подкрепленья
Стоишь, стоишь, и вдруг тебе поблазнит,
А с тайной силой тоже шутки плохи.

Кощей.

Да нет же, нет ни леших, ни русалок!
Ни водяных! Ну сколько раз твердить?

Баба-Яга. Всех отменил, кого убить не в силах...

Водяной. Скажи, Кощей, а Смерти тоже нет?

Третья кикимора. Он кто такой? Кого мы так боимся?

Кощей.

Молчать, мерзавка. Живо! За кулисы!
Гони ее!

Солдат. Иванович, потише.

Баба-Яга. Иванович... час от часу не легче.

Кощей. Чего ты ждешь?

Солдат. Чтоб ты охолонул.

Кощей. Но я приказ не объявляю дважды.

Солдат.

А я тебе ее не дам в обиду.
И так намерзлась девка по болотам,
Кому она на свете помешала?

Кощей.

Иди сюда и положи тесак.
Ну? Сколько ждать?

Солдат.

Мы вам не присягали.
И присягать, пожалуй, не желаем,
Нет, с этим делом надо погодить!
(Обнажает тесак.)

Первая кикимора. Но он же шутит! Что ты! Успокойтесь...

Солдат. И ты, растрепа, тоже отодвинься.

Водяной. Пускай узнает, где зимуют раки.

Русалка.

Оставь его, солдатик, погоди!
Не убивай! Не будь убийцей дважды.
Он среди нас, быть может, всех
несчастней.
Жить нелегко без сердца и души.

Баба-Яга. Да и ума у ирода нелишка.

Русалка. Неужто Смерть опять на лавы ступит?

Кощей.

Немыслимо... Они меня жалеют.
Они забыли о моем бессмертье.
Лесная погань! Быдло с тесаком!
Ну, что глядишь?

Солдат.

Он мне в глаза смеется,
Он издевается, и я его прикончу.

Баба-Яга.

А кто винищем будет вас поить?
Картежничать? Подсовывать кикимор?

Водяной.

Яга, Яга, попридержи язык.
Плохи дела...

Баба-Яга. Один другого стоит.

Третья кикимора плачет.

Что, матушка?

Третья кикимора.

Они убьют друг друга.
И я в лесу опять одна останусь...

Баба-Яга.

Да ведь они не слушают меня.
Вишь, разъярились, топчутся на месте,

Слюною брызжут, ничего не чуют
И все шипят, как тéтерева два.

Кощей отступает в избу.

Солдат. Ну, вылезай!

Баба-Яга.
Как все переменилось.
Постой, Солдат, запри плотнее двери,
На хлеб и квас прохвоста посади
И соблюдай до смертного приходу
В избе часовню, крепость и тюрьму.
А Смерть придет и все у вас рассудит...

Солдат.
Опять служи, как медный котелок!
(Встает на пост.)

На сцену снова выходит Смерть.

Водяной. Легка, легка косая на помине.

Третья кикимора.
Не надо Смерти, я ее боюсь!

Смерть.
Неслыханно! Невиданно! Войною
Земля была готова захлебнуться,
И вдруг затихла смертная тоска.
Я ринулась туда, на поле боя,
Где пыль похода медленно садилась,
Гляжу, а там летят под облака
Не вороны, а шапки, и знамена
Раскиданы, и крики боевые
В зубах застряли, размягчились мышцы.
И злая кровь отпрянула от глаз.
Враги вино друг другу наливают,
И руки жмут, и хлопают по спинам,
Что творится... Позвать сюда Кощея!

Солдат. Поосади.

Смерть. А это кто такой?

Солдат. Глухая, что ли? Сказано — подальше.

Смерть.

Я, может, слов таких не понимаю.
Откуда ты, нечесаный, явился?

Солдат. Я и тебя, пожалуй, причешу!

Вторая кикимора. Привык хамить со всеми без разбора.

Водяной. Идет на Смерть...

Третья кикимора. Не надо!

Первая кикимора. Обнаглели! *(С возмущением покидает сцену.)*

Баба-Яга. Бузу при всех в лесу не поднимайте.

Солдат.

А мы поговорим без посторонних.
Постереги ворота, Водяной!
Уразину возьми на всякий случай.
(Тащит Смерть за сцену.)
Одно костье, а силища воловья...

Баба-Яга.

Не оставляй ее без ремесла.
Везде пеньки, тащи поаккуратней.
Одна она, а нас на свете много...

Водяной. Кого жалеешь, сивая колдунья?

Баба-Яга.

На страже стой и зря не ерепенься,
Была бы Смерть, а Жизнь свое возьмет!

Третья кикимора. Где мой солдатик?

Баба-Яга.

Милая, не знаю.
Беги за ними, может, пригодишься.

Третья кикимора убегает.

(Второй кикиморе.)
А ты, роспеля, нос не вороти.
Встань на ноги, зови свою товарку

Да собери Кощею передачу,
Авось и он расплатится добром.

Вторая кикимора лениво уходит.

Русалушка... Нам не дают поплакать...
(Грозит Водяному черным пальцем.)
Гляди за ним. Пойду искать родник.

Светает.

1978

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Иванович Белов

ТРИ ПЬЕСЫ

М., «Советский писатель», 1983, 192 стр. План выпуска 1983 г. № 238

Редактор *В. П. Стеценко*
Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *Л. Н. Морозова*

ИБ № 3665

Сдано в набор 18.10.82. Подписано к печати 9.03.83. А 04039. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,16. Тираж 30 000 экз. Заказ № 790. Цена 80 коп. Издательство «Советский писатель». 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

30 к.

